

Анатолий
БОГДАНОВИЧ

ИЗБРАННОЕ

МОСКВА
2013

ББК 84
(2Рос=Рус)6
Б 73

Богданович А. А.

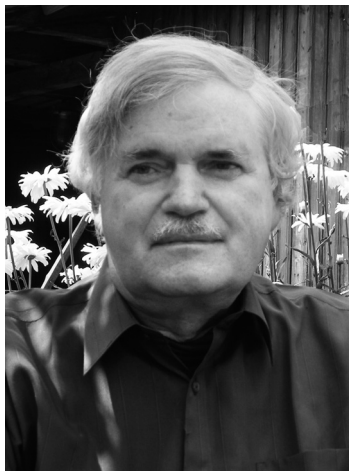
Б 73 Избранное: Стихи, поэма, сказки. – М.: 2013.
– 416 с.

Со времени выхода первого тома «Избранное» минуло тринадцать лет. И вот автор представляет второй том, вобравший в себя всё лучшее, что было создано им за этот период, что высоко оценил читатель по отдельным поступавшим к нему книгам. Оценку поэтическому творчеству А. Богдановича дали профессиональные и общественные центры. В последнее десятилетие Анатолий Александрович стал лауреатом премий музея им. Н.А. Островского, паралимпийского комитета, удостоен медали им. М.А. Шолохова «За гуманизм и служение России» и других наград.

Второй том «Избранное» – двадцатая книга по числу изданных – дарит поэтические образы взрослым и маленьким читателям, лирикам и любителям истории, размышления о месте человека в современном мире, его духовности, его будущем.

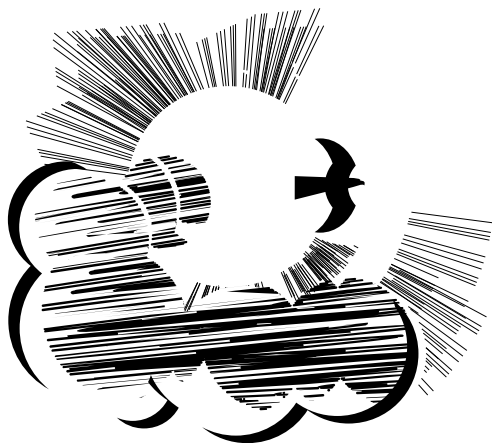
© Богданович А.А. 2013

*Нине –
любимой женищине и Музе –
посвящаю*

*Читатель мой! Я в этой книге
Себя старался отыскать.
Мне строк душевные вериги
Не позволяли раскисать.
Поэзия не терпит барства –
Она скромна, она мудра.
И держится её богатство
На самом кончике пера.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Ржавчина разъест, иссушит тля,
Оборвётся под ногою стремя...
Нет прочней одежды, чем земля,
Посоха надёжнее, чем время.*

* * *

Я – простой служитель слова.
Нас всё меньше на земле.
Петь любя душа готова
Будь-то в зной иль по зиме.
Принакроюсь волчьей шкурой
На диване, как в санях,
И помчит меня каурый
В зачарованных полях.
Из борозд взметнутся зайцы,
Пропадёт лиса в стогу,
Ожидал и ты, признайся,
Ярких красок на снегу?
Раздувает ветер пламя
Из снежинок в кутерьме,
Коршун кружит над полями,
Посылая клич зиме.
А её и звать не надо:
Чуть присвистнет ветерок,
Как она из снегопада
Затанцует вдоль дорог.
В этом мире всё условно –
На коне иль без коня.
Я – простой служитель слова,
Что, скажите, взять с меня?

2011

* * *

Ты ждал от яблони плодов,
Когда весной цветы играли.
Ты караулить был готов,
Чтоб лепестки не оборвали.
И тайну завязи храня,
Под тенью лёгкой и крылатой,
Надеялся день ото дня
Увидеть яблоню богатой.
А ветви празднично цвели,
И пчёлы дружно пировали.
Но сроки зрелости прошли.
И все надежды миновали.
Подруге ласковой не верь,
Когда под яблоней вздыхаешь.
Ещё не ощутив потерь,
Ты мнишь, что счастье обретаешь.
Зари слетают лепестки
На небосклоне нашей жизни.
Цвет времени, что жжёт виски,
На свадьбе есть и есть на тризне.
Невеста-яблоня горда
Своей возвышенной любовью...
Так люди, с радостью и болью
Цветут, пока в них красота.

1985

Соловьи

Я ловлю себя на мысли,
Что давно страдаю сам
И готов за ради жизни
Бросить вызов соловьям.
Я спою тебе такое –
Никому того не спеть.
Только будь всегда со мною,
Только «да» сумей – ответь.
Мы пойдём с тобою рядом
В откровении любви.
И охрипнут от досады
Все в округе соловьи.

1967

Кольцо

В засохшем дереве любви
Весенний луч играет соком...
О, если б радости твои
Меня коснулись ненароком!
Я, неприкаянный, хотел
Найти в знобящем зное жизни
Пускай короткую, но тень
Твоей любви, где радость зиждет.
Хотел укрыться насовсем
В ней от прокуренных страданий.
Какое дело мне до всех
Несостоявшихся свиданий!
Их неземные голоса
Мир в млечной паутине держат...
Зажгли небесные глаза
Во мне с горошину надежды.
Полжизни я уже влюблён,
Полжизни дожидался встречи,
И вот, тобою опьянён,
Я светел, будто звёздный вечер.
Мы по простуженной реке
Плывём, и синева не тает,
Лишь золотое на руке
Кольцо предательски мерцает.

1973

Говорили ему...

Говорили ему – не ходи за красивой,
Что воды с красоты, как известно, не пить.
Чаровала его непонятная сила
И за нею опять заставляла ходить.
Говорили ему, что с красивой женою
Не совсем безопасно знакомить друзей.
Ну, а он, как нарочно, являлся порою
Среди шумных балов обязательно с ней.
Говорили ему, что красивые дети
Эгоисты, каких днём с огнём поискать.
Ну, а он – Бог тому неподкупный свидетель –
Их кормил, оставляя себя без куска.
Говорили ему, что красивым остаться
Невозможно никак до преклонных годов.
Ну, а он удалой молодецкою статью
Потягаться с любим и сегодня готов.
Говорили ему, красота – наказание,
Кто-то из-за неё попадает в беду.
Говорили ему... Одного не сказали,
Что любовью зовут на земле красоту.

1970

Миф одиночества

Растревожив в пещере мглу,
Я решил в одиночку выжить.
Где-то каплей стуча в углу,
Камень силился время выжать.
А вчера забежал ко мне
Ёж в накидке своей колючей.
Что искал он среди камней,
Где лишь пыль да песок сыпучий?
Я свободен, как дух огня...
Вдруг очнулся от взгляда девы,
И смотрела она сквозь меня
В ей лишь видимые пределы.
Появлялась она не раз,
Угли жаркие ворошила,
В тот же самый закатный час
Нараспев в тиши ворожила.
И уже, казалось, ни дня
Не прожить мне теперь без девы.
И пещера, как западня,
Где она у костра сидела.
Ёж протопал куда-то в ночь,
Капля времени затаилась,
Одному и дышать невмочь,
Жить в любви – это Божья милость.

Я услышал огня мотив,
Рассыпавшего в пепел ветку.
Одиночество – просто миф,
Будто дым от костра по ветру.

2007

Дар

Завещала мне кукушка
Из Ахун,
Чтобы жил я в тайне душевной,
Как колдун.
Чтоб и ветру не дознаться
Никогда,
Где в бору цветы гнездятся
Иногда.
Где торжественно и свято
Ходит гром,
Тишина ещё не смята
Сапогом.
Шепчут ветви без умолку,
Зелены..
Потеряла ты заколку –
Дар сосны.
Не горюй! Смотри, их сколько –
Тут и там.
За тобою скачет сойка
По кустам.
Тропки к свету расколдую,
Обойду.
Но ахунку молодую
Не найду.
И откроется чуть позже,

Ослепя:
До чего ж она похожа
На тебя.
Что разгадывать без толку
В дымке сны?..
В волосах блестит заколка –
Дар сосны.
1989

* * *

Синева над землёй, синева,
То ль позёмка листвы, то ли снега...
Нету ближе на свете родства,
Чем природы с душой человека.
Жизнь бежит за верстою верста,
Цифры-годы мелькают навстречу.
Лишь вчера была зорь красота,
А уже надвигается вечер.
Но и вечером звёзды горят,
Отражая и чувства, и мысли,
Радость жизни – твой лучший наряд,
Как в лесу разноцветные листья.
Ты в туманную даль оглянись,
Где небесные звёзды, как знаки.
Может, там и рождается жизнь,
Может, там и сгорает во мраке.

2001

Фортуна

Александр Запорожцу

Судьба порой коварна и слепа,
Лукавая, с манерами артистки...
Распахнута, как русская изба,
Твоя душа не ведаёт прописки.
Играет скрипка где-то в полумгле,
Табачный дым и песня удалая.
Мелькнёт неуловимо на челе
Морщинка, будто стёжка полевая.
Ты приглядишься, кто рядом за столом:
Вот радость, тут печаль, а там надежда
И зависть, что едва заслышав гром,
В любой момент оставит без одежды.
Обнявшись, скупость с нищетой сидят,
И благодарность еле-еле дышит.
Глаза за ними пристально следят,
Но где художник, что тебя напишет?
И кто сомненья сердца разберёт
И мысли, что нуждаются в приюте?
Кто просчитает время наперёд,
Живой имея на плечах компьютер.
А за окном – пичуги в синеве,
Журчит родник недалеко от дома.
И женщина проходит по траве
Сама собой, как сладкая истома.
Не оттого ли на душе светло

И над землёй восходит Добродетель.
Не всем с фортуной в жизни повезло,
Звезда небес – единственный свидетель.
И я присяду тихо за столом,
Налью бокал игристого напитка.
Пусть думают, что я с тобой знаком...
Всё остальное доиграет скрипка.

2007

* * *

Не смею, Господи, просить
Продлить мой жалкий век,
Ведь ты ещё не смог простить
Мне от молитв побег.
И то, что в доме без икон,
Вдали от неба жил.
И то, что в колокольный звон
Седин не обнажил.
И то, что не перекрестясь,
Садился я за стол.
И то, что благами прельстясь,
Сокрыл в душе раскол.
В печали радость не постиг,
А в радости – печаль.
Не жадным был, но в кой-то миг
На свечку стало жаль.
И всё же верится, продлишь
Не путь мой, так полёт,
Когда единственная лишь
Вдруг женщина всплакнёт.

1992

Любовь Коперника

То ли сказка, то ли правда,
То ли вымысел времён,
Что красоткой из Турона
Был Коперник увлечён.
Ясноглазая полячка
Не скрывала тоже чувств:
Был канонику обещан
В скором времени союз.
Год прошёл. Любовью званный,
Он примчался к ней в Турон.
Но не радуется при встрече
Жениха церковный звон.
На рысях летит карета
Сквозь толпу и тяжкий гуд...
Из ворот ему навстречу
Гроб с невестою несут.
Видал люд, как он прощался,
Как венок за гробом нёс,
Как плюща листок зелёный
Из венка с собой увёз.
Есть любовь. Она бессмертна –
Так предание гласит.
И, густым плющом увитый,
Дом Коперника стоит.

1968

Провидение

Какое мне теперь, скажите, дело
До суеты на бренном рубеже?
Уже и время вроде прогудело
Задуматься о собственной душе.
Нет, я на жизнь нисколько не в обиде
И на любовь, прозревшую в пути.
Она – моя отрада и обитель,
Ей крест высокий выпало нести.
На том кресте распят я без причины
В мучительной иронии небес.
И, вырываясь из людской пучины,
Несётся крик, судьбе наперерез.
Она зовёт – любимая, подмогу,
И голос обжигает облака...
И привыкает к мысли понемногу,
Что этот крест – подобие цветка.
И, может, оттого, что не просила
Дороги легче – ясно ей одной,
Как по цветку-кресту снисходит сила
Откуда-то из глуби неземной.
Давайте же помолимся сегодня
Тому, кто завтра переступит боль...
Спасёт всех провидение Господне,
А душу исповедует любовь.

1990

Трубач

Деревенька Поло́ва
Из владимирских мест.
Здесь в семье Иванова
Пять красавиц невест.
Нарядившись под вечер,
Собирались в избе,
Где играл на крыльчке
Паренёк на трубе.
И стучали нещадно
Каблучки во весь дух,
И служил танцплощадкой
Старый мельничный круг.
Паренёк притомился,
Пять невест в свой черёд:
– На какой бы женился,
Глянь-ка, кто подойдёт?
Покраснел в обе щёки
От смущенья трубач.
Пять невест, как трещотки,
Как сороки, хоть плачь.
Отшумели метели
И дожди за окном...
Бравый парень в шинели
Постучал в отчий дом.
Взял трубу, что под вечер
Свет луны обрела,

Тут тихонько за плечи
Мать его обняла.
Сын не знал, что девчата
С верой в лучшую жизнь
За судьбою превратной
На шоссе подались.
Он трубил, что есть силы,
Созывая невест.
Круг глядел сиротливо
В бездну синих небес.
Избы жмутся к заборам,
Загрустив от потерь,
И труба над простором
Дико воет теперь.

2005

Покаяние любви

Дочери Ларисе

Краснея от смущения,
Потупив взор в слезах,
Пришла любовь к священнику
Покаяться в грехах.
Молчит благопристойная,
И мысли рвётся нить:
Извечная история –
Как жить и как любить.
Я ощутил нечаянно
Чужого сердца грусть.
Признания в отчаянье
С её срывались уст:
– Во мне, что воды вешние,
Бунтует кровь и плоть.
Ах, грешница я, грешница,
Прости меня, Господь!
Она была прелестною,
И в трепете огней
Земное и небесное
Торжествовало в ней.
Мерцая облачением,
Священник прошептал:
– Ты и моё мучение,
Мой грешный идеал.
Я вглядывался пристально,

Как сквозь кадилый дым
Она молилась истово
Пред образом святым.
В какое-то мгновение
Вдруг озарился храм...
Священник в изумлении
Взирал по сторонам.
И я душой безбожною
Искал среди теней
Ту грешницу, похожую
На свет любви моей.
Искрились свечи брызгами,
Как росами трава...
Любовь возникла призраком,
Но таинством жива.

2006

* * *

Глаза – осенняя усталость.
Душа – нетопленная печь,
В которой лишь зола осталась
От прежних чувств,
От прежних встреч.
Совсем как будто одинокий
Сижу, закрывшись на крючок.
Совсем, как камень у дороги,
Я не тоскую ни о чём.
Под лунным, призрачным сияньем
Травы переливался шёлк..
Вчера письмо своё – признание
Я под окном твоим нашёл.

1967

Молитва

Отечество земное и небесное –
Из церкви и в евангельские кущи.
Нахлынет ликование иль бедствие –
Я в постоянство будущим отпущен.
Оттуда благодатное свечение
И льётся расстоянье синевою.
Оттуда запахи травы вечерние
И тропы, что распуганы совою.
Одна ведёт на сгорбленное кладбище,
Другая – к монастырскому подворью.
А эта – в зеленеющее пастбище,
Где месяц выезжает на подводе.
Цветы взошли, как звоны колокольные,
Что пчёлами рассеяны в округе.
И облака торжественно-спокойные,
Как будто в стаи обратились звуки.
Как совесть, церкви светлые в отечестве,
Где окна – голубыми родниками
Нас уголяют мыслями о вечности,
Какие б миражи ни возникали.
А у ворот берёзка-бесприданница,
Чья грусть богатым шелестом разлита...
Пусть лишь тропа в отечестве останется –
И это будет о любви молитва.

1994

Гнездо

Аркадию Федоренко

Как гром с небес. Как буйный водопад,
Что рассекает каменные щели,
Так искры-капли на весёлый лад
Неугасимо светятся в ущелье.
На каменном уступе жил орёл,
Отщёлкивая мудрости мгновенья.
Всплывало солнце, будто ореол,
Играя сединою оперенья.
Вдруг молния ударила в скалу,
И задымились травы на уступах.
И взмыл орёл в сиреневую мглу,
В родном гнезде птенцов оставив глурых.
Они старались гром перекричать,
Они боялись беглых вихрей рыжих.
Огонь в траве не умолкал трещать
И подбирался к ним всё ближе, ближе.
Орёл в пике нырнул под водопад,
И, скрученный бурлящими сетями,
Он вырвался и поспешил назад,
Размахивая мокрыми крылами.
Орёл припал, закрыв собой птенцов,
А небо тучи тёмные закрыли.
И, окружённый огненным кольцом,
Он ощутил, как пламенеют крылья.

Когда же ветер бесноватый стих,
То хлынул дождь, какой доселе не был.
Никто не помнит тот орлиный миг..
Птенцы его теперь ликують в небе.

2007

Наташка

Даже в синем далеке
Не встречал я раньше,
Чтоб родник на роднике
И светился ярче,
Чтоб поля меня в полон
Брали за станицей,
Чтоб в станице из окон –
Радостные лица.
Где ты, робкая любовь –
Золотые косы,
Палисадник голубой
И в слезинках розы.
Отчего, казалось нам,
Стала ночь короче –
Расставаться по утрам
Не хотелось очень.
Всё бы было хорошо,
Но судьба вмешалась:
И в солдаты я пошёл,
Замуж ты собралась.
Хочешь, смейся, хочешь, плачь –
Всё минует тенью.
Выйдя на армейский плац,
Я застыл в смятенье.
Оборвался сердца бег
С трепетом и болью...

Из-под удивлённых век
Свет дышал любовью.
Как к лицу ей был берет,
С галстуком рубашка..
– Ты признал меня, иль нет? –
Кликнула Наташка.
И под музыку полка
Закружили птицы,
И светились облака
Радостью на лицах.

2012

И всё же...

Послушай, мой друг, послушай
Этот извечный суд!
Как будто ушедших души
В звёздных мирах живут.
Никто не смог разобраться
В тайне нездешних мест.
И всё же в космосе братство
Ближе, чем в нас окрест.
В бесшумном миге озвучен
Каждый былой росток...
Как взгляд материнский, лучик
Вдруг от звезды пролёт.
Почудился ясно тут же
Отчий, сквозь облака,
Объятый вселенской стужей,
Голос издалика.
Сомкнулись нежность и сила,
Взяв от земли разбег,
И было в них всё красиво,
Как первородный грех.
Быть может, ещё окрепнет
Мысль о земном родстве.
И всё же остался трепет,
Переданный траве.

1989

Венчальное

Из храма вышли. Беглый дождик сник.
В вечерней мгле забрезжил свет небесный.
И колокольный перезвон на миг
Сравним был разве что с невестой.
И торжество не покидало нас,
И эти в нимбах светозарных лики,
Что постоянно не смыкают глаз,
Теперь и нам свои раскрыли книги.
Ещё тепло венчальная свеча
В руке, как таинство, хранила...
И богомолка, истоиво шепча,
Нас трижды в след перекрестила.
Немало видел я церквей,
И всякий раз казалось –
Толпилась вечность у дверей
И тихо лба касалась.
В твоих глазах мелькнула тень,
Мои – полны печали...
Но самый светлый в жизни день
Мы в вечер повстречали.
Душа надежду обрела
В судьбе многострадальной.
И в небе плыли купола,
Изваянные тайной.

1991

Помните, люди!

В мире должно быть какое-то чудо,
Чудо, как женщина или огонь,
Ветер, летящий в степи ниоткуда,
Звон ивняка, только веточку тронь.
Взгляды часов отрешённые сверьте –
Всех поджидает какой-то момент.
Где-то должна быть разгадка бессмертья,
Даже когда и доказано – нет.
Кто-то поддержит в мучительном горе,
Растромошит, коль душою обмяк.
Есть непременно в бушующем море
Остров спасения или маяк.
Старые раны затянутся мыслью,
Снова любовь отзовется в крови.
Помните, люди, завещано жизнью –
Всё начинается в мире с любви.
Поле не пахано – хлеба не ждите,
Сеть не залатана – рыба в воде.
С долей своей воедино свяжите
Всё, чем природа зовёт к красоте.
Слабых страшитесь жестокой расправы,
Как бы их голос с мольбой ни ласкал.
Верьте тому, кто в исканиях правды,
Бойтесь того, кто её отыскал.

1987

Письмо

Супруге Нине

Назначаю тебе свиданье
В старом парке,
На старой скамье,
Где рука твоя давней тайной
Прикоснётся опять ко мне.
Будут спелостью
Пахнуть губы,
Будут волосы – сущий хмель,
Будет всё по-казачьи любо,
Буду я по-казачьи смел.
И от этой незримой тайны
Станет так на душе светло,
И почудится, что цветами
Всё в ней радужно зацвело.
Назначаю тебе свиданье
В старом парке,
На старой скамье.
Ты придёшь из юности дальней
И прижмёшься слегка ко мне.
Будут люди смотреть, гадая,
Кто же всё-таки мы с тобой:
Ты такая же молодая,
Ну, а я от любви седой.
Сколько лет в облаках парящих
Мы летим на крыльях мечты!

Опустил я в почтовый ящик
То письмо, что достанешь ты..
Ты пришла – моё вдохновенье,
И фиалки, радуя глаз,
Задрожали вдруг от волненья,
Как когда-то... Как в первый раз..
Яблонь цвет закружил порошей,
Мы сидим и молчим вдвоём.
Так и кажется, парк заросший
Тоже думает о былом.

2006

Искушение

Как облачко, сосны макушка
Плывёт, зелёный дым храня.
Кому ахунская кукушка
Пророчит на исходе дня?
Смолы застывшее кипенье
Блестит и тает на свету,
И грустное сквозь ветер пенье
Слышать на целую версту.
И я поддался искушенью –
Считаю за другими вслед,
А вдруг кукушку раскошело,
Чтоб предсказала сотню лет?
Надежда – тонкая, как волос,
Держалась из последних сил...
Внезапно смолк вещуньи голос,
И я растерянно застыл.
Всего три раза и успел я
За нею повторить вдогон.
Заката тающие перья
Пересыпают небосклон.
Уже звезда явилась к ночи,
И птица, будто в полусне,
Не мне и не тебе пророчит,
А может, этой вот сосне.

1991

Землячке

Ольге Будариной

Ещё не замёрзла вода,
И волны стучатся о берег.
В полях отзвенела страда
И скоро их вьюга побелит.
Ты в Дон величавый взглядишь,
Где нет ни морщинки печали.
Течёт, продолжается жизнь,
И чайки о том прокричали.
Заслышав, как ветер свистит,
О чём ты задумалась, Ольга?
Твой плащ серебристо блестит,
И шляпа в тумане проволгла.
А взгляд из-под тёмных бровей
То ласков, то греет нагайкой.
Но нет того взгляда добрей,
Хоть нрав остаётся загадкой.
Видать, от донских ковылей
Душа и светла, и просторна.
Ты радость свободы испей
Из чаши родного Ростова.
Пусть время в пути обожгло,
И дышит вдогонку усталость,
Коню поправляя седло,
Казачкой в душе ты осталась.

2006

* * *

Степь, как птица, чуткая-пречуткая.
Крылья ржи колышутся едва.
Вызревает колосом предчувствие,
Что придут хорошие слова.
Родники стучатся к людям весело,
Журавли тревожат города.
Всё пройдёт, и наше время – песнями
Пролетит сквозь длинные года.
Пусть дубы могучие состарятся,
Реки обмелеют в пекле дней.
Всё пройдёт, а родина останется
И краюшка месяца над ней.
С ливнями, соловушками дивная,
С поцелуем в буйной мураве...
Всё пройдёт, останется любимая
И ромашка солнца в синеве!

1967

Тёзка

В субботу было иль во вторник,
Теперь, наверно, всё равно,
Его заметил первым дворник,
Спросонок выглянув в окно.
Восток лучей расправил веер,
И свет неоновый потух.
И мухами кипел контейнер,
И пахло дынями вокруг.
Где всякий хлам, бутылки, пробки –
Всё, что выносят за порог,
Лежал он, крохотный, в коробке
Из-под фасонистых сапог.
Закутанный какой-то шалью,
Пустышки выставил кольцо...
Ни радостью и ни печалью
Его не тронуто лицо.
Он просто улыбался глупо,
И дворник, мрачный, как гранит,
Глядел растерянно и тупо,
Не в силах что-то говорить.
Душа искала выражений:
Ну, где же подлости предел!
И на клочке бумажки «Женя»
Уже сквозь слёзы разглядел.
Услышал стук чужого сердца,
Что лишь явилось в мир земной,

И, бережно прижав младенца,
Понёс под взглядами домой.
Был дворник в чувствах мягче воска
И в мыслях трезв, как никогда:
– Ты вовремя нашёлся, тёзка,
Вдвоём и горе – не беда!..
С берёз, задумчиво дремавших,
Немало облетело лет..
И вдруг в окне букет ромашек
Возник, как покаянья свет.

1988

Морское

Из капрона неводá
Плачутся под ветром,
В море тёмная вода
Дышит звёздным светом.
Я вдоль берега иду
В тесном крике чаек,
На волне поймать звезду
Кто-то обещает.
Молодым ходил не раз
Я по синю морю,
Я мечтал, что с милых глаз
Все печали смою.
Я ловил свою звезду
За крыло, как птицу,
А теперь в родном порту
Мне совсем не спится.
Счастье высушила боль,
Словно ветер пену,
Испытал и я любовь
И познал измену.
Как высок девятый вал
Горьких чувств под робой,
И звезду я не поймал...
Ну, а ты попробуй!

1970

Ответ

Отнимите
У Вечности тысячу лет,
И тут же останется
Вечность в ответ.
У звезды
Отнимите сияния свет,
И тут же останется
Вечность в ответ.
Отнимите
У тополя тонкую ветвь,
И тут же останется
Вечность в ответ.
Отнимите
У девочки радугу лент,
И тут же останется
Вечность в ответ.
У любви
Отнимите
Свиданий рассвет,
И тут же останется
Вечность в ответ.
Отнимите
У женщины
С блюдом дуэт,
Как тут же откроется
Вечность в ответ.

2006

Элегия

Быстро лист осенний тает,
Обнажая суть ветвей.
День придёт, и нас не станет
Посреди живых людей.
Водку горькую в стаканы
На поминки разольют.
Всё забудется, всё канет,
Остаётся то, как пьют.
Как смеются, как рыдают,
Как в туманную зарю
На земле, любя, страдают –
Я любовь благодарю.
Радость, словно птичья стая,
Всё сквозь грусть стремится к ней...
Скоро лист осенний тает,
Обнажая суть ветвей.

1982

Любимым

Вернутся, верь... В какой-то час,
Когда смыкаются развилки.
Любимым не прожить без нас –
Они надёжно к нам привыкли.
Любимые тоскуют о годах:
Им снится, снится их цветенье.
И вот садятся в поезда
И ждут с надеждой отправления
Туда, где им семнадцать лет,
Где всё так призрачно и сладко,
Где грусти нет и боли нет
Об уходящем безвозвратно.
А поезда стоят, стоят,
В мечтах их увозя далёко..
Идут любимые назад
И снова зажигают окна.

1968

* * *

Небо тучами рябило,
Ветром даль кипела,
Черноплодная рябина
К осени поспела...
И застыла сиротливо
Под забором грязным.
И порхает дрозд пугливо
По ветвям по рясным.
Всё в деревне без обмана,
Всё – без задней мысли...
Выплывает из тумана
Свет на коромысле.
Серебром вода играет,
Отражая дужки,
И нещадно сердце ранит
Беглый взгляд подружки.
Назову её любимой
И решу вопросы.
Черноплодную рябиной
Ниспадают косы.
Отгорит заката просо,
И, просторам внемля,
Небо тает безголосо
В сумрачное время.
Ты проходишь горделиво
И не кинув взора
Мимо той, кто сиротливо
Жмётся у забора.

1985

* * *

Этих слов отголоски,
Как шаги по тропе:
До последней берёзки
Буду верной тебе!
И весенняя радость
Закружила, как вальс,
Но болезнь вдруг подкралась
Незаметно для нас.
Как ты в храме молилась,
Знал всевидящий Бог,
Отчего ж свою милость
Для другой приберёг?
Я над креслом убавил
Свет, как будто судьбу,
И прижался губами
К воспалённому лбу...
Встреч былых перекрёстки
На разрывах ветров...
У последней берёзки
Горький запах цветов.

2004

Просьба

О, Господи правый Иисусе,
Как женщине это донести:
В горящую избу не суйся –
Мужчины-пожарные есть.
Мужчины! И всё остальное –
Уже деловой разговор,
Они и коня остановят,
Что нынче запрягся в мотор.
Мужчинами будут мужчины,
Хотя их с младенческих лет
Жалеют порой без причины
То мать, то жена, то момент.
За этим моментом всевечным
Любовь и разлука следят.
И ветром расправлены встречным
Защитные плечи солдат.
И женщинам горькой России
В полях, на дорогах, в дому
Не надо и капли их силы,
И мужество их ни к чему.
Пусть будут по-прежнему босы
Те чувства, что к жизни зовут,
Как белые в прошлом берёзы
Всё в будущем переживут.

1987

* * *

Моим пензенским друзьям

Вернись в Ахуны –
В царство сосен,
Где в иглах зелень тишины,
Где лоси на рогах выносят
Из чащи золото луны.
Где я, откинув хвойный полог,
Не раз увижу на веку
Друзей усталых и весёлых,
Припавших жадно к роднику.
Мелькнёт встревоженная птица
В смолистом запахе ветвей,
И чей-то голос повторится
Неповторимостью своей.
Тут в первозданности покоя
Российской до глубин земли,
Какое чудо, но какое,
Вдруг ахнув, предки обрели?
Ахуны, милые Ахуны!
На соснах – вечности наряд.
Они под ветром, будто струны,
О чём-то солнечно гудят.
В моей судьбе есть тоже чудо –
Родник – родимое пятно,
И мне носить его, покуда
Дышать на свете суждено.

Ещё тропа поодаль вьётся,
Но сосен всё печальней вид:
Едва она корней коснётся –
И эта вечность облетит.

1988

Дарья

Не печалься от простого
Слова моего.
Этой ночью у Ростова
Я сложил его.
Синевой река набухла,
Что зовётся Дон.
И волна вздохнула глухо,
Как казачий стон.
Сколько мчалось угорелых
Всадников на бой!
Сколько красных, сколько белых
Скрылось под водой!
Может, кто-то из-под шашки
Уцелел в бою,
Может, возглас беспшибашный
Встретил смерть свою.
Плавни шепчутся над Доном,
А зимой сквозь лёд
Те, кого заждались дома,
Смотрят в небосвод.
Выходила с клюшкой Дарья
На широкий Дон,
Где растаял, как преданье,
Храбрый эскадрон.
Протирала рукавицей
Лёд то тут, то там:

Незнакомые всё лица,
А у Саши – шрам.
Лёд потрескивал тревожно
Сетью паутин,
И она ступала с дрожью
В белом мраке льдин..
По-над Доном с перелёта
Лебедь бьёт крылом..
Голос Дарьи слышал кто-то
На ветру степном.

2012

Незабудка

Я в Химках, как схимник, неслышно живу.
С зарёю на лодке по Клязьме плыву.
И рыба, заметив мою седину,
Своею сверкает, бросаясь в волну.
На берег зелёный сойду в тишине,
И дальнейшее эхо откликнется мне.
Прозрачная отмель. Песок золотой.
Костёр языкастый с дымящей ухой.
Какой-то прохожий, присев у огня,
Отведал ухи, не взглянув на меня.
А я, погрузившись в молитвы свои,
Слышал лишь, как где-то поют соловьи.
Остаток ухи за прохожим доем,
И всё разрешится без тени проблем.
Сомнения – в речку, страдания – в костёр,
В душе только вечность да неба простор.
Вдоль трассы бунтующей в город вернусь,
В бетонном приюте поселится грусть.
И чтобы хоть как-то развеять её,
Дыхание леса принёс я в жильё.
Мерцает лампадой среди суеты
Цветок незабудки в стакане воды.
И я, утомлённый, склоняясь над ней,
Считаю блаженство отпущенных дней.

2004

Баба Шура

В деревне Терехово дождь,
И лета нет уже в помине.
В сарае баба Шура рожь
Дубасит в грубой мешковине.
Из конуры уныло пёс
Глядит на тающие капли.
А по шоссе под визг колёс
Летят то джипы, то пикапы.
На поле, где паслась коза,
Растут стремительно коттеджи.
У бабы Шуры жжёт глаза
И нет в душе былой надежды.
Когда-то отчие поля
Цвели и пахли клеверами,
И вот затоптана земля
Совсем не русскими домами.
На бабе Шуре мокрый плащ,
Шалашиком платок повязан:
– Но где козу пасти?
Хоть плачь! –
И слёз дождинки, будто язвы.
Прожектора то тут, то там,
Земные луны – не иначе.
Цветов салют по берегам,
Где вдоль канала дачи, дачи...
Но нету зависти ничуть

У бабы Шуры к новым русским,
Хотя не лампочку – свечу
Она зажжёт в лачуге узкой.
Отрежет белой булки край
И сверху сахарком посыплет,
Крутой из самовара чай
Нальёт и с наслажденьем выпьет.
Лачугу тьмой заволокло.
Зарывшись в сено, будто в лето,
Спит баба Шура... Ей тепло
От трав, что солнышком согреты.

2003

Приезжий

В момент заката солнца,
Когда туман бродил,
У старого колодца
Он с жадностью курил.
Приезжий сторониться
Давно, видать, привык,
Но с ним разговориться
Я всё же выбрал миг.
Седины лет мерцали...
А клёны вдоль дворов
Листвою догорали,
Как угли от костров.
Со спичками коробку
Приезжий сжал в руке,
И был рассказ торопким,
Как дым на ветерке
– В кастрюле закопчённой
Баланда на троих.
Все в телогрейках чёрных
И жёлтый туз на них.
С лопатой и киркою
При тусклом фонаре
Искали встреч с водою
В колодезной дыре.
И вот она блеснула,
Как слёзы на глазах...

Но вдруг винтовки дуло
Повергло души в страх.
– Ну, что, враги народа,
Кто глину не догрыз?
Чтоб завтра дали воду! –
Стрелок зло плюнул вниз.
По скользкому канату
В ночь подняли ведро,
Когда стрелков команду
От водки развезло.
Решили мы, чтоб каждый
Поднатаскал воды
В тот дом, откуда кашель
Душил до хрипоты. –
Приезжий сигарету
Расплющил каблуком:
– С больными знойным летом
Сожгли тифозный дом.
В живых лишь я остался
За огненной чертой,
Покуда пробирался
С колодезной водой.
Вослед слепни кусали,
Дым разъедал нутро,
Исхлёстанный кустами,
Я расплескал ведро...
Приезжий смолк. А ветер
Вдруг разметал туман.

Теперь лишь он в ответе
За судный балаган.
Закат на небосводе
Осыпался в траву...
Исчез приезжий – вроде
И не был наяву.

2003

* * *

Золотые корни сосен,
Как кресты из-под травы,
Все отчётливее в осень
В мокрой грусти синевы.
Тут судьбы переплетенье
И застывшая тоска:
Но блеснули опереньем
Ветви, взмыв под облака.
И какая-то досада
Загоняет корни вглубь,
Где оглохшая прохлада
Приютила скорбный сруб.
Комья чёрные изгрызли
Суету минувших дней,
И откуда жажда жизни
В тьме блуждающих корней?
Шалый ветер листопада
Заметает все следы.
Но иконный луч заката
Преломляется в кресты.
Вот они под облаками,
Вот в корнях, что на пути...
Проливаются над нами
Светлым таинством дожди.

1992

* * *

Лета красного макушка,
А под ветками в лесу
Ходит тихая старушка,
Задевая лишь росу.
Пахнет сыростью в низине,
Серый пень глядит совой;
И грибы лежат в корзине,
Чуть прикрытые травой.
Ей понятен каждый шорох,
Голос – близок ли, далёк,
Ей знаком любой пригорок,
Безымянный ручеёк.
Застилают взор туманы,
Но едва свернёт с тропы,
Все на памяти – поляны,
Все ровесники – дубы.
Ветер трогает верхушки
И пугает вороньё..
Как без леса нет старушки,
Так и леса без неё.
Здесь и вера, и причастье,
Свет всевышнего суда..
Если есть в природе счастье –
Это зелень и вода.
И хотя следы простыли
И травую не сквозят,
Но по-прежнему в России
Ветви буйно шелестят.

1983

Подкова

В огороде копаясь,
Я подкову нашёл,
С рыжей ржавчиной в палец,
Бросил с луком в мешок.
И согласно поверью,
Что в народе живёт,
Знал – подкова над дверью
Дом от зла бережёт.
И, отчистив до блеска,
До сиянья луны,
Я приладил на место
Этот знак старины.
С деревенским соседом,
Что минувшее знал,
Про подкову-примету
Разговор завязал.
А сосед в серой шапке
Поседевших волос
Огорчил: – Да с лошадки
Погребальной, небось.
Расшибала колена
В комьях мёрзлой земли,
И совсем околела
Посредине зимы.
Но конюшня не знала
Передышки, и в ней

Сама смерть запрягала
Измождённых людей.
И не знали износа
В этот каторжный труд
На телеге колёса
Из изогнутых труб
Изорвались, истёрлись
На оглоблях ремни,
И от мрачных историй
Потемнели они.
То зимою, то летом
В них везли, как дрова,
В синей коже скелеты
От зловещего рва.
И в фуражке, и в шлеме –
Без петлиц все равны,
И с наколкой «Ленин»
Чуть пониже спины.
Здесь в 30-е годы,
Посчитав за врагов,
Погубили народа –
Не сыскать берегов.
Кровь водицею стала
И течёт сотни вёрст
В протяженьё канала –
За погостом погост...
Я стоял у канала
На бетонной плите.

И волна отражала
Всё, что скрыто в воде.
В ожидании клёва
Мальчуган задремал..
Поплавок рыболова
Каплей крови дрожал.

2003

Закат

Ни экзотики. Ни бананов.
Дядя Ваня косит траву,
Отобедав, пасёт баранов,
Пьёт из горлышка синеву.
И такая в душе отрада,
И в глазах такая печаль,
Что расспрашивать вряд ли надо –
Ясно всё, как под солнцем даль.
По деревне в одном и том же
Ходит в будни и в выходной,
Принимают порой за бомжа
Все, кто видят его впервой.
И никто не припомнит даже,
Как, храня чистоту воды,
Дядя Ваня стоял на страже
У колодца до темноты.
Как-то из дому вышел рано,
Глянул – пёс лежит не дыша.
С горя выпив, продал баранов,
А очнулся – нет ни гроша.
Так с бутылкой, теряя силы,
Спотыкался туда-сюда:
– Я-то что? Испилась Россия –
Закатилась её звезда...
Сяду в тереховский автобус,
У колодца остановлю,

Дяди Вани ушедший образ
Возле изгороди ловлю.
Кто-то стукнул глухо калиткой,
Вижу – вышел в искрах седин,
С той же самой жалкой улыбкой,
Дяди Вани нетрезвый сын.
И в табачном облаке синем
До меня донесли года:
– Я-то что? Испилась Россия –
Закатилась её звезда.

2004

Последний

На дорогах улёгся снег
Непролазной трясинной белой.
Блещет радужный пересверк
Над дугою заиндевелой.
Утопает в сугробах конь,
Напрягая безумно жилы.
И глядят из своих окон
Деревенские старожилы.
Свист кнута... И возница вновь
Закричал, опьянённый светом.
И вскипела, как клюква, кровь
На снегу за копытами следом.
Ноздри яростно рвёт мороз,
То храпит, то сопит каурый,
Растекаются капли слёз,
Взгляд зануздывая понурый.
Вдруг встревоженно скрипнул снег,
Под полозьями распростёртый..
Из саней на виду у всех
Жеребёнок свалился мёртвый.
Белый-белый густой покров
Разметался по белу свету,
И вороны склевали кровь,
Ничего не оставив ветру.

1990

Черты

Над рекой задумался туман,
И волна щекочет плоскодонки,
А земли распаханый дурман
Тянется, как борозды загонки.
Это – милой родины черты
И степей ковылистые брови.
Не ищи в ней дивной красоты,
Счастливи будь, что ты славянской крови.
Подступает к сердцу высота,
И простор, охваченный цветами...
Как нависла в мире суета!
Как она безбожно правит нами!
Говор гроз... Молчание земли...
И роса, сжигающая время,
Где неслышно ветры разнесли
Синева расплывчатое семя.
Поведу коня на водопой,
Разорвав верёвочные струи.
В жизни всё продумано судьбой –
От ракеты до потёртой сбруи.
Лишь любовь бессребренной была
И такой же гордою осталась...
Как волна, внезапно обожгла
И в молве бесследно затерялась.

1984

Тихий свет

Отмерцали стрекозы,
Отгудели шмели.
Августовские звёзды
Тихий свет обрели.
Свет, что схож с ковылями
И что к пажитям льнёт.
В путях конь, ковыляя,
Из тумана всхрапнёт.
У костра мы впервые,
Как впервые в ночном.
Твои косы льняные
Заблестели огнём.
И колышется в высях
Синева между звёзд.
Ветер прячется в листьях,
Пролетев уйму вёрст.
Травы в зное прогоркли,
Не горчат лишь уста...
Ты стоишь на пригорке,
Где упала звезда.
Засмущалась и робко
Вдруг глаза отвела,
Лён волос неторопко
На груди расплела.
Пожелтевшею стайкой
Промелькнула листва.

И от близости тайной
Закружилась трава..
Запожарился месяц,
Что за тучей бежал,
На калине, развесясь,
Дождик ягод дрожал.
Звёзды щурились слепо,
Всё искали во мгле
То, что можно лишь с неба
Разглядеть на земле.

2004

Жигулинский пруд

Барский дом в саду на пригорочке,
На террасе молчит рояль,
Наливает Жигулин водочку,
Слёзы застыт дорогу вдаль.
Как теперь ему не печалиться,
Если жить дальше нету сил,
Если дочь его, раскрасавицу,
Лиходей-цыган соблазнил.
И увёз её в ночку тёмную
На повозке темней, чем ночь,
В степь безмолвную и огромную,
Где ветра свистят во всю мощь.
Барин пил из стопки серебряной,
Не закусывая совсем,
Окружённый прислугой преданной,
Он не верил себе и всем.
И сжимая руками сильными
Аж до боли виски в снегу,
Он скрипел зубами в бессилии:
– Не могу простить! Не могу!
В думах прятался, как в убежище,
И металась тени в углах...
Всех жигулинский голос режущий
Вмиг поверг в неистовый страх.
Он швырнул графин гравированный,
Нож вонзил от ярости в стол,

Из террасы, как заколдованный,
За перила держась, сошёл.
На подворье коня буланого
Оседлал и пустил в галоп.
И от запахов дня духмяного
Вдруг упал в ромашек сугроб.
Заискрилась зарница беглая
От паденья вниз головой.
И покрылась рубаха белая
Яркой радугой травяной...
А наутро с зарёй игривою
Конь буланный заржал во мгле.
Без уздечки, с косматой гривой,
Бил копытами по земле.
И подёргивал рыжей кожей,
И росой блестело седло.
Тут собрался народ встревоженный:
– Что же? Что же произошло?!
Все поля с июльскими красками,
Все дороги и там, и тут
Обежали дети крестьянские,
Пока конюх не крикнул: – Пруд!
И кнутом показал, где вёслами
Защищённый со всех сторон,
Пруд рыбёшками искромётными
Будто рвался под небосклон.
И ключами стучал подземными
В синеве из самих глубин...
А на ветке висел под зеленью

На уздечке их господин..
И потом не однажды видели,
Как под деревом на пруду,
Из туманной выйдя обители,
Пела дева, будто в бреду.
Ничего не осталось прежнего –
Только вётлы да старый пруд,
Да осока шумит безбрежная,
Навевая тревожный гуд.
У костра ли сижу рыбацкого,
Иль на леску вяжу крючки,
А из пруда, когда-то барского,
Не смолкая, стучат ключи.

2005

Реквием

Хутора мои, хутора,
Как растерянные крестьяне,
Не скопив ни зла, ни добра,
Затерялись в степном бурьяне.
Будто лошади, трактора
Спотыкаясь, пропали где-то...
Хутора мои, хутора
То без хлеба, а то без света.
От заката и до утра
Лишь туманы бредут стадами.
Хутора мои, хутора –
Отпахали и отстрадали.
– Самогонка, что медсестра, –
Шепелявят ещё живые.
Хутора мои, хутора –
Хаты-мазанки нежилые.
А по улице всё ветра
Да снега, да дожди косые...
Хутора мои, хутора –
Дети брошенные России.

2005

* * *

Есть день, когда весной в саду
Трясут, раскачивая ветки,
Чтоб в спящем разбудить бреду,
Живые соки в каждой клетке.
И если повстречаешь взгляд
Сверкнувшей капли, то не скрою,
Поймёшь, о чём заговорят
Они под влажною корою.
И вот уже один сучок
Торчит из зелени нелепо...
В листве просвет, как родничок,
Иссини голубого неба.
Деревья, как земной приют
Любой пернатой, слава Богу!
Где звёздным светом гнёзда вьют
И снова тянутся в дорогу.
А саду на ветрах скучать...
И опустеет, как скворечник,
Моя душа, лишь зазвучат
Надрывы капель бесконечных.
Вот скрипнут сани на версте –
Зима раскинет вдаль одежды.
И лёгким пёрышком в гнезде
Дышать останутся надежды.

1992

Прятки

У тихой осени окраска лисья,
Неслышно с веток опадают листья.
И вот уже ветла в моём окне
Вся нараспашку. В тусклом волокне.
Пойдёшь в рассвет, а выйдёшь из заката,
А всё и страсть, и осень виновата.
Гриб, как лесной под шляпой человек,
Глядит вокруг, не поднимая век.
И с думами его знаком едва ли
Бегущий ветер в золотые дали.
Где паутинка, что ведёт к нему? –
Известно, может, Богу одному.
Гурьбой забрались на пенёк опята.
Ты верь, что снова повезёт когда-то,
Пускай не в этот раз – в грядущий день.
Играем в прятки... В небе звёзд участие...
И вдруг меня отыщут в одночасье?

1991

* * *

Я прощаюсь с самим собой,
Со своей настырной судьбой.
Что держала меня в степи,
Приучая к жаре : «Терпи!»
Что толкала в шахтную клеть,
Чтоб из тьмы на меня смотреть.
А потом до звона в ушах
Я солдатский дубасил шаг.
И в кольце молодых стрелков
Лес валил под распев снегов.
Был я узником. Был певцом.
Был не раз с разбитым лицом.
Я прощаюсь с самим собой,
С бесноватой людской толпой...
Знаю, там, где ветра окрест,
Мне никто уже не надоест.

2007

Монах

Засмотрелась церковь на поле,
Где пасётся табун коней,
Где неслышно шумит раздолье
Белой гривою ковылей.
Я прищёлкну кнутом ремённым –
Пыль закружится, заklubит.
Помню всех коней поимённо,
Узнаю по стуку копыт.
В травах путаясь одичалых,
Еле-еле бредёт монах,
Как заблудших людей печальник
Поседел и совсем одрях.
Я окликнул его негромко,
Он лишь посох приподнял свой,
И потрёпанная котомка
Чуть подёрнулась за спиной.
Я с поклонами стал креститься,
И меня коснулась рука:
– Вот, испей, сын, святой водицы,
Что набрал я из родника.
Этот Радонежский источник
Появился на белый свет
Из молитвы весенних почек
И от голоса давних лет...
Мы присели у кромки поля,
В ковылях гулял ветерок:

– Жизнь цветка – тоже Божья воля, –
На прощанье монах изрёк.
Мирно травы щипали кони,
Я смотрел монаху вослед.
Был закат похож на икону
И знакомый в ней силуэт.

2006

Ангел

В церковном облаченье
С подсвечником в руке
Я видел звёзд свеченье
Вблизи и вдалеке.
Гнездились звёзды в небе,
Кружились в тишине
И, показалось, жребий
В судьбе бросали мне.
В платочках прихожанки
Крестились в двух шагах
С особым прилежаньем
На аналой в цветах.
Металось в красках пламя
По стенам расписным,
Был Дух небесный в храме
Совсем необъясним.
Был Дух незримый вечен,
Над ладаном витал,
Совсем по-человечьи
За свечками вздыхал.
Из негасимой веры
Взглянули на меня
Глаза небесной сферы,
Как свет в начале дня.
На празднике икона
Явила жаль свою...
Как ангел, у амвона
Я всё ещё стою.

2010

Неизъяснимое

Во дворе качается фонарь,
Брызгая во тьму пучками света,
И скрипит от ледяного ветра –
Как сегодня, как вчера, как встарь.
Прижимая шапку к голове,
Торопливо промелькнёт прохожий.
За окном, исхлёстанным порошей,
Всё смешалось в буйном торжестве.
Прикоснусь к морозному стеклу,
Где свистит и пляшет непогода,
И звезда, сорвавшись с небосвода,
Лишь блеснёт и скатится во мглу.
Так и ты однажды в снеговой
От меня в слезах ушла куда-то...
И застыла, будто виновата,
Тишина заклопнутых дверей.
Разъярилась полночь за окном,
Где-то вдалеке скулит собака.
И фонарь таращится из мрака,
Наполняя призраками дом.
На столе и чарка, и вино,
И ломоть отрезанного хлеба.
Это всё, чего хотелось мне бы,
Чтоб забыться, если суждено.

А фонарь скрипит, и вместе с ним
Я печали, закурив, развею.
В снежный облик твой в окне поверю,
В тот, что, как исход, неизъясним.

2004

* * *

В переднем углу образа
Со мною в беде и в веселье.
Икона – окно в небеса,
Откуда и свет, и спасенье.
Мерцает покоем оклад,
И мысли свободны от боли.
Молитвенной медью закат
Согрел угомлённое поле.
Стою и дышу синевой,
И, кажется, в бороздах где-то
Таится тот отблеск живой,
Что в нас не находит ответа.
Незримо течёт по ветвям
Дыхание звёздной лавины.
Но сроки, что выпали нам,
Как росы – едва уловимы.
И жалкая суетность дня
Уже за пределом желаний...
И нет ничего у меня,
Лишь русское небо страданий.

1998

Жить на свете

Нежных чувств нахлынувший рассвет,
Будто бабье лето на исходе...
Видно, так заведено в природе,
Что душе людской износа нет.
В жизни всё проходит чередой,
Всё течёт в комедии иль драме,
То осыплет одного дарами,
То ударов не сочтёт другой.
Кто-то виноватый без вины,
А виновный прав неотразимо.
Но меня иное поразило:
И в любви, и в смерти все равны.
Потому не смолкнет в тишине
И признанья голос, и прощанья...
Борозда, как свиток завещанья,
В отчей хлебородной стороне.
Над полями юная звезда
Той любви, которая пребудет,
Даже когда в памяти не будет
И потомков брэнного следа.
Стая птиц, как тающий ручей,
Пропадает за холмом зелёным...
Жить на свете – значит быть влюблённым
В каждый шорох солнечных лучей.

1985

Чудотворицы

Братья нищими оба
Из лохмотьев выросли,
Был отмечен особо
Каждый искрой росы.
Эти искорки Божьи
Вместе с Духом Святым
Братья приняли позже
Дар, ниспосланный им.
Чудодейственной силой
Исцеляли больных,
Что до звёзд возносила
От пределов земных.
В дни голодных лишений
И в холодные дни
От любых приношений
Отрекались они.
И, согласно преданью,
Что народ передал,
Эту клятву с годами
Каждый брат соблюдал.
Через лес и овраги,
Мимо гор и берлог
Шли к Косьме бедолаги,
Кто в несчастье оглох.
Дамиан чем-то острым
Сладил ковш к роднику,

Ребятишкам и взрослым
Пить давал по глотку
Той целебной водицы,
Где покоится крест,
И крестьяне молиться
Собирались окрест.
Но на Троицу как-то,
Соблазнившись весьма,
Три яйца в цвет заката
От больных взял Косьма.
Дамиан же, прослышав
О мздоимстве Косьмы,
На порог к нему вышел
Весь в обличье из тьмы.
Возмутился и строго
Произнёс: – Сколько лет
Мы лечили от Бога,
Ты нарушил обет.
И поэтому брата
Нет теперь у меня,
Даже если обратно
Выйдешь ты из огня...
Много всяких историй
Породила молва...
И опять на просторе
Зеленела трава.
То в открытую морось,
То в белёсый туман –

Хоронили их порознь,
Как велел Дамиан.
А потом на погосте,
Где теряется жизнь,
Братья, будто бы в гости,
В дух единый сошлись.
Перебор колокольцев
И заглавного гуд...
Имена чудотворцев
В перезвонах живут.

2004

Предзнаменование

Я по храму ходил,
Ставил свечи к иконам.
И молитву твердил
С неизменным поклоном.
Я у Бога просил
Для судьбы одинокой
Чтоб прибавил мне сил
Перед дальней дорогой.
Я молился, как мог,
На коленях и стоя,
Чтоб свечи огонёк
Не давал мне покоя.
Будто тенью испуг
Промелькнул к аналою,
Чей-то призрачный дух
Свечи гасит за мною.
Из церковных окон
Небо выше, не скрою...
А одна из икон
Мироточила кровью.

2006

Гипноз

Душа во сне взлетела за предел
И надо мной в пространстве затаилась.
И звёздный невод будто поредел,
Когда в него сознание устремилось.
Нет ничего неуловимей сна,
За ним наивно торопиться следом.
И вдруг заговорила тишина,
Переливаясь запредельным светом.
Душа парила вольно и легко,
Она в такие глубины восходила,
Где и небес течение влекло,
И, может, Божья осеняла сила.
Казалось, кверху руки протяни –
И синева окутает ладони...
Там, где-то в стороне, ночные дни
И нет тревоги о земной юдоли.
То шелестели звёзды, то, звеня,
Души касались. И она согрелась.
И возвращаться в сонного меня
Ей, откровенно, вовсе не хотелось.
Открыв глаза, задумаюсь всерьёз:
Туман меж небом и землёй – беседа...
О, Бог видений – алчущий Гипноз,
Пей, пей до дна – до самого рассвета!

1991

Баллада о Михее

Цветёт в садах смородина,
Сирень белым-бела.
Меня заждалась родина,
А всё дела, дела.
И рад бы отвязаться я,
Да время будто цепь...
Медовая акация –
И запах через степь
В моё окно врывается
И тормозит: – Вставай!
По жилам разливается
Благоуханный май.
И снова на скамеечке
Сижу я у ворот
И в рот кидаю семечки –
И никаких забот.
Тихонько через улицу
Калитка проскрипит,
И дед Михей раскурится,
Как будто тем и сыт.
Махнёт рукой, приветствуя,
И я кивну в ответ.
Михея знаю с детства я,
А он всё дед и дед.
Качалась над скворечником
Луна в сетях ветвей...

И вдруг однажды вечером
Не вышел дед Михей.
А утром даль нахмурится,
Утихнет шум скворчат.
Заблещет через улицу
Холодный лик лопат.
Положат их с хозяином
По обе стороны,
Где чернозёмным заревом
Кресты воспалены.
– Михей, Михей, Михеюшка! –
Родня сошлась, скорбя. –
Как без воды, без хлебушка
Теперь мы без тебя.
Священник пел заученно,
И дым на ветерке,
Кадилом перекрученный,
Терялся вдалеке.
Нежданно и негаданно
Во сне явился мне
Михей, блестя наградами
И бляхой на ремне.
Узнал гораздо позже я –
Копал могилы он
Не за рубли расхожие,
Не за стаканов звон.
Из жалости, наверное,
Михей слезу ронял.

И яму на мгновение
Окопом представлял.
Застыл Михей копающим
В глазах моей тоски.
И облака над кладбищем
Плывут, как бугорки.

2006

Наездница

В вечернем тереховском поле,
Земли почувствовав дурман,
На жеребце в родном раздолье
Скакала дева сквозь туман.
А конь – наезднице подарок,
Что получила за каприз.
Всё изменилось... Как подранок,
Моя судьба сорвалась вниз.
И мне бы впору возмутиться
И перестать душой страдать.
А я смотрю – закат дымится
И дышит полем благодать.
Немало в жизни повидавший,
Я не скрывал невольных слёз.
– Зови меня княгиней Дашей! –
Прохладный ветерок донёс.
Играет солнце с тенью в прятки,
И догорает на стерне.
А я люблюсь девой в шляпке
На сером в яблоках коне.
Мерцает месяцем подкова,
Туман росой траву кропит.
До боли в сердце мне знакома
Лихая музыка копыт.
И пусть без стремени не сяду
Уже давным-давно в седло,

Наездницу пойму по взгляду,
И станет на душе тепло.
В вечернем тереховском поле,
Земли почувствовав дурман,
На жеребце в родном раздолье
Скакала дева сквозь туман.

2004

Посреди России

Журавли под небом отжурчали
И крылами расплескали дождь.
В золотом осеннем изначалье
Тосковать в полях осталась рожь.
Я возьму потёртое ружьишко,
Подниму скучающего пса
И пойду в простор без передышки
По полям сквозь птичьего голоса.
Тишина на цыпочках застыла,
Засмотрелась, на зарю дивясь,
И заре, наверно, стало стыдно –
На востоке пуще занялась.
Будто гром, с крутых небес сошедший,
Разлетелся клёкот над землёй,
И зайчонок, словно сумасшедший,
Вдаль пылит, разбрызгивая зной.
Я гляжу в распаханное небо
И на землю, где чертополох,
Где недавно былъ сменила небыль
И застала земляков врасплох.
И осталась рожь, теряя силы
В дождевом дыхании равнин.
И стою я посреди России –
То ли пасынок, то ли сын.

2011

Степной мираж

В небе звёзды высоко
Над колодцем в степи,
И качается сокол,
Как ведро на цепи.
Кто тут вырыл колодец
Вдалеке от дорог?
Пылью светится хлопец
С головы и до ног.
В серой кепке линиялой
Хлопец был в трёх шагах
Со смешинкой лукавой
И травинкой в губах.
Дымку сизую сдёрнул
Ветер с жаркой степи.
Из ладони студёной
Я водицы испил.
Оглянулся и вижу
Вместо хлопца, в пыли,
Дед с бородкою рыжей
Вырос из-под земли.
Я смотрю изумлённо:
Как из призрачных сил
Дед травинкой зелёной
Время остановил.
По плечу круто хлопнул
И с досадой сказал:

– Как же рыжего хлопца
Ты во мне не признал?
От шмелиного гуда
Задрожала звезда...
И поверил бы в чудо,
Да исчезла вода.

2009

Овраг

Играет с черепом малец
В кладбищенском овраге,
Вот с заступом присел отец
В распахнутой рубахе.
Откашлялся и закурил,
Дымок поплыл теряясь,
Малец песок усердно рыл,
Пугливо озираясь.
В глазницах свет мерцал земной,
Где ничего былого:
– А если это прадед твой, –
Спросил отец сурово.
Не зная, что сказать в ответ,
Застыл малец в испуге.
Осыпал куст рябины цвет...
А жизнь всё в том же круге.
Так день за днём, за прахом прах –
По водам в даль скользили.
Дожди кладбищенский овраг
Разбили и размыли...
Какой-то смуглый паренёк
Спешил по дну оврага
И череп за собой волок
На проволоке страха.
Мошка накинута слепя
И свет, и тьму мешая...
Я вновь почувствовал себя
С горящими ушами.

2013

* * *

Ты принял хлеб за истину,
Решив, что даже свет
Не из глубин таинственных,
А просто жизни след.
С зарёю разгорается
И гаснет на закат,
И никакой тут разницы –
Как тыщу лет назад.
И если вдруг окажется,
Что хлеб твой из страстей,
То вряд ли кто откажется
От истины своей.

2011

Косогор

Гром возвратился в сентябре
И прокатился над полями,
Из-под небес метнулось пламя
То в золоте, то в серебре.
Старик в поту рубаху снял,
Передохнуть присел к берёзе,
С небес грохочущие гроздя
Крестом широким осенял,
А крестик на его груди
На нитке шёлковой дрожащей
Был оберегом настоящим
В мирском неведомом пути.
Краюшку хлеба отломив,
Испил он сока из пакета,
Он был, как тёплый отблеск лета,
Как осени седой мотив.
Добра друг другу пожелав,
Мы разошлись за косогором.
И вряд ли думал кто о скором
Свидании в пожаре трав.
И снова осень... Косогор...
Навстречу мне священник в ризе –
Кадыльный дым, как призрак жизни –
Земли и неба приговор.

2012

Огонь

Есть у осени беглый огонь.
Оглянись и увидишь, как близко
Оставляя берёзу нагой,
Догорают и сыплются листья.
Под кустами шумят воробьи,
Листья шепчутся исповедально.
В них прожилки, как строки любви,
Что природой записаны тайно.
Будет осень дождями рыдать,
Полыхать на лесных километрах,
Никому не дано разгадать
Тишину в пожелтых конвертах.
Я берёзовый лист подниму,
Сквозь него на похужлое небо
Погляжу и внезапно пойму
То, чем мучился долго и слепо.
Лист берёзы летит мне вдогон,
Гладит рябью покрытые лужи...
Есть у осени дух, как огонь
Вспламеняющий русские души.

2010

Костёр

Простор пшеничный над Кубанью,
А ночь черней, чем чернозём.
Я жизнь свою без колебаний
Отдам за степь под скакуном.
За ветер, выжженный в полыни,
Рубаху рвущий на груди,
За тех, кого уже в помине
Не встречу на своём пути.
Пойду за свежей бороздою,
Вдохнув осеннюю страду,
И под вечернею звездою
Костёр летучий разведу...
Конь вышел на костёр неслышно
И на меня уставил взгляд.
Я протянул ему полпышки:
– Пожуй чуток, каурый, брат!
Кидался ветерок золою,
Слепое пламя наклоня,
Трава, что пересохла в зное,
Светилась в отблесках огня.
А сизый дым вставал клубами,
Тонула в далях тишина,
Я без моей родной Кубани,
Как будто конь без табуна.

2012

Откровение

Хвою наполняя темнотой,
Ветер сдул земное напряженье.
Полевой высокою звездой
Родины восходит продолженье.
Каждый раз, когда произношу,
В счастье это имя или в горе,
Я как будто заново дышу,
Букву «р» раскатывая в горле.
Родина в ликующей весне
Ручейками светится бурляще.
И земля, как женщина во сне,
Радует священно и маняще.
Человек над пашнею продрог,
Взгляд скользит по илистому небу.
И ему напоминать про долг –
Всё равно, что сеять хлеб по хлебу.
Из трубы выгалкивая дым,
Трактор мерил будущие всходы...
Был я молчаливым и худым
В доблестью распаханые годы.
Родина! Я верно бы ослеп
Или стал безумцем – не иначе,
Если бы посмел твой чёрный хлеб
Разбазарить в сытый миг удачи.
Люди, выстрадав тепло земли,
Вдруг постигли самое простое
И в себе, как в поле, сберегли
Чувство откровения святое.

1984

В снегах

Накренилось небо к рассвету,
И ветры сгорают во мгле.
Торопятся волки по следу –
Бегут, припадая к земле.
Их гонят не холод, не стужа,
А крови пьянящая власть.
Колотится, рвётся наружу
Слепая звериная страсть.
Где хищным начало утехам?
Последняя где им верста?
И заяц, зарывшись под снегом,
Дрожит от ушей до хвоста.
Закончено пиршество в поле,
И кровью забрызган сугроб.
И небо, на краски скупое,
Открылось в узорочье троп.
И волк, торжествуя победу,
В кустарнике, сытый залёг...
По следу, по свежему следу
Спешит браконьер через лог.
Движеньем привычным и быстрым
С плеча он двустволку рванул,
Услышав без промаха выстрел,
Я волка в душе помянул.
И тут же в тревожном разбеге
За эхом по зимней стерне
Промчался разгневанный егерь
На диком, как вихрь, скакуне.

Всё в этих просторах взаимно,
Всё где-то на скользких шагах.
И верить безмолвью наивно
В предательски-чистых снегах.

1988

Обойдись

То темней, а то светлей
Лист к земле слетает.
Но казна густых ветвей
И в дождях не тает.
Через рощу, через луг,
Стёжки выются в небо,
Где пространство – это дух,
Голубая небыль.
День молись и ночь молись –
В храме место свято.
Света мало славить Жизнь,
Что за нас распята.
Из ладоней каплет кровь,
Из ступней сочится...
Душу истине открой –
Слышишь, как стучится?
И рождаются вокруг
Колокола звуки.
Через речку, через луг
К встрече и к разлуке.
Блещет золото и медь
Из казны раскрытой...
Если хочешь всё иметь –
Обойдись молитвой.

1992

* * *

Машина по снежному срезу
Тащилась с бугра на бугор.
И тьма прилипала к железу,
Пока не задохся мотор.
Мигнули растерянно фары,
И ветер в кабину занёс
По звонким баллонам удары –
Мороз не щадил и колёс.
Шофёр, запахнув полушубок,
Тревожно испытывал мглу:
Тут было совсем не до шуток
В насупленном волчьем углу.
Дымком сигарета согрела,
Потом затрещали кусты,
И всё, что могло, догорело
В костре посреди темноты.
Метели свинцовые вспышки
Уже над землёю росли,
Когда отчадили покрышки
И вой прокатился вдали.
В какой-то безумной досаде
В душе распоясался смех.
И ясно слышалось сзади,
Как хрустнул под лапами снег.
Сквозь белое пламя слепое,
Сквозь гулко промёрзший металл
Взывал к милосердию в поле,

А ветер следы заметал.
Глубокие, будто морщины,
Под вихрем рассветных огней,
Застыли на стёклах машины
Разводы свирепых когтей.
Шофёр, что глядел виновато,
Забьлся... И, встретив патруль,
Всё ехал и ехал куда-то,
Сжимая в безмолвии руль.

1984

Доля

Что-то беспокойно на душе,
Как в лесу от липкой паутины,
Словно на бескрайнем вираже
Птицу подстрелили без причины.
И растаял в стороне дымок,
Пахнувший спрессованною серой.
Не моя вина, да видит Бог,
В звонкой доле перепёлки серой.
Эта доля – ветер у виска,
Холодом пронзающий и тленом,
Эта доля – грешная тоска
О бессмертном чувстве и мгновенном.
Оттого истосковалась грудь
По раздолью голубого плёса...
Можно выверить по звёздам путь,
Только чем измерить дух покоса?
Синева колышется огнём
В реактивном между туч размахе.
Придорожной тишины дождём
Доверху наполнены овраги.
Эта доля – пусть ты изнемог –
На земле тревогами повита.
Посреди тропинок и дорог
Тянется, надеждами размыта.

1985

Березол

Соком полную берёзу
Откупорил дятел клювом.
Словно острые занозы,
Люди щепочки воткнули.
Обойдите лес недалний –
Сладкий сок её слёзы...
Обложили вечной данью
Мы смиренную берёзу.
Оттого, видать, и любим,
Величаем нежно милой,
Звонкий дом под солнцем рубим
Иль глухую домовину.
Всё с берёзой делим вместе
Днём ненастным, днём весёлым,
Неспроста весенний месяц
Предки звали березолом.
И разгульна, и серьёзна
Та земля, что нас взрастила.
Расставание с берёзой –
Расставание с Россией.
Знал – не раз она приснится,
Вечно в памяти пребудет:
Уезжая за границу,
У берёзы плачет Бунин.
И Куприн, вернувшись, плачет

На берёзовой обедне...
Не меняй, берёза, платье,
Так идёт тебе цвет белый!
Так к лицу тебе серёжки!..
Наполняя соком банки,
Липкие тасуют трёшки
Возлериночные бабки.
Тонкие сникают ветви,
Солонееет сок как слёзы..
Есть предел всему на свете,
Даже донорству берёзы.

1972

Сморчки

Зелёный дым, как из трубы,
Клубится над деревьями.
И вот пробрызнули грибы
В лощине за деревнею.
Они торчат из-под земли,
Коричневые, в инее.
Их люди метко нарекли
Неблагозвучным именем.
Ходи с корзинкой и молчи,
И слушай, сын оратая:
Быть хлебу, если на сморчки
Земля весной богатая!
Хотя теперь не до примет
Ни в снег, ни в грозы летние,
Но я тебе, как мне твой дед,
Их отдаю в наследие.
Не сразу, может, и не все
Поймёшь явленья разные:
Учись по утренней росе
Читать прогнозы ясные.
По цвету низких облаков –
Закатному, пожарному –
Судить о норове ветров,
Что вскорости пожалуют.
И по обилию червей,
В пластах за плугом тающих,

Предвидеть конницу дождей,
Аллюром в степь влетающих.
В протяжном выкрике ворон
Сырой осенней роздымью
Вдруг ощутить метели стон
И белизну морозную.
Но снег сольётся в ручейки,
Исчезнут птичьи крестики.
И выйдут хмурые сморчки –
Весны моей предвестники.

1976

Прутик ивы

*Гунны, чтобы скрыть захоронения вождя,
Прогнали по степи тысячи лошадей.*

Обломив в изгибах прутик ивы,
День пойдёт по свету без дороги.
Обожжёт ковыль, как пламя гривы,
Скакунов, дробивших в страхе ноги.
Если б тот табун поворотили
Да следы копыт в степи собрали,
То стоянку мрачного Аттилы
Мы бы непременно отыскали.
Если б за высокую плотину
Удалось согнать речную воду,
В русле под мерцающею тиной
Обнаружили бы склеп свободы.
Так расправился Аттила грозный,
Разглядев паденье колесницы..
В небесах повисшие, как гроздья,
Оба эти места помнят птицы.
Прутик ивы! Гляньте, прутик ивы
Распрявился прямо на кургане!
Может, это радуг переливы
В глубине расходятся кругами.
На земле, могилами распятой,
Над травой седой, как пепелище,
Кто-то, мглу расковыряв лопатой,
Искорки огней походных ищет.

У луны степной лицо рябое,
Как у воина в стальном берете...
Из простора – жалкое до боли –
Ржание коней доносит ветер.

1990

* * *

Небо синью озёрной играло
Вплоть до самых нахмуренных дней.
Сколько листьев бесследно пропало,
Сколько душ облетело с ветвей!
И моя, будто блик, золотая
Прошуршит и растает во мгле.
В мыслях время другое листая,
Прикасаемся к отчей земле.
И встаёт из тумана преданий,
Из-за леса приподнятых пик
Запорожец без лент и медалей,
Саблю вынув из ножен на миг.
Охраняя российские вёрсты
На лихом рубеже тишины,
Он служил не за царские звёзды –
За свободу степной стороны.
То весёлый, то с буйной печалью,
Рассекая, как даль, времена,
На гербе появился с пицалью,
Оседлавши бочонок вина.
Мне бы силу его и отвагу,
И товарищей верных в строю,
Что султану послали бумагу,
Где потешили удаль свою.
Нынче в атомной ярости дикой
Чья-то злая доносится речь.
Но за острой ракетною пикой –

Вся страна – Запорожская Сечь.
Не бывает нейтральной погоды
Даже в очень прозрачные дни..
А движенья души и природы
И у нас, и у предков одни.

1985

* * *

Я жаворонку крикнул: «Эй, здорово!»
А он звеняще взмыл под облака.
Такая в поле тёплая дорога,
Как будто материнская рука.
Ромашки к ней склоняются влюблённо,
И добродушно гомонят шмели.
В немом яру, под ясенем зелёным,
Родник призывно бьёт из-под земли.
На горизонте хутора уснули,
И марево течёт издалека.
И в нём берёзки светятся, как струи
Коровьего парного молока.
Ковыль, от придорожной пыли свесясь,
Разглядывает трактора следы.
Рабочий лемех ясный, словно месяц,
Горит над чёрной лентой борозды.
Вблизи костёр, прожорливый и красный,
Треща, бросает искры невзначай.
Водители сворачивают с трассы
К друзьям-механизаторам на чай.
В блокноте цифры бригадир рассыпал
И расписал на пахоту наряд.
И, кажется, прислушалась Россия,
О чём сегодня в поле говорят.

1975

Пугачёв

Гудела площадь. Бабы голосили,
Когда взошёл он тяжко на помост.
Мужицкий царь. Казачий сын России
С копной седых всклокоченных волос.
На шее вены синие набухли,
В глазах тоска по воле, а не страх,
И смерть, сопя, в надломленном треухе
Уже топор точила в трёх шагах.
Глядел он в даль на небо голубое,
Всем телом чуя многоликий взор,
А палача рубаха над толпою
Смеялась, как пылающий костёр.
Знал Емельян, что поздно или рано
К нему придёт вот этот страшный миг:
Под перестук солдатских барабанов
Он над престолом-плахою поник.
Взлетел топор... Народ в порыве ахнул...
Но кто-то крикнул:
– Славен Пугачёв!
И голова, скатившаяся с плахи,
Стегнула кровью души мужиков.

1968

Могила Пересвета

*Праха богатыря А. Пересвета –
героя Куликовской битвы – покоится
на территории завода «Динамо»*

Не где-нибудь, а в матушке-Москве,
В Рождественском уединённом храме
Лежит чернец с венцом на голове,
Не посрамивший родину в охране.
Что видит он? Истерзанный простор,
Где даже травы поднялись по кличу.
И коршун жадно крылья распростёр,
Предчувствуя несметную добычу.
Заря вскипает кровью на щитах,
И мглу пронзают ненависти копья,
С надменностью в седло садится враг
За юртами, похожими на копны.
Пора! Трубит на поединок рог.
Пора! И кони замерли в лавинах...
В старинном храме гром под потолок
И стены в трещинах неуловимых.
И нет в печали никого вокруг,
Кто заглянул бы к ратоборцу в гости.
Стучат моторы... О, нестройный стук! –
Как будто в гроб вколачивают гвозди.
Спи, Александр! Насытилась стрела,
Не развернуть и не потешить плечи:

Зело земная гряда тяжела,
Людское равнодушие – не легче...
И я над прошлым скомкано взгрустну,
Как дым костров, развеялись молитвы.
И в храме, что забыл про белизну,
Цветёт ромашка. Как на поле битвы.

1979

* * *

Страна ещё не знала революций,
А на страницы пушкинских стихов
Ложились строки царских резолюций,
Похожие на цепи кандалов.
И, словно в сером индевелом мраке,
По сторонам рифмованной тропы
Стояли вопросительные знаки,
Как верстовые, хмурые столбы.
А мимо них в Сибирь шли декабристы
И на этапах, около огня,
Лицом озябшим ощущали искры,
Что долетят когда-то до меня.
Наслышанный немало об измене,
Курил конвойный, сплёвывая в ночь...
Строку «Надежда в мрачном подземелье...»
Зубрит сегодня ученица-дочь.
Увидит ли она из дальней дали,
Как над Сибирью кружит вороньё?
Поймёт ли слово так, как понимали
Отец и дед, и прадед до неё?
Почувствует ли той княгини слёзы,
Что в рудниковую спешили глубь
И на железзах, тёмных от мороза
Оставила следы прекрасных губ?
О, этот почерк – яростный и броский!
Ему лететь сквозь души и века,
Пока под солнцем в шелесте берёзки
Есть человек, – Россия есть пока!

1976

Ольгинское

*Моему школьному учителю
И.И. Романченко*

Давно зерно судьбы перемололось.
Горели камни... Плавился металл..
Как с головы седой слетевший волос,
Блестит волною Ольгинский канал.
Глядел ты на вечернюю дорогу,
Бегущую в знакомое село,
И ощущал всей сутью, слава Богу,
Что в жизни нам, бесспорно, повезло.
Но там, где зори в далях полыхали,
Теперь цветут чертополохи сплошь,
И если б мы ту землю не пахали,
То где бы пересеивать пришлось?
Учитель мой! Клянусь тебе: отныне
Перелистаю мудрости тома
И разберусь в словесной паутине,
Где ум – от горя, горе – от ума.
И ты с горы мгновений пережитых,
Что, как лавина, катится в обрыв,
Партийно мыслил... И при всех режимах
Был к одному себе несправедлив.
Несправедлив, что не искал покоя,
Что день и ночь печалился о том,
Чтоб каждый колос, выращенный в поле,
И хлебом озарял, и молоком...

Уже на пятки наступает старость,
Но не догнать тебя, как ни пыли.
Земные вёрсты позади остались
И вот уже до неба пролегли.

2006

* * *

Кукушка вчера куковала,
А майская роща раздета:
Холодное – радости мало –
Предвидится лето.
Проклюнутся тонкие травы
Над ширью, над негою дикой.
И встанут бригады-заставы
За тракторной дымкой.
Какой-то неясной тревогой
(В душе перепады мятежны)
Повеет от пашни проволглой,
Где стыннут надежды.
И, тычась мучительно, слепо,
Качнутся набрякшие ветки...
Посыплется ситничек с неба,
И ливни – нередки.
Грустней не бывает заданья,
Чем заново сеять пшеницу.
С ветрами обнявшись за далью,
Земле поклониться.
И выстрадать свет колосистый
Во мгле беспокойной природы...
Сурово молчат трактористы.
Всё выскажут всходы.

1979

Лебедята

А горю нету, кажется, границы.
По всей Кубани – мёртвые поля,
Пустые к солнцу выставив глазницы,
Колодцы осыпаются, пыля.
Земля в степи от мин похолодела
И задохнулась от бензинных рос.
И молодое позабыла дело –
Рожать пшеницу в человечесий рост.
Развеявшая запах каравая,
Хрипит трубой нетопленная печь.
И мы лежим, как жерди на кровати,
С торчащими углами узких плеч.
Мать в чугулке толчёт траву устало,
Ещё не знаем мы, что лебеду...
Тот год богато выдался крестами
В кизиловом кладбищенском саду.
Всплеснулось пламя, хату разбудило
И в тёмной печке вспыхнуло, как мак:
– Попробуйте, сыночки, лебединых! –
Лепёшки нам протягивает мать.
Мы не жуём – глотаем их, а надо
Хотя бы чуть мгновение продлить.
И плачет мать – и рада, и не рада,
И Бога не перестаёт молить.
Себе толику отщипнёт, бывало,
И вовсе позабудет о еде...
Мать лебедятами нас называла,
Взросших на военной лебеде.

1973

Коньки

Военное детство не сладко...
Не помню я, к дням каким,
Из дерева сделал мне дядька
На проволоке коньки.
Подарка не знал дороже!
Не настоящие? Поглядим!
Блеском одним, быть может,
Они уступают им.
Примчавшись домой под вечер
Из школы, забыв о щах,
Я побежал на речку
Испробовать их в тот час.
Коньки напевали тонко,
По гладкому льду скользя,
Носились за мной вдогонку
И недруги, и друзья.
Я, верно, кружился с форсом
И слышал:
– Толково!..
– Гоже!..
– Вот тятка вернётся с фронта
Мне сробит такие тоже...
И тут
Мой дружок закадычный
Сказал, не скрывая слёз:
– А нам похоронку нынче

На батю почтарь принёс.
Пахнуло недетской тревогой,
Аж по спине мороз..
В станицу одной дорогой
Мы шли молчаливо
Врозь.
Я знал: буду бит пропаще
Ремнём, да ещё каким!..
Блестели, как настоящие,
У друга в руках коньки.

1970

Дети 41-го

Яну Бернарду

Года идут обозами –
Гром пушек вдалеке...
Росли мы на берёзовом
Военном молоке.
О, дети сорок первого!
Мы разве знать могли,
Что с голоду, наверное,
Опухло полземли.
С рукой просить
Не лезли мы,
Хоть есть хотели – страх.
Ремни на части резали,
Чтоб был навар в борщах.
Осьмушки хлеба считаны,
Лишь погляжу – и сыт.
Мы у солдат-защитников
Стыдились хлеб просить...
Как прежде,
Вышей роскошью
Считаю чёрный хлеб...
Отец погиб под Россошью,
Прикрыв собою степь.
Года идут обозами,
Теряясь вдалеке.
Я вырос на берёзовом
Военном молоке.

1970

* * *

В белом мае на Кубани
Солнцем сжаты холода.
Голубая-голубая
В тёмных бороздах вода.
А за синими годами
Мама – в памятном году,
Молодая-молодая
Белит яблони в саду.
На ведре бряцает дужка,
От извёстки – влажный дух.
Брызги солнечные дружно
Разлетаются вокруг.
Батя спит, вернувшись с поля,
С койки свесилась рука.
И лежит сигарка подле,
Ожидая огонька.
Впереди – разлука-лето,
И в кармане у меня
Деревянный пистолетик
Полон ярого огня.
А на станции, где воздух
Пронизали провода,
В хриплых криках паровозных
Задыхались поезда.
Кособокие мажары,
Что свозили мужиков,
Вслед за поездом бежали
До растаянья гудков.

Пахли тучные туманы
Станционным кипятком...
Снова мама белит к маю
Облупившийся наш дом.
Выбегу во двор, и впрямь мне –
От горшка лишь два вершка.
А во рту прогорклый пряник
Из чужого вещмешка.

1971

Путнику

Затекли у деревьев ноги,
И они на осенних рассветах
Вдоль продроженной стоят дороги,
Как ремонтники, в жёлтых жилетах.
В золотой паутине ветер
Подгоняет пугливые тучи.
И дымится роса в кювете,
Где костёр отметался летучий.
Только отблеск в траве остался,
Да золы бледно-бурые пятна...
Нет на этой дороге станций,
Чтоб вернуться нам в лето обратно.
Наберу синевы корзинку,
Тишины перевозданной букеты.
И, скучая в морозную зиму,
Вдруг пойму, чем ладони согреты...
Я дорогу свою изведаль,
Всё осилил мятущимся духом.
И кто близок мне был, тот предал,
А кто был далеко – стал мне другом.
Вот и эти степные клёны
Распахнули навстречу объятья
И вбирают крики и стоны,
Как чернобыльские собратья.

1987

Футбол

Тряпичный мяч влетал в ворота,
Что высились из букварей.
Раскаты боевого счёта
В глаза сверкали вратарей.
Свисток судейский на тесёмке
Я с тайной гордостью носил,
И при малейшей потасовке
Моменты жаркие гасил.
Однажды я на фото снялся:
Босой, в залатанных штанах...
Моим кумиром был Синявский,
Не комментатор – сущий маг!
И, верно, не было в Союзе
Болельщика в ту пору, чтоб
Глядел в приёмник без иллюзий,
Где чувств и возгласов озноб.
Где на ветлу взобравшись смело,
Синявский бурный вёл рассказ.
И если падал – было дело,
Кричал: – Пардон, друзья, сейчас...
И рёв трибун врывался в уши,
И каждый мысленно следил,
Как, завладев мячом, Татушин
С прицелом в верхний угол бил.
К чужой футбольной славе стойкий,
Представил я в какой-то миг,

Что жизнь людская – тайм жестокий,
Где нет скамейки запасных.
Играй, пока не вышло время!
Внимай и травам, и стрижу..
И я в свой гол, в свой праздник веря,
По полю жизни прохожу.

1977

Философия пространства

Мир на пороге чудных странствий –
Горит потухшая звезда.
Есть философия пространства –
Из ничего и в никуда.
У связи разные каналы,
Но свет разрезал провода.
Мы лишь фиксируем сигналы
Из ничего и в никуда.
Не «До свиданья!», а «Прощайте!»
Пройдут эпохи без следа.
И астронавт глядит с площадки
Из ничего и в никуда.
А времени корабль бескрылый
Летит за млечные года...
Вздыхает ветер над могилой
Из ничего и в никуда.
Дождями, будто бы слезами,
Ковыль омыт и лебеда.
И степь течёт перед глазами
Из ничего и в никуда.
Так жизнь моя сквозь травы льётся,
Звенит, как вешняя вода.
И, может, в ком-то отзовется
Из ничего и в никуда.

1987

Сосед

Живёт один в квартире коммунальной,
Не приобрёл ни званий, ни наград,
Лишь колокольный звон из дали-дальной
Порой вернёт на много лет назад.
Совсем седой, задумчивый священник,
Сложивший облачение и крест,
Служил он Богу – но не ради денег,
На хлеб насущный только бы наскресть.
Он прихожанам с гласного амвона
Читал депеши Совинформбюро,
И женщины снимали добровольно
С себя и золото, и серебро.
Звенели кольца, серьги-самоцветы,
И шелестели смятые рубли...
Никто расписок не просил за это,
А все несли, несли, несли.
Для Родины, окопами изрытой,
Встающей под прицельным арт-огнём
С великою народною молитвой –
Разбить врага и защитить свой дом.
Казалось, как солдаты на поверке,
Лицом к лицу со страшною бедой,
Угодники святые русской церкви
Сошлись под пятикрылою звездой.
Теперь легко в войне давать советы:
Там промахнулись, там не так дрались.

На полыхающий алтарь Победы
Мы, не колеблясь, отдавали жизнь.
Дома, как фотоснимки в рамках разных,
И в парке пахнет горькою травой.
Поздравил я соседа в светлый праздник,
И он кивнул в раздумье головой.

1982

Ничего

Тайны волн, что катятся вразвал,
И секрет небесного участия
Он ещё в утробе разгадал
И, наверно, оттого стучался.
И едва завидев белый свет,
«Всё – моё!» – вскричал, сжимая пальцы.
Даже в сини журавлиный след
Притянуть ручонками пытался.
Разноцветный мир то спал во ржи,
То снегами кутался седыми.
И в степях созвездия следили
За высокой мудростью души.
И забыл старик, что жить нельзя
Бесконечно в человеческом доме...
«Ничего с собою я не взял», –
Говорят раскрытые ладони.

1990

Пока ранимы...

Над притихшею деревней
Журавлиный клин чудес.
И любой листок в деревьях,
Как послание небес.
Каждый год одно и то же –
Их сметает ветер в даль.
И никто понять не может
Бессловесную печаль.
Звёзд блуждающих свечение
Из молчащей синевы.
И берёз мироточенье
В строгом золоте листвы.
Тут и скорбь земли, и радость,
Что ни куст – иконостас...
Паутинкой оборвалась
Страсть, тревожащая нас.
Всё прошло и всё осталось,
Снег, как соль, стучится в грудь.
Может, грусть, а, может, старость
Укрепляет к храму путь.
Вот стою среди равнины
В жёлтых всполохах ветвей.
Живы мы, пока ранимы
Этим небом журавлей.

1992

Путь к звёздам

На небе звёзды, словно угли,
Залил сиреневый рассвет.
По пыльным улицам Калуги
Скрипит его велосипед.
Скрипит разбитая машина,
А кажется, сама Земля:
«Ракета взмлет как пушинка,
Но дрогнут космоса поля!..»
А люди в булочной, как мухи,
Никто его не признаёт.
Очередную взяв краюху,
Пешком обратно он идёт.
Вселенскою охвачен ширью,
Путиами покоренья звёзд.
И позабытая машина
К забору жмётся, словно пёс.
Распятые на мрачных досках
В избе пылятся чертежи...
Он рупор слушает московский,
Ладони рупором сложив.
Весна. Товарищество. Ленин.
В колоннах – распрямлённость плеч.
Но не о космосе – о хлебе
Столица произносит речь.
Как быть ему? Что делать дальше?
Листовою годы шелестят.

И тускло верится в удачу,
Когда тебе за шестьдесят.
Он рупор выключил. А скоро
По всей губернии молва:
Постановленьё Совнаркома
Передала о нём Москва.
Уже признание, как ступенька,
Как рокот дюз над головой.
И всероссийская опека,
И Красный Орден Трудовой.
Старик на фото хмурит брови.
Сдаётся мне сквозь бури лет,
Тот домик сложен не из брёвен,
А из космических ракет.

1973

Посланец

Вчера опять расстреливали небо,
Стекал огонь, как кровь, за окоём.
Смеялись люди и взирали слепо,
Не помышляя вовсе об ином.
А он примчался ночью незаметно
И красный шлейф оставил за собой,
Обдав космическим, суровым ветром
Берёзки в поле, что сошлись гурьбой.
Наутро из соседнего селенья
Пришли крестьяне с ужасом в глазах
И, на дрожащие упав колени,
Шептали что-то второпях.
Стуча зубами, расплескали воду,
Что в кружке бедолагам поднесли.
Они, сжимая кулаки, природу
Казалось бы, вот-вот и разнесли.
И тут какой-то мальчик вислоухий,
Как будто ненароком обронил:
– Куда, скажите, подевались мухи?
Ведь я на них подлещиков ловил!
Все разом засмеялись: «Мухи...Мухи!..»
И, почесав затылок, разошлись...
Метеорит, пронёсшийся в округе,
Перевернул тысячелетьям жизнь.

2013

Десантник

Церковь белая, как свечка,
Купол пламенем горит.
Всё так близко. Всё так вечно.
И у входа инвалид.
Молодой и с виду крепкий,
Но в протезы прочно врос.
И мерцает в смятой кепке
Серебро солдатских слёз.
Из-под ворота рубашки,
Что нельзя не расстегнуть,
Потускневший клин тельняшки,
Будто вбит в худую грудь.
Жгут афганские тревоги,
Дыма крутятся столбы...
По небесной путь-дороге
Провожал он в ночь гробы.
Но однажды рухнул штабель,
Всё повергнув в темноту.
«Раздробило...» – писарь в штабе
Под судьбой подвёл черту.
Приземлялись самолёты
И взлетали в свой черёд,
То с десантами пехоты,
То с гробами в небосвод.
Эти страшные послышки
Шли и летом, и зимой.

Он, простившись с другом в цинке,
На культях приполз домой.
Церковь белая, как свечка,
Купол пламенем горит.
Всё так близко. Всё так вечно.
И у входа инвалид.
Он стоит, собрав усилия,
А в глазах темно от гроз...
В кепку нищая Россия
Сыплет золото с берёз.

1991

Сон

Из стен избы, где звёздочка в окне,
Выходят тени прошлого ко мне.
Они стоят у изголовья в ряд
И меж собой о чём-то говорят.
Вот матери испуганная тень,
А вот и дед горбатый, как плетень.
Отец в фуражке около коня...
Что нужно им сегодня от меня?
Сыновний матери отдам поклон,
Из рук отца приму с войны патрон.
И этот мир в знамёнах трудовых
Я расскажу, как строили без них.
И кинет дед печаль из-под бровей:
Жива-а земля слепых поводырей!..

1989

Струна

Едва прижму – и запоёт она,
А отпущу – и задрожит с испуга.
Невыразимой чуткости полна,
Струна во мне давно искала друга.
И я, её звучаньем опьянён,
Взгляд устремив в заоблачные выси,
Не сразу понял, что душой влюблён,
Что от неё мой путь земной зависим.
Она вначале слушалась меня,
Потом расстраивалась без причины,
И не было в ней прежнего огня,
И вдруг она обвисла, как морщина.
Теперь на ней сыграть я не берусь,
Азарт прошёл, и силушка вся вышла,
И то и дело ветренная грусть
Струной звенит, как волосом, неслышно.

2010

Верёвочка

Трепещет листва молодая
На солнце в зелёном пыли.
Под ветром крикливая стая
Пыгается сесть на ветлу.
Какой-то пацан конопатый
Бумажного змея вознёс,
За ним поспешали ребята,
Глаза растирая до слёз.
И мне показалось, что если
Верёвочку вдруг притянуть,
То можно, планируя вместе
Со змеем на землю взглянуть.
В тот день, за околицу выйдя,
Полынный вдохнув суховея,
Себя в конопушках увидел
В бегущей ватаге друзей.
В тумане за тёмною пашней,
За речкой сверкающих дней
Взмывает под небо бумажный,
Обласканный взглядами змей.
Теперь и ракета не диво,
Всё выше космический след.
Но дёргает сердце ревниво
Мой змей за верёвочку лет.

2011

* * *

Всего-то жить осталось
Три дня и выходной,
Кого-то ищет старость
С заплечною сумой.
Она бредёт устало
В истёртых башмаках.
И кто не встретил старость,
Тот ранее зачах.
Задумчив или весел –
Она в любом дому
Того гляди повесит
Заплечную суму.
Со старостью в разладе –
За что её любить?
Морщины не разгладить
И седину не смыть.
И не найти на свете
Такого уголка,
Где старость бы не встретить
И не просить куска.
Не близко, недалече,
Но где-то на пути
Она с мешком заплечным
Маячит впереди.

2011

* * *

Вблизи дыхания ключа,
Что пережил и был, и небыль,
Берёза – тонкая свеча
Соединяет землю с небом.
Я прихожу сюда в рассвет
И кружкой зачерпнув водицы,
Как будто сброшу брэнность лет,
Что на крыло поднимут птицы.
Я кланялся ему с мольбой,
Чтоб силу ощутить земную,
Воды напившись ключевой,
Я вряд ли предпочту иную.
Торгует бойко магазин,
Своей удачи не скрывая.
И скоро будет, как бензин,
Водица стоять ключевая.
По берегам озёр и рек
Стоят коттеджи, деревушки...
Воды напился человек
Той каплей, что светилась в кружке.

2012

Парадокс

Как грабили Россию, так и грабят –
Одни извне, другие изнутри.
И даже из кладбищенской ограды
Крест унесли с разводами зари.
Страна воров. Воров – читай, как хочешь:
Хоть слева или справа – всё одно.
Чего, признайся ветер, ты хохочешь,
Листвой плюёшь в раскрытое окно?
Нет, не случайно, вовсе не случайно
У храма строится гаражный бокс...
Жизнь не безрадостна – она печальна,
И в этом азиатский парадокс.
Патриотическое равнодушие!
Святое – за бесовские гроши.
И что тебе, потомок, вслед идущий,
Привидится за дымом анаши?
Крадётся вновь из тишины кордона
Тот, кто забыл мудрейшее вчера:
Ни русский крест, ни русская икона
Чужой земле не принесут добра.
Не выручить и не вернуть с послами
Всего, что перекупщик оценил...
Но небеса ещё откуда с нами,
И росы в травах дедовских могил.

1990

Валенки

Собирая опять усилия
В марафонском беге вперёд,
Не забудьте – одна Россия
Носит валенки круглый год.
В полушалках русские бабы,
Мужики в табачном дыму.
И дорога – одни ухабы –
Непонятная никому.
Сколько трещин в ней да расщелин!
Снова ленту рассвета рвём,
Попадая в грязь очищенья,
Всякий раз надеждой живём.
По обочинам песни... песни..
И горючие росы слёз.
Распустились цветы... А если
Завтра снова ударит мороз?
Льдом покроется путь-дорога,
И куда, и за кем бежать?
От земли всё и всё от Бога –
Равновесие б удержать!
Кто-то будет за тенью гнаться,
Кто-то кровью на снег плевать.
Тут и валенки пригодятся,
Да вот некому подлатать.

1989

Сума

Иностранная слышится речь,
И чужие стучат башмаки.
Учат родину хлебешек печь
Из какой-то хвалёной муки.
Кто из нас от стыда не ослеп?!
Кто не умер?! Господь, сохрани!
Пусть не сладкий, но собственный хлеб
Ели мы и в блокадные дни.
И куда подевалась та печь,
Из которой и бабка, и мать
Умудрялись такое извлечь,
Что душою лишь можно понять.
Хлёбы, хлёбы! И корочки хруст,
И пшеничного мякиша дух...
Самым вечным из камня искусств
Остаётся лишь мельничный круг.
Да ещё удивленье в груди
Перед самым обычным зерном.
Что осталось? А ты погляди,
Как мы бьём суетливо челом.
Ах ты, гордость! Войди, не стучась,
Будь хозяйкою в русской семье.
Но будить это чувство – подчас,
Как у нищего шарить в суме.

1989

Согласие

И откуда такое на ветках берётся –
Всё длинней паутины, а дни всё короче.
То ли снег над землёй, то ли кружит берёста
И неслышно в пустой осыпается роще.
На пропахших грибами несуетных тропах
Никого-никого, кроме совести Божьей.
Будто прячутся тени в нечёсанных копнах,
Что стоят на опушке, молчаньем заросшей.
Хорошо, если что-то в душе остаётся
От свидания с небом, от всплеска речного,
Мимолётного взгляда на вечное солнце,
Где от грустного миг –
скользящий миг – до смешного.
Только в роще продрогшее видно раздолье,
Только в роще расчерчены звёзды по веткам.
И шершавые листья, как чьи-то ладони,
Неземного тепла обыскались под ветром.
Как мне быть с паутинкою призрачной жизни,
Как её уберечь через вёрсты и годы?
Нет в российских просторах погоды капризней
И в тумане раздумий – согласней погоды.
Отражается свет тут и там в позолоте,
Но лишь иней коснётся земли обнажённой,
Как последняя капля блеснёт на излёте
Самой нежной снежинкой и самой тяжёлой.

1991

Отзовись!

Распрямял апрель дороги
Под крылом.
Там, где ветры били ноги
За селом,
Где в степи кричал от страха
Рыжий зверь,
Где снега на дне оврага
И теперь.
Звёзды в небе тлеют скудно,
Тыщи лет.
И куда он и откуда
Этот свет?
Мир в такой неразберихе
Удручён..
Мы бессмертия вериги
Во-ло-чём.
За чертой людских селений
Плач повис:
Мы заложники Вселенной –
Отзовись!
Небо, небо! В тьме несметной
Наши дни –
Тёплым ветром, каплей светлой
Помяни.

1990

* * *

Лидии Хлебниковой

Николо-Угрешские стены –
Далёкой поры монастырь;
Была и осталась ты с теми,
Кто к стенам родным не остыл.
Кирпичная келья светилась
Каким-то неясным огнём,
Горячею каплей скатилась
По свечке слеза о земном.
И тянет, наверно, недаром
Тебя через годы сюда
Послушная сердца ударам,
Где фресок святых, высота.
Под своды Успенского храма
К молитве живой, как родник,
Что душу очистит от хлама
И с Духом небес породнит.
И в миг золотого восхода
Ты кормишь с ладони своей,
Как белое чудо природы,
На тихом пруду лебедей.

2008

* * *

Только Бог ещё, быть может, выше,
Да людская горькая мольба...
Звёзды не мерцают – звёзды дышат,
И у каждой тайная судьба.
Запрокину голову к созвездьям,
И в глаза прольётся глубина.
Будто светофор на переезде,
Кровью наливается луна.
Далеко от этой жизни тленной –
Там, где сжаты намертво уста,
В голубых окрестностях Вселенной
Бродит тень незримого Христа.
Встречу ночью или на рассвете
Тишину, и в самый звёздный час
Перейдёт легко душа в бессмертье,
С суетой мирскою разлучась.
И под светлым облачком куда-то
Отлетит в немыслимую даль...
Не имеет вечность циферблата,
Да ведь это сущая деталь!
Крыльями созвездий блещет небо.
С ним общается во мгле ветров
Лишь одна-единственная верба
Где-то в поле на краю миров.

1989

Измерение

Зелёные поляны тишины,
Где глухари влюблённые токуют,
Где о рыбалке мужики толкуют
И неизбежном призраке войны.
И держат перед временем ответ
Они за всё решительно на свете.
И здесь живут чернобыльские дети,
Как боль, которой утешенья нет.
Их обогрели в испытаний час
Неблизкие, но ласковые руки...
Вот так и делит горести и муки
Россия, чутким сердцем облучась.
Тропинки через лето пролегли
Под небом родниковым и державным.
О, Родина! Возьми меня пожарным
Своей хлебами вспыхнувшей земли.
Повиснет в поле зноя пелена,
И в лесополосах не дрогнут кроны.
Вокруг ни слёз, ни музыки, ни крови –
Одна лишь радиация зерна.
И жуткая чернобыльская ночь,
В каких бы мы не жили измерениях,
Откликнется в грядущих поколениях.
И мне ничем их горю не помочь.

Не отделиться никакой стеной,
С груди не снять солёный грунт печали...
А на поляне косачи вещали
О быстротечной радости земной.

1986

В лесу

Лишь выпадет время,
И снова в дорогу –
Спешу я молиться
Зелёному богу.
Иду неторопко
Под кроной лесною
И кланяюсь клёнам,
Кадящим листвою.
И кланяюсь птахам,
Свистящим на ветках,
И слушаю радостно
Песни-приветы.
О, бог мой
Зелёный –
Мой лес подмосковный,
С берёзовым сердцем
С еловой истомой!
Лужайки, полянки...
Иваны-да-Марьи...
А лес за собою
Всё манит и манит.
Я кланяюсь снова
Не так уже бодро...
Ну, хватит –
Груздями
Полны мои ведра.

1967

Вербное

Верба, верба, вербохлёст –
Радость родниковых слёз.
В мире отступает тень,
И в станице Вербный день.
Ясный день. Поют уста
Воскресение Христа.
Веткой вербы прикоснись,
И продлится в вечность жизнь.
Верба, верба, вербохлёст –
Вся душа в сиянье звёзд.
Я стою пред алтарём,
Что мерцает янтарём.
И исходит испокон
Свет небесный от икон.
Ветку вербы освящу
И домой внесу свечу.
Пусть нетленная горит,
Жизнь и крест боготворит.

2005

Привычка

Я никак
Не привыкну к снегу,
К елям,
Плещущим через край.
Оттого
И на Юг приехал
В тополиный
Казачий грай.
Ком землицы
Размять рукою,
Встретить в поле
Рассветный час.
Постоять
Над Кубань-рекою,
Над пшеницею помолчать.
Об осеннем
Подумать севе,
О дождях,
Что нахлынут в май..
И уехать
Опять на Север –
К елям,
Плещущим через край.

1967

Моя любовь

Моя любовь не старится,
Как пламя, как волна,
Была и есть красавица –
Во всём отражена.
Едва ресницы-лебеди
Ей распахнут глаза,
Как я в сердечном трепете
Заслышу голоса:
Из юности, из робости,
Из соловьиных рощ.
Моя любовь из кротости –
Тепла, как летний дождь.
Из паутин последнюю
Суровый ветер рвёт.
Моя любовь осеннюю
Печаль земную ткёт.
Когда снежинки падают –
Бесшумны и легки,
Они мне душу радуют,
Как милые шаги.
Ещё апрель обманется
Цветами на лугу...
Моя любовь не старится,
Лишь локоны в снегу.

2012

Шахматово

Игорю Мишину

Людно. Солнечно. Жарко.
Чей-то голос дрожит.
На зелёной лужайке
Глыба-камень лежит.
И провёл я руками
По рябой белизне...
Ощущает ли камень
Настроенье извне?
Чтоб любви вдохновенье
Пронести через жизнь,
Ты во имя спасенья
Тоже камня коснись.
Он заряжен словами
И энергией тех,
Кто на камень вставали,
Взяв от рифмы разбег.
Свет кружится в палитре,
И почудилось мне,
Что в плаще и цилиндре
Кто-то брёл в стороне.
Если даже и было
Это мистикой дня,
Отчего ж защемило
Так в груди у меня?

2007

Гониболь

Как искать на белом свете
Неприметный стебелёк?
Прикусил – и нету смерти,
Если, вправду, занемог.
Исцелит любую рану,
Чью-то пулю извлечёт...
Зацветает, как ни странно,
Там, где боль тебя печёт.
Поднеси к больному месту
И почувствуешь тепло:
Вместе с пламенем и треском
Гониболь сжигает зло.
Посмотри на лист зелёный
И на тёмный погляди.
Лист зелёный – в жизнь влюблённый,
Что у каждого в груди.
Так спасались люди раньше,
Зная каждый стебелёк...
Гониболь растёт всё дальше
От затоптанных дорог.

2013

Гадюка

*Из всех змей одна гадюка
живородящая
БСЭ*

Лес ликовал. И утро озарялось
Неотразимым пеньем соловья.
И лишь змея лениво извивалась –
Уже была беременна змея.
Она всегда завидовала птицам –
Молниеносной скорости крыла.
Змея летать хотела научиться,
Но всё ползла, ползла, ползла.
Куда бы в мире стало интересней,
Вспорхни к лучам гадёнышей семья!
И вновь через сучок берёзы свесясь,
Вниз головой пускала их змея.
Они о землю ударялись, чтобы
Мгновенно скрыться в травяном леске.
И у змеи в глазах мерцала злоба:
И эти окопаются в песке!
О, как она старалась и потела,
Надежду сокровенную тая..
Всем бесхребетным изогнувшись телом,
Себя в досаде ранила змея.
По листьям вдруг закапали не слёзы –
Незамедлительный жестокий яд..
А ветви белоснежные берёзы
Шумят крылами. В синеве шумят.

1977

Север

Морозы прячутся в сугробы
От звонких, будто бубен, голосов,
И отсыпаются днём, чтобы
Ударить в сумраке из-за лесов.
Дорога белая условна –
Петляет, пропадает вдоль реки.
И снег поскрипывает, словно
Капусты свежесрезанной вилки.
Я покидал простор суровый,
Спешил из хмурых ледяных широт
Туда, где солнце, как корова,
Пасётся в чистом небе круглый год.
Лучи, торжественно стекая,
Играют в листьях белоствольных рощ...
Летели сани, рассекая
И снег, и ветер, и густую ночь.
За раскалённым горизонтом
Уже я слышал поезда привет
И видел впереди не жёлтый,
Не красный, а один зелёный свет.
Давно в дыму прошли составы,
Но близок Север сердцу моему,
Как будто что-то там оставил,
А что – и сам доселе не пойму.

Оставил, может, в изморози небо
И чью-то песнь, исполненную сил,
И ту святую правду хлеба,
Что в трудный час с каюром разделил.

1977

Черёмуховые холода

Метель зализывала лужи –
Ожогов мартовских следы.
В капельный полдень ветер южный
С больной земли срывал бинты.
Сугробы плакали ночами
Вблизи.. И рядом... И вдали.
И слёзы, что текли ручьями,
Ростками нежными взошли.
Ворвался в землю лемех ржавый
И всколыхнул её волной.
На дне реки луна дрожала
Прозрачной тенью слюдяной.
И в небеса ещё прольётся
Июньский свет ржаных лучей...
Шумели воробьи в колодце –
В зелёных сотах кирпичей.
Вернулись из кочевий птицы,
И в рощах – свадьбы дотемна.
А человек не торопился
Бросать на пашню семена.
Но вот пургою черемховой
В степи лощину замело...
И грянул сев... Порою холод
Нежней, чем зыбкое тепло.

1970

* * *

В Москве,
Где камни-зданья,
Где душный мир камней,
Я слышал причитанья
Тоскующих дождей.
В них было столько силы,
Когда они, тужа,
По травам голосили,
Как вдовы по мужьям.
В них было столько грусти,
Когда они текли
По выглаженным,
Тусклым
Покрытиям земли.
И в парке вдруг наткнувшись
На рыхлый чернозём,
Шептали:
– Слушай, слушай!
Мы здесь недаром льём!

1966

Предчувствие

Сырые стены засветились,
Хоть вечер был тревожно хмур...
И лошади заржали, сияясь
Сорваться с привязи в аллюр.
По темноте, лишь спичкой чиркни –
Весь пол усеян до краёв:
Металась, подхватив личинки,
Орда домовых муравьёв.
Жил в тишине замшелой хаты
Паук-локаторщик в углу
И, миг поймав в земле раскаты,
В тягучую спустился мглу.
Двор покидали овцы спешно,
Копытами перепахав его...
Лишь я один дремал беспечно,
Не ощущая ничего.
И тут в распахнутые двери
Ко мне ворвался верный пёс
И вдруг завыл, подобно зверю,
И туфли к выходу понёс.
Дрожа, как парашюта стропы,
Дневной берёзки отражали зной...
За пять минут до катастрофы
Взлетели птицы над землёй.

1984

Из поля в степь

Из поля в степь,
И снова в поле...
И так, без края и конца,
И я, переполняясь волей,
Вдыхаю запах чабреца.
Едва шуршат в пыли колёса,
Лоснятся спины лошадей...
Повозка – это скрип колхоза,
Что долетел до наших дней.
Вагоны двигались устало
По рельсам, как речная синь.
И мы пшеницею составы
Грузили из последних сил.
Покачиваясь на повозке,
Я провожаю облака
И будто слышу отголоски
Своих друзей издалека.
Метались юбки огневые
И обнажали смуглость ног,
И бригадир мне не впервые
Басил: «Точи, точи клинок!»
Клинки на небе отблестали,
И степь накрыла тишина...
Девчата, может, и искали,
Но нас уже ждал старшина.

2013

Балерина

Людмиле Семеняке

Дом за насыпью вздыхал с опаской,
Но держали рельсы, как магнит,
На цветущей от гудков Кавказской
Дворик был ничем не знаменит.
В тапочки спортивные обута,
Представляла девочка Жизель,
Где асфальт раскинул полы, будто
Железнодорожная шинель.
И вязала тётушка в сторонке,
Словно мысль вела издалека:
«Кажется, вчера ещё пелёнки
Я сушила в зное ветерка.
А теперь – талант не растеряйте,
Только и твердят со всех сторон...»
Круг луны – от фонаря в театре,
И в душе перепелиный звон.
Так светло, как будто ковыльями
Вдалеке заволновалась степь...
Не плыла со сцены – ковыляла,
Не гилянду расправляла – цепь.
Эта цепь всё тяжелей с годами –
Слишком нежно греют лепестки.
И уже с Кавказского свиданье,
Будто паровозные гудки,
Там, за насыпью, где стынут рельсы,

И надежда чья-то, и печаль...
Разве разобраться, сколько пенсий
Тётушка снесла в Союзпечать?!
Вот она опять, собрав силёнки
И родной увидев силуэт,
Как из марли некогда пелёнки,
Вырезает снимки из газет.

1978

* * *

Девчонка мнёт в руках цветов,
От взгляда моего краснея...
Подумать только – как я мог
Поцеловаться с нею!
А над землёю соловьи,
Как сумасшедшие, распелись...
Есть знойный месяц у любви
И поцелуй, как вишня, спелый.
Всплывает в ночь из-за берёз
Луны назойливое око.
И в тишине льняных волос
Незримая слышна тревога.
Был вечер нежно-голубым
И отгорел за рощей дальней.
Пора осенняя в любви –
Неясный холодок свиданий.
Когда уже не клятвы ждёт
Любовь, а слов привычных стаю...
Но до зимы не доживёт
И паутинкою растает.

1979

Город

Люди возвращаются с работы,
Чьи-то тени жмутся за углом.
Этажи высотные, как соты,
Золотистым теплятся огнём.
Стук дверей. Замок переговоров.
И опять густая тишина.
В телевизор устремляя взоры,
Коротаем вечер допоздна.
Голубой экран ласкает землю,
И восходят радуги цвета...
Сколько пользы от него приемлем,
Столько же, наверно, и вреда.
Свет в окне встревоженно теснится,
И дрожат за стенкой голоса...
Отчего соседям в ночь не спится?
Умер кто? А, может, родился?
А вокруг дома, что угли стихли,
Каждый мглою синею объят...
Если б жизнь, как пчёлы, мы постигли,
Если б разделяли боль утрат!..
Площадями дышит утомлённо
И траву пугливую стрижёт,
И звезда, как лист горящий клёна,
Этот город в небе стережёт.

1984

Отпускник

Густеет в тишине июньской
Туман зелёных перелесков...
Вчера сосед домой вернулся,
Облитый солнцем деревенским.
И у трамвайной остановки,
Где утром шепчутся газеты
Я обернулся ненароком
И встретил отпускное лето.
Разговорились. – Между прочим, –
Сказал он, – с клёвом подфартило:
Рыбалка днём, рыбалка ночью
С плота на огонёк фитильный.
Уха тройная... Пиво... Карты...
Ну, в общем, отдохнул на славу! –
Стекала с плеч его покатых
Смолистого загара лава.
Я чуть от зависти не плакал,
Когда представил на мгновенье,
Как спит он под крылом палатки,
Как слушает пшеницы пенье.
Сосед вздыхал... Волною синей
Светились рельсы недалёко...
А как там хлеб? – его спросил я, –
Поди, управятся до срока...
Он чиркнул модной зажигалкой
И улыбнулся откровенно:

Там будет всё о'кей, наверно,
Я сам слышал – на поле жарко!
Звенел трамвай на повороте,
Дугою искорки срывая.
Всплывало солнышко напротив
Румяным русским караваем.

1968

* * *

Мои стихи – мои молитвы,
Едва заглянет свет в окно –
Я по лучу равняю ритмы,
А с ним и рифмы заодно.
Молился я за всех усопших,
За всех здоровых и больных
И за ручей, в степи иссохший,
Но спасший путников своих.
За птиц, отчаянно кричавших
В высоком небе над землёй.
За свист ветвей из белой чащи,
Где листья смешаны с зарёй.
А женщина, раскинув руки,
Как крест живой, сошла с небес.
И я молил... И в сердце звуки
Напоминали Благовест.
Когда и мысль, и чувство слиты,
Прозрачна сущность бытия...
Ты словно вышла из молитвы,
Которую придумал я.

2011

Кафедральный собор

Седой привратник поклонился низко
И протянул из прошлого ладонь...
Казалось, никогда ещё так близко
Меня свечи не волновал огонь.
Вокруг крестились истоиво скитальцы –
Старухи из окрестных деревень,
И капал воск пронзительно на пальцы,
И на стене огня металась тень.
Я осознал с таинственностью вскоре
По слабому потрескиванию свеч,
Как призрачно дыхание людское,
Которое и здесь не уберечь.
Отец Андрей – священник кафедральный –
Преставился бесшумно, и к нему,
По слухам, родственник приехал дальний
И все бумаги перерыл в дому.
Гость озирался посреди собора,
Где зорко даже с купола за ним
Следил, видать, совсем не без укора
Какой-то пухлый райский херувим.
Не отходил ни шагу гость от гроба,
И все боялись с глупой простотой,
Чтоб не пропал, отмеченный особо,
Святейший знак на ризе золотой.
Когда же за церковные ворота
Процессия свернула, наконец,
Он, не сдержавшись, крикнул принародно:

– Я столько лет искал тебя, подлец!
Никто не ожидал такого факта,
Крик этот будто тишину взорвал.
Гость подскочил и скинул с катафалка
Того, кто к милосердию взывал.
Толпа, взревев, упала на колени,
И не успел я оглянуться, как
Был смят приезжий в несколько мгновений,
Лежал, кровавый устремив кулак.
Едва лишь пальцы липкие разжали
И фотоснимок жёлтый извлекли,
Как по спине мурашки побежали,
А ноги вдруг к дороге приросли.
Поры военной сумрачное фото:
Пасутся танки в зелени полян,
Отец Андрей с крестом у эшафота
Пленённых исповедует славян.
Тот в гимнастёрке рваной, тот в исподнем,
А этого раздетым привели.
Но что же в вечном имени Господнем,
Когда два шага было до петли?!
От страха ли притихшие, от злости –
Толпились прихожане в стороне,
На карточке разглядывая гостя,
Пленённого с другими наравне.
Спят стены Кафедрального собора,
И колокола звон неуловим.
И на меня глядит не без укора
Какой-то пухлый райский херувим.

Мост

Как древнее русло Суры
Мельчает в песчаных откосах,
Так сосны, взойдя на бугры,
В лучах поредели раскосых.
Торопится дятел. Стучит.
Труха облетает на травы.
И, кажется, время горчит
Дымком у речной переправы.
Освоив на скорости кров,
Мчат люди, от ветра хмелея,
В дорожной судьбе номеров
Есть тоже своя лотерея.
Неслышно поднявшись до звёзд
В металле причудливых линий,
В работе сторбатился мост,
Купаясь под трепетом ливней.
Видать, почернели не вдруг
Шальные от бега колёса.
Извечный противник разлук,
Мост руку мне тянет с откоса.
Привет, долгожитель, привет!
Не ведаешь ты, что открытка
С тобой облетела весь свет,
Как киноартиста улыбка.

Стою я у автокольца –
У самой летящей вершины..
Машины, машины, машины –
Стекают, как слёзы с лица.

1988

Вишня

Едва из автобуса вышли –
Транзистора смолк перезвон.
Кулёчки газетные с вишней
Со всех потянулись сторон.
Когда-то под звон балалайки,
Как влёт перепуганных птиц,
Так били в дощатом бараке
Родной комсостав без петлиц.
Мы брали июльские вишни
И видели в выхлопах туч:
Не сосны над нами, а вышки,
Чей свет и трагичен, и жгуч.
И вдруг в многоцветье базара
Застыла вблизи от меня
В берете велюровом Сара,
Как тень отшумевшего дня.
Пустое ведро из-под вишни,
Казалось, раскрасила кровь.
Ей, в камере головы брившей,
Минувшее виделось вновь.
Как волосы стали слипаться
Те дни, что размыты тоской...
И жёлтая косточка в пальцах
Похожа на череп людской.
С лицом, как во время пожара,
Седой закричал отставник:

– Да это же Сара! Продажная Сара!..
Но след её выскользнул вмиг.
Как горькая косточка вишни,
Что брызнула ветру вдогон.
И высший есть суд... И Всевышний..
И этот барак без окон.

1988

Тарханы

Как, может, чьё-то снисхождение,
Как чьё-то щедрое перо:
Мешок цемента к дню рожденья
И краски масляной ведро.
А красить некому... И снова
Придётся звать односельчан.
Экскурсовод всплакнуть готова,
Присев на латаный топчан.
Сквозь ветер радостные воды
Стремятся в склеп из синевы,
И пены белые разводы
На саркофаге, будто швы.
По кирпичам заря босая
Спешит, воспрянув ото сна.
Горит свеча, не угасая,
Как пятигорская сосна.
Она пришла сюда со склона,
Где не развеется никак
Дымок дуэльного патрона
И крик, скатившийся в овраг.
Мерцает свет в холодном склепе,
Далёкий от небесных гроз,
Совсем как соль на чёрном хлебе,
Что кто-то из крестьян принёс.

Не избежать, как всплесков вешних,
Всего, что назовут судьбой...
Луна – кровавая черешня
В фуражке неба голубой.

1988

Болдино

Ветер плачет от ярости,
Рвёт тумана завесу.
Разноцветные ярусы
На деревьях по лесу.
Вот сороки нагрянули,
Ссорясь между собою.
Звуки леса багряного
Облетают листвою.
Ветка свесилась аркою
Над бегущей тропой,
Небо светится жаркою
Полосой заревою.
Где-то слышится музыка,
Тлеют сучья сырые.
Нету в Болдине узника,
Чьи душевной порывы.
Сквозь кордоны армейские,
Под шлагбаумом нервным,
Почта дальняя, местная
Шла дорогой холерною.
Над просторами голыми
Дождь теряется в сини...
Вьются кудри глаголами
За пером. За гусиным.

2009

* * *

Она стояла при дороге,
Как луч, что трепетно звучал.
И путник в чернозёме ноги,
К ней прислоняясь, очищал.
Гудели, пролетая в дали,
Грузовики сквозь пыль и зной,
И лихо кузовом сдирали,
Чуть зацепив, наряд лесной.
Росла, не жалуясь, берёза,
Тянулась выше и светлей
Пока под слабые колёса
Шофёр не наломал ветвей.
Он чертыхался недовольно,
Боясь увязнуть в темноте,
Не думая, что, может, больно
Ей – придорожной сироте.
Багряный день взошёл над полем,
И птицы кинулись к листве
И, возмущённые разбоем,
Вдруг задохнулись в синеве.
Берёза высохла в печали...
И вот однажды мужики
Её могучими плечами
Свалили спяну иль с тоски
И, верно, позабыли вскоре.
Но отчего я полон дум,
Когда в нахлынувшем просторе
Вдруг различу знакомый шум?

1983

Чудная

Ходит медленно повсюду,
Сразу видно, что больна.
В сумке звякает посуда
Из-под водки и вина.
Озабоченно вздыхая,
Проворчит в какой-то миг:
– Тишину и ту захаял,
Чёртов пьяница-мужик!..
Не скрывая гнева к пробкам,
Ототрёт с бутылок мрак
И по гривеннику оптом
Сдаст, как водится, в сельмаг.
Изнутри подступит немощь,
Будто кто-то застит свет..
И на всю в пригоршне мелочь
Вновь отвесят ей конфет.
У детсада на скамейке
Сядет, празднично-добра,
Леденцы и карамельки
Враз расхватит детвора.
А она пойдёт богатой
Вслед за радостью чужой
Кличут люди тороватой,
А ещё слышал, чудной.
Зной ли падает на крышу,
Туч ли тянутся возы, –

Я её в платочке вижу
С тёмной сумкой из кирзы.
Загляну в глаза-колодцы
И пойму, в чём правды соль:
В жизни просто не даётся
Ни отрада и ни боль.

1980

Спутники

Дали озарив высотным светом,
Вырос новый город над землёй.
Тут проспекты подметают ветром,
Умывают утренней зарёй.
В сквере шум и радостные лица,
И букеты озаряют взгляд...
Кто-то просит чуть поосторониться,
Чтоб заснять обнявшихся солдат.
Выцвели давно и порыжели
Гимнастёрки на худых плечах...
А за сквером, будто продолженье,
Город-спутник днём, но при свечах.
Врезанные в жель, гранит и мрамор
Над буграми глины и цветов,
С фотографий в мир глядят из рамок
Лики человеческих следов.
Так издревле по веленью рока
На орбите кружатся одной.
И не знает роздыха дорога
Ни в туман, ни в снегопад, ни в зной.
С небом разговаривают ветры
В деревянной толчее антенн...
И уже до них не километры,
А лишь тени от кирпичных стен.

1985

Столжары

Слепит глаза электросварка,
И огнедышащие швы
Неровно вспыхивают ярко
И гаснут в дебрях синевы.
Похоже, рассердился кто-то,
Связуя родину и высь:
Летучим светом небосвода
Людскую хочет скрасить жизнь.
И гром гремит, и будит в мире
К природе первобытный страх.
И листья над землёй размыли
Былую боль во временах.
В ночи своё благоуханье,
Хотя мы вечно служим дню,
Несущему небес дыханье.
Я мысленно тянусь к огню.
Мерцают дали золотые,
Как горсть калёного песка,
И дуют пыльно ветры злые
Издалека... Издалека...
Опять мятежные порывы.
И пахнет мокрою травой.
И молнии, пока мы живы,
Ломаются над головой.

И если вдруг, скрестив удары,
Они сомкнутся в кой-то миг,
Меня ищите, где Стожары –
Взойдя по звёздам напрямик.

1985

Свидание

Ломает свет решётками закона
Высокая кирпичная стена.
Скорбящая по сыну, как икона,
Мать на скамью присела у окна.
Её сюда везли локомотивы
По коридорам северных лесов,
Где в бубен солнца ветры колотили,
Кружила вьюга стасей белых псов.
Всё позади. И в комнате свиданий
Она к двери глазами приросла:
Узнает ли теперь – в разлуке дальней –
Того, над кем ночами не спала?
Кто белобрысым сорванцом казался,
Хотя давно сквозила седина...
– Сын от свиданья с Вами отказался! –
Как будто выстрел грянул из окна.
Мать судорожно стиснула авоську,
В морщинах скрыв переживаний след,
И слёзы капнули горячим воском
На деревенский плюшевый жакет.
Хотела встать, а ноги подкосило,
Хотела крикнуть – голос вдруг осип:
– Видать, ему от срама не под силу
У матери прощения просить!
... Боясь на поезд опоздать вечерний,
Она платок накинула рывком

И на скамье оставила печень,
Пропахшее родимым очагом.
Вздыхая с приговорками, по-женски,
Пошла вдоль хмурых проволочных трасс.
И солнышко мигнуло, как прожектор,
Над лесом день свидания погас.

1983

Конфета

Гостиница «Молога» –
Два тихих этажа.
А за окном дорога
Проносится, шурша.
А за окном – базарчик,
Черника да грибы.
И этот тихий мальчик
На краешке толпы.
Стоит, глаза кротко
На лакомства в ларьке,
И яркая обёртка
Зажата в кулачке.
Не позабыть мгновенья,
Когда принёс сосед
Ему на день рожденья
Заморских горсть конфет.
Теперь душа в надежде
На чью-то доброту.
И мятный вкус, как прежде,
Ещё горит во рту.
Толкают и бранятся,
И плачут, и поют
Тут люди разных наций,
А все – базарный люд.
И просто дела нету
На свете никому,
Что хочет он конфету...
По-дай-те же ему!

1993

Небесное

В широком и синем больничном окне
Звезда на небесном покоится дне.
Звезда ли? Душа ли? Поди, разберись.
Нужна не одна тут безгрешная жизнь.
Неведомый кто-то в непуганой мгле
Давно просчитал «от» и «до» на земле.
Восходы, закаты, росу на траве
И даже рой мыслей в моей голове.
Я взором к стеклу молчаливо приник,
Где капля черкнула и высохла вмиг.
А может, скользнув по-над синью равнин,
Она прилетела из млечных глубин?
Гадать – не гадаю, судить – не сужу,
Но в небо с тревогою долго гляжу.
И вдруг заглянула ко мне медсестра:
– Не бойтесь! Что надо у нас доктора!..
Я лёг и заснул. И привиделось мне –
Исчезла звезда в неземной стороне.
И кто-то невидимый стукнул в окно,
И капля скользнула... Вот всё, что дано.

2006

Стардом

Так называли попросту в народе
Над высоким пламенем висков
Интернат иль что-то в этом роде
Для забытых Богом стариков.
В комнате скрипучие кровати,
Репродуктор голосом одрях...
Медсестра в сияющем халате,
Словно луч спасительный в дверях.
На стене – плакат Аэрофлота,
Будто бы ирония судьбы.
Бабка, пожелтевшая, как фото,
Вяжет плат, что сажа из трубы.
За окном туманы хороводят
И бураны тешатся зимой.
Как живые маятники, ходят
Люди между небом и землёй.
И смешно немножечко, и грустно
Видеть их в нарядах давних пор.
Свято место не бывает пусто,
Если кто-то покидает двор...
Дом затих, затерянный в просторах,
Звёздами осыпанный кругом,
– Пересыльный пункт, – заметил сторож, –
И растёр окуроч сапогом.
Но письмо, как ласточка, взлетело,
Озадачив трепетом страниц

Даже тех, кому хватало дела
В домино иль в перезвоне спиц,
Я писал в стардом не без причины,
Познавая сущность естества.
Век бы мне не испытать кручины,
От которой в пепле голова!
Не остаться б в мире одиноким
И не пережить своих детей...
И дрожит над берегом далёким,
Облетая, паутина дней.

1984

Трамвайный вагон

Бегал, обкатывал рельсы
Чёрт-те с каких времён!
И вот, пожалуйста, пенсия –
На переплавку вагон.
В парке в тупик загнали,
Вниз оттянув дугу.
Водитель, девчонка Галя,
Видела и ни гугу.
Долго стоял он,
окна,
Словно глаза, открыв.
Боком,
помятым боком,
Жался к забору...
«Крыг!»
МАЗ подскочил в то утро,
Взял на железный крюк.
Трамвай закачался, будто
Понял всё сразу
вдруг...
После,
в машине пыльной,
Горький кляня удел,
Ехал он,
старый, длинный,
Всё на людей глядел.

1967

* * *

Камень древний, как эпоха,
К храму с крестною молвой
Одичавшая дорога
Запропала под травой.
И осели с пылью звоны,
И растаяли вдали
Те, кто щедрые поклоны
Отмеряли до земли.
Говорить теперь излишне,
Чем земная новь жива...
Белым призраком из ниши
С шумом выпорхнет сова.
Лики в бородах, как в дымке,
Купол – тающий туман.
По стене текут дождевки,
Будто слёзы прихожан.
Стынет храм, с ветрами споря,
Все – в спирали суеты.
Но, как прежде, в комья горя
Ставит родина кресты.
Холод вцепится в колени
Блёклой глиной неживой...
В этом храме поколений
Жизнь – единственный святой.
К ней с улыбкою доверья
Я спешу под своды дня:
Птицы, травы и деревья,
В вечность кликните меня!

1985

Разговор

Молчит устало грудь земли,
Блестя росинкою живою.
Как свято всё, что сберегли
Мы за бегущею молвою.
Она, как вольная вода,
Шумит во времени бесследно.
И края милого звезда
Светла, как тихая беседа.
Присяду в грусти, чуть дыша,
К пространству вечному, не спавший.
Луна – ковыльная душа –
Из хмурой выплывает пашни.
Пьянит стремительный простор,
Где пахнет и дымком, и сеном,
И я со степью разговор
Веду о самом сокровенном.
Асфальтом плещется большак,
И стройка развернула плечи.
Стальной газопровода шаг
В деревне задувает печи.
Ах, сколько зим! Ах, сколько лет!
В спокойствии ловлю тревогу:
Вот лошади пугливый след,
Дождями загнанный в дорогу.
Прости, о, родина, прости
Мои причудливые вздохи.

И снова в детство отпусти
Из огнедышащей эпохи.
Там время в сбруях пронеслось,
Рубахой насквозь пропотело...
А если что и не сбылось,
Так это лишь всего полдела.
И радость родины чиста
Открытой далью в час рассвета.
И края милого звезда
Горит, как тихая беседа.

1982

Верность

Светла измятая солома,
Жизнелюбивы зелены.
И наполняет ветер слово,
И радостно звенит:
– Зем-ля-а!
Моторами согрето небо
В предпосевной толкучке дней,
И пыль имеет привкус хлеба
И отблеск дизельный огней.
Мои друзья в обниму с солнцем
Спешат поля бороновать.
У них язык не повернётся
Землицей землю называть.
На рычагах железно-стойких
Ладони расцветут зарёй...
Земля! Ты прокормила столько
И не устала быть землёй!
Как милость – тёплый дождь раскосый
В застывшей тишине густой.
И агроном золотокопый
Молчит над свежей бороздой.
Кому-то отпускная вежа,
Кому-то жизни сторона...
Не потому ли степь от века
Ржаному колосу верна?

1969

Жизнь

Нине Решетняк

Облака – небес оправа,
Солнца луч – дыханье света.
Вот речушка. Вот дубрава.
Ну, а жизнь – короче лета.
Все морщинки – отголоски
По лицу бегущих дней...
Ты на жизненной повозке
Пролетаешь без коней.
Запряжён в повозку ветер
На четыре стороны.
Белгородские рассветы
И в дожди, и в снег видны.
Поднялись оглобли в небо,
Будто просят у него,
Но ни соли и ни хлеба,
Просто – счастья одного.
Прихватив с повозки короб,
В поезд втиснулась и ты...
Незнакомый шумный город
Приютил твои мечты.
Кружит, вертит жизнь крутая:
Ты в заботах день и ночь,
И тебя благословляя,
Бог старается помочь.

Звёзд сияющих равнина
Погрузилась в тишину..
Зазывает вновь рябина
В соловьиную весну.

2006

Обида

В августовское небо взглядишь
И вдохни терпкий запах полыни.
Будто ветер, проносится жизнь,
Что от века горчит и поныне.
Синева над Кубанью-рекой,
Где купаются ранние зори,
Задевая за берег крутой,
Волны пеной рисуют узоры.
Вот росинка сорвалась с листка,
И Кубань поворотом блеснула,
Гребнем волн причесалась река
И в заливе зелёном заснула.
Ускользнувшее время дымит
У рыбацких костров чешуёю.
Я сквозь лето бегу, и навзрыд
Плачут камни под жёсткой пятою.
Я собрал их и кинул вразлёт,
И разбил отражённое небо.
А зимой провалился под лёд
В полынью, что крутила свирепо.
Есть ли в жизни какая-то связь
Между камнем и светлой водою?
Не обида ли в ней собралась,
И река расквиталась со мною?
... Камыши расплескали покой,
И тумана лохмотья повисли.
Я стою над Кубанью-рекой,
И текут облака, будто мысли.

2006

* * *

И в душе, и в поле чисто,
Лишь в глазах моих слеза...
Так прощать бы научиться,
Как прощают небеса.
Растревожилось ненастье,
И листва в молве своей
Облетела в одночасье
С перепуганных ветвей.
И трава, что пожелтела,
Шелестела солнцу вслед
Всё, что высказать хотела
За обманчивый рассвет.
И речушка на востоке,
Комариный сея мрак,
Будто знает – из осоки
Ей не вырваться никак.
Но глядит невозмутимо
В хриплых выкриках ворон,
Пропуская ветры мимо
Над отчизной, небосвод.
Как живое воплощенье
Благодати неземной...
Отмолил и я прощенье
Светлой каплей дождевой.

1992

Богатство

Снег под пологом скрипит,
Вьётся вдаль вихрами.
Лес простуженный скрипит
Голыми ветвями.
Над землёю пелена,
Словно дым столетий.
В небе кружится луна,
Как листок последний.
Погоди, не улетай!
И, пьянясь раздольем,
Разреши вслед белых стай
Прокричать над полем.
Пусть снега и пусть дожди
В глубине сомкнутся..
Ветер века! Пощади –
Дай не задохнуться.
Видишь, блещет сторона
В серебристых глыбах.
И теснится тишина,
Как река в изгибах.
От саврасовских берёз,
Что бледнее мела,
До грачиных шапок-гнезд –
Всё земля имела.

Жил беспечно человек
В пении колосьев...
И заносит вольный снег
Беглый след полозьев.

1983

Тот день

Тот день был звенящ и пронзительно светел,
Как будто зиме откровенный протест.
И сторож угрюмый привычно заметил:
– Оттаёт земля – и поставите крест.
Слова как слова – по земному простые,
Но знает их тот, кто друзей пережил...
Мы сани обратно тащили пустые,
Нырять в буграх сиротливых могил.
Земля на краю незакатного поля,
В которую нам предстоит ещё лечь!
За что же такая ей выпала доля –
И слёзы людские, и стоны беречь?!
Завидовать летом волнистым колосьям,
Зимою – равнине, где лыжник свистит,
Завидовать мимо бегущим колёсам
И даже той пыли, что следом летит.
О, эта могильная, чёрная зависть! –
Ей нету предела, как нету конца.
И снова лопатами в землю вгрызаясь,
Готовят кому-то подобье дворца.
Мы сани тащили, а поле кричало:
– На целую сажень стеснили опять!..
Снежинка, в безмолвье упав, заскучала,
Безмолвье души – только ветру понять.

Промёрзший автобус нас ждал у дороги,
И не было в нём незаплаканных мест.
И кто-то вздохнул так, что слышали боги:
– Отгадет земля – и поставите крест.

1988

Самообман

Степь молчит –
Ни шороха, ни звука,
Лишь за далью в гневной красоте,
Как стрела с невидимого лука,
Молния блистает в темноте.
И в испуге радуется сердце,
Тайных чувств переживая шквал,
Ищет гром, на что бы опереться
И ударить сразу наповал.
Отчего на нас в обиде небо?
Отчего, опережая день,
В звёздный мир прицеливаясь слепо,
Мы и сами – чуткая мишень.
Всё ещё загадочное – где-то,
Всё ещё неизвестное – там,
Где в парящих городах планета,
Что подобна нашим городам.
А быть может вовсе не похожи?
Да и разум – небо и земля!
Отчего ж мы лезем вон из кожи,
Засевая космоса поля?
На экране скачут молний числа.
Вот и звёзды – руку протяни...
Говорят, что в будущее мчимся,
А ведь это – прошлого огни.

1987

Мёд

«Пей мёд – и всё пройдёт!» –
Не раз слышал в народе.
Принёс с базара мёд
И солнце в каждой соте.
Погасли вечера
В степной цветущей балке...
И плавает пчела
По дну стеклянной банки.
Мёд губы опьянит
Улыбкою восторга.
Зазолотится нить
Предания Востока...
Вот гроб через пески
Несут рабы под зноем,
Где в горечи тоски
Царь скрыт медовым слоём.
Его несут домой
В слезах, без передышки,
Из Индии самой,
Меча познавшей вспышки.
О, Аристотель! Глянь
На своего питомца:
Его победы длань
Затмила даже солнце.
Но времени свеча
Горит, не зная воска...

Доспехи волоча,
Бредёт в пустыне войско.
Призывный смолк напев –
Песком забиты трубы.
Шакалы, осмелев,
И днём терзают трупы.
На много миль в глазах
Ни облачка, ни тени.
Полёт змеи – зигзаг,
Лишь пятнышко на теле.
В меду поверх чела
Царь дышит ровным светом.
И плавает пчела,
Заброшенная ветром.
Споткнулся старый раб,
Блеснув клеймёной кожей,
И следом, кто ослаб,
Попадали под ношей.
«Пей мёд – и всё пройдёт!» –
Поют пески в пустыне,
И машет вертолёт
Сквозь миражи густые.
Тут караван-сарай
Под вольным небосводом.
Давно обжитый край,
А пахнет, пахнет мёдом.
Тропинок рукава
Сбежались у колодца.
И вьётся синева,
Как грива иноходца.

1985

Пророк

Юродивый Василий
Сидел у ног царя.
И вдруг его спросили:
– Зря хлеб ешь, иль не зря? –
Василий подивился,
Услышав этот бред:
– А ну-ка, царь, подвинься,
Не ты ли дармоед?
Смотри, бояр кафтаны
Затмили белый свет,
Их липкие карманы
Полным-полны монет...–
Бояре зароптали,
Царь Грозный с трона встал
И произнёс картаво:
– Кто каркал, что я стар?! –
Юродивый Василий
В народе был пророк,
Когда детей крестили,
Судьбу поведать мог.
Смеялся вслед охране:
– Царь всюду при делах.
Вчера молился в храме,
А думал о деньгах. –
Царь вскинул брови круто:
«Откуда он узнал?»

Ведь никому как будто
Я слова не сказал».
Василий же в печали
По площади бродил
И тихими речами
Мирскую жизнь судил.
Потом у винной бочки,
В бояр вселяя страх,
Дарил им образочки:
– Покайтесь во грехах!.. –
И образок последний
Он преподнёс царю:
– Погибнет твой наследник –
С душевной болью зрю.
Сломай кровавый посох
И выбрось за окно... –
Склонившись в буйных космах,
Царь пригубил вино..
А вскоре от недуга
Юродивый усоп.
И царь, оплакав друга,
В цветах нёс тёмный гроб.

2005

Прозрение

В листве играет золотистый луч –
Последний отблеск бурного заката.
И запах трав неизъяснимо жгуч,
Как синева, что в облаках зажата.
Дыханье ночи в каждом огоньке,
Мерцающем над вольною Россией.
И горсть земли, что сжата в кулаке,
И кровь, и плоть переполняет силой.
Вокруг меня – все веточки родства.
И влажный шелест медленно струится,
В лесу клюют зарю тетерева,
И земляника просекой искрится.
Такая мощь в берёзовых стволах,
Что думается только лишь о вечном!
И не проходит безъязыкий страх
При мысли о богатстве быстротечном.
Оно сквозь пальцы, как сквозь листья свет,
Теряется во времени и всуе.
И тишины ромашковый букет
Косматый ветер радостно рисует.
Кукушка судьбам потеряла счёт,
Погасли крылья дивного заката,
И небо, беспредельное когда-то,
Исколесил межзвёздный самолёт.

1985

Росток

Невесёлая в сердце погода
Там, где стыннут кресты на ветрах,
Где в машинах, летящих поодаль,
Время тикает в авточасах.
Есть суровая логика смерти:
Катастрофы... Болезни... Года...
Просто нужно привыкнуть, поверьте,
Чтобы думать о ней иногда.
Горько хвоей вечною пахнет,
И машина на тихом газу
Едет в грустных мелодиях Баха –
Тело бренное в вечность везут.
Кто-то снимет фуражку, а кто-то,
Лишь взглянув, мимоходом пройдёт.
Но сквозь креп возгорит позолота,
И платочек прощально мелькнёт.
Стон отчаянья вырвется дикий,
Оборвав отрешённость минут.
Нестерпимо захочет водитель
Папиросного дыма глотнуть.
Подержите в ладонях землицу
И почувствуете тот холодок,
Из которого должен пробиться
Обязательно новый росток.
Так и в жизни:

Сквозь маятник смерти
Катастрофы... Болезни... Года...
Объявляют горластые дети
Навсегда новый день. Навсегда.

1979

* * *

О, моя доверчивая родина!
Нараспах широкие дворы.
Тут, как полночь тёплая,
Смородина,
Яблоки горят, как фонари.
К сроку всё –
Неспешно и несуетно.
Примечаю я
В потоках дней:
Щедростью своей
Неописуемой
Ты, земля,
Похожа на людей.
На тебе
Платочек неба ситцевый.
Трели жавороночьи с утра...
Обнимает нива колосистая
Белые
Степные хутора.
Солнце пью
Я полными пригоршнями.
Окунаюсь в ветер с головой..
Вышел тонкий тополь
На пригорочек
И запел зелёною листвою.
Горизонта тетива
Так здорово

Натянулась –
Тронь и зазвенит.
И дорога
Как стрела,
Которую
Отпусти –
И к дому полетит!

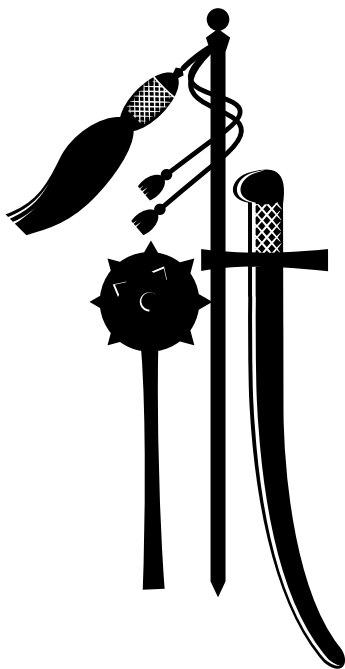
1969

А над ним

Дерево судьбы моей осыплется
Побелевшей в инее листвой.
И, как будто не успев насытиться,
Загорюет ветер сам не свой.
Из полей, уже морозу внемлющих,
Долетит неизъяснимый звон.
И от стука веток леденеющих
Кровь застынет даже у ворон.
Время заколеблется снежинкою,
И на тёмном дереве судьбы
Отразится серебристой жилкою
Ранний дым, летящий из трубы.
Облака – небесная оказия –
С ними свежесть передаст зима.
И природа, и любовь – фантазия,
От которой люди без ума.
Дерево судьбы моей славянское,
Где из каждой почки дышит даль.
А над ним – звезды мгновенье ясное,
А над ним – былинная печаль.
Без оглядки жизнь пройдёт, как странница,
Но однажды в неутешный день,
Луч от дерева к тебе протянется,
И не верь, что это просто тень.

1993

ПОЭМА

П.И. Кальнишевский – последний кошевой атаман Запорожской Сечи. Участник русско-турецкой войны (1768 – 1774), за храбрость был награждён золотой медалью с бриллиантами. Состоял в дружеских отношениях со светлейшим князем Григорием Потёмкиным. В 1775 году повелением Екатерины II деятельность вольнолюбивой Сечи прекращена, Кальнишевский арестован и по предложению Г. Потёмкина сослан навечно на Соловки, в возрасте 85 лет.

Тюремному начальству было предписано содержать Кальнишевского без выхода из каземата и удалить не только от переписки, но и всякого постороннего общения за неослабным караулом солдат.

Указом императора Александра Павловича в 1801 году был помилован и получил право на выбор жительства. Но уже сам не пожелал оставлять обитель, в коей обрёл душевное спокойствие смиренного христианина.

Скончался в 1803 году октября 31 дня 112 лет от роду. Был похоронен на монастырском кладбище. Могила не сохранилась.

В 2004 году на Соловках был установлен памятник П.И. Кальнишевскому.

*Кальнишевскому Петру Ивановичу,
последнему кошевому атаману
Запорожской Сечи*

I

Был тёплый летний вечер,
На море бирюза,
А соловецкий ветер
Слезил ему глаза.
На валуне сидел он,
И сам был, как валун,
В раздумье поседельный,
Что птица гамаюн.
Глядел он вдаль куда-то,
Как будто зрил во мгле
Несчётные закаты,
Что прожил на земле...
Вот тянется с рассветом
С повозками обоз.
И казаки за следом
Бредут под скрип колёс.
Здесь нету духом слабых,
И всё им нипочём.
Ещё при них и сабли,
И ружья за плечом.
Три тысячи без страха
Отважных казаков,
Кто разделил, как плаху,
С ним путь до Соловков.
И каждый взял по горсти

С собой родной земли,
Чтоб где-то на погосте
С ней вместе погребли.
Из-под копыт колёса
Мотали пыль и грязь.
Вдруг радуга вопроса
На небе поднялась.
И казаки мгновенно
Прервали песнь свою:
– Знамение, наверно, –
Послышалось в строю.
И войско в ликование
Подвысило клинки:
– Да это же сиянье,
Панове-казаки!
Дымил душистой змейкой
В повозке атаман,
Той трубкой-носогрейкой,
Что вырезал цыган.
На трубку из кисета
Был Кальнишевский свой.
И угощал соседа:
– Кури, пока живой!
Скрипели вдаль повозки,
Звенели стремена.
Навстречу ветер хлёткий
И снега пелена.
Родное Запорожье
Осталось за бугром,
Где знойно пахло рожью

И братским куренём,¹
Где петухи на зорьке,
Взлетая на плетень,
Перекликались звонко,
Встречая новый день.
Был атаман свободный
Лишь в мыслях о своём.
Жупан² его походный
Отсвечивал костром.
Шест гнулся над повозкой,
И облок был, как чуб,
И на шесте хвост конский –
Степных ветров бунчук.³
С горилкой ковш по кругу
Ходил, вселяя жизнь.
И казаки друг другу
Быть братьями клялись.
Жёг ветер конским. потом
В кругу три казака
Вприсядку да с притопом
Плясали «гайдука».
Здесь не бывает слабых –
Казак, как вихрь огня,
Через копьё и саблю
Взлетает на коня.

¹ курень – войсковое подразделение и его жилое помещение

² жупан – мужская верхняя одежда

³ бунчук – древко с привязанным конским хвостом, служившее в старину знаком власти

В повозке Кальнишевский
Смеялся аж до слёз...
Пока без происшествий
Идёт в пути обоз.
И тут, ну как нарочно,
Когда сморило сном,
С телеги тёмной ночью
Пропал мешок с зерном.
И поднял Кальнишевский
Свой на копьё жупан:
– Кто конный или пеший –
Сбирайтесь все на стан.
Отыщем враз вороюгу.
Такому не бывать,
Чтоб казаки друг другу
Не стали доверять!
Степенно, лихо, важно,
Чтоб видел атаман,
Снимал привычно каждый
Суконный свой жупан.
И кош⁴ гудел базарно,
Пока на полотно
Из жупана внезапно
Не брызнуло зерно.
– Так это ты – тихоня,
Небось, в деревню снёс?!
Забыл ли, что в походе
Закон – не брать с колёс!
Презренья не скрывали:

⁴ кош – войско

– Такого гнать хлыстом!..
С виновника сорвали
И саблю, и пистоль.
И палками из коша
Прогнали в тёмный лес..
А вечером пороша
Взыграла до небес.
Качаясь на повозке,
Знал Пётр наперёд,
Что ждёт казачье войско
У северных широт.

II

Белой пеной покрылись виски,
А глаза – океанской синью.
Соловки... Соловки... Соловки..
Цепи каменные России.
Вот и ползают, как муравьи,
И монахи, и каторжане.
И у каждого думы свои,
Те, что взглядами выражали.
Размышлял Кальнишевский в тоске,
В казематной мгле обитая,
То рисуя углём на доске,
То Евангелие читая.
Козаков заковали слова
Из потёмкинського приказа,
Гнали в море на острова

И на юг до границ с Кавказом.
Конь каурый, скачи и скачи,
Степь копытами обжигая...
Вероломное буйство Сечи
Ни конца не знало, ни края.
Русских подданных разорив,
За иные взялись потехи...
Кальнишевский, вина испив,
Вспоминал грехи и огрехи.
«Может, зря погубили князька
И российские жгли усадьбы?!»
И свистела плеть казака,
Как жалейка⁵ на жаркой свадьбе.
Кальнишевского бросило в дрожь –
Из стены появился призрак:
«Что Потёмкина не признаёшь?
А ведь был мне когда-то близок.
Государыни лютый гнев
Даже я смирить не рискую...»
Кальнишевский, совсем захмелев,
Чарку в стену швырнул пустую.
Атаман задремал и себя
В императорском видит зале,
Где вокруг, орденами слепя,
Все с притворностью козыряли.
Перешёптывались ни о чём,
Дамы веером прикрывались.
По глазам Кальнишевский прочёл,

⁵ жалейка – духовой музыкальный инструмент

Отчего они озирались.
Не терпелось им, видно, узнать
О степях, что в краю далёком.
«Вот она – петербургская знать, –
На коней бы её... Галопом!
Вон тому толстяку в парике
Дать копьё бы да саблю вострую –
И в сраженье, где смерть налегке
Озаряет степь кровью росною...»
Тихий говор нарушил скрипач,
Кальнишевский душой очнулся.
Атаман взволновался, хоть плачь,
Будто к родине прикоснулся.
Кальнишевский прищурил глаза,
Сединой-ковылём заросший...
– Господа, вот степная гроза –
Атаман Сечи Запорожской...
Не смолкая, цвели во Дворце
И овации, и фанфары.
Покраснел Кальнишевский в лице,
Как атласные шаровары.
Радость сердце казацкое жгла,
В танце пары вились спиралью...
Незаметно к нему подошла
Дама в чёрной шляпе с вуалью.
– Это ты, атаман? Ты – индюк,
Расскажи, как брата не стало...
Размахнулась и веером вдруг
По щекам его отхлестала.
– Господа, да он попросту пьян! –
Дама в гневе шарф разорвала.

– Посмотрите, в крови дворян
Атаманские шаровары.
Будто шквал леденящей воды
Вдруг обрушился со слезами,
И в предчувствии близкой беды
Атаман затерялся в зале.
Много рюмок с подноса махнул,
Не нуждаясь ни в чьих советах.
И потуже к ремню притянул
Саблю в ножнах и в самоцветах.
Поспешил Кальнишевский назад
Вниз по лестнице по ковровой
И спиною почувствовал взгляд,
Как и смех вослед нездоровый.
И обиды в груди не унять,
Не сдержаться от боли резкой:
«Невозможно никак им понять
Душу вольницы молодецкой...»
Атамана жалели одни,
А другие искали драки.
Где-то в окнах мерцали огни,
Где-то лаяли в тьму собаки.
Из парадного прямо в возок –
На подстилку из волчьей шерсти.
И прищёлкнул кнутом казачок,
И рванули кони, что черти:
«Геть отседа! Немедленно прочь!
Тут живот не кладут за други!»
И возок сквозь фонарную ночь
В петербургской дымился вьюге.
Кальнишевский покусывал ус

И придерживал локтем саблю.
Под полозьями снега хруст
И дома будил, и усадьбы.
Вспоминал, как тошнило его
От заморского в рюмках зелья.
А скорее, видать, оттого,
Что чужим он был в час веселья.
Под копытами бухал снег,
Колокольчик поддужный звякал...
Уезжал атаман ото всех,
И впервые в жизни заплакал.

III

Костры на вышках караульных
Вокруг Сечи горят, горят..
И казаки, как пчёлы в улье,
В курень собравшись, гомонят.
В раздумье Кальнишевский вышел
К старшине⁶ в сумрак тишины,
Как вдруг сорвался оклик с вышки:
– Панове, мы окружены!
Седой пригладив оселедец⁷,
Застыл угрюмо атаман.

⁶ старшина – высшее руководство Запорожской Сечи

⁷ оселедец – чуб, коса и косма на темени головы

Сиял над степью саблей месяц,
И, как лазутчик, полз туман.
Уже колёсами скрипели
В степных оврагах пушкари.
Парламентёров ждал Текели⁸,
Но Сечь молчала до зари.
Была старшина против битвы,
А казаки наоборот...
По завершении молитвы
Две сотни встали у Ворот.
Они готовы были драться
С царёвым войском хоть сейчас.
Вдруг неожиданное: – Сдаться! –
Раздался атамана бас.
Ни о каком таком сраженье
И речи не было теперь.
И даже ветер в напряженье
Скрипел, раскачивая дверь.
Чтоб избежать кровопролитья
И сохранить остаток сил,
Степи отважный предводитель
Родную Сечь перекрестил.
Предвидел атаман, что будет
Сечь Запорожская в тылу,
И саблю в ножны спрячут люди,
Как некогда в колчан стрелу.
Как неприкаянные, бродят,
Сидят, дымя под куренём,

⁸ Текели – австрийский генерал, царский наёмник

Те казаки, что жгли в походе
Нечистых сабельным огнём.
Царице присягнув, солдаты
Пришли смирить разгул степей..
Так вот она за кровь расплата,
За смерть на страже рубежей!
Кусая губы, Кальнишевский
Душой и мыслями страдал:
Зачем приказ такой поспешный
Намедни казакам отдал?!
Зря отпустил их на гарцовку
За Сечь в полынь и ковыли,
Чтоб не терял казак сноровку,
Блистая саблею в пыли..
И атаман смахнул украдкой
Слезу с обветренной щеки.
Сапог солдатских топот ратный
Гудел прелюдией тоски.
Указом из Первопрестольной
Судьба свершилась казаков.
И Кальнишевский хлебом-солью
Встречал несметный лес штыков.
Обиды в сердце не скрывая,
Толпа шумела, матерясь:
– Кажись, погибла Низовая⁹
А ще Республикой звалась!..
Исхлёстанный казачьей речью,
Насупил брови атаман..

⁹ Низовая – низовое войско Запорожское

Так завладел Текели Сечью
Под дробь, что сыпал барабан.
Сердито казака ударил
Солдат прикладом по спине:
– Поди ты к чёрту на свиданье
В своём вонючем жупане!
Связав верёвкой руки крепко,
Присвистывая озорно,
Толкнули атамана в клетку,
А с ним старшину заодно.
Смятенье... Крик: Прощай, свобода!..
И боль. И гнев. И злость. И страх.
Солдаты подожгли Ворота,
Сечи сорвали вольный стяг.
К обеду солнце незаметно
Над горизонтом поднялось.
Ударил повар в тазик медный:
– Оголодали тут, небось?!
Солдаты смачно кашу ели,
Дразня тем самым казаков.
И дымно носогрейки тлели
Из-под закрученных усов.
В курень прокуренный, казачий,
Вошёл Текели. Стихла брань.
– Сенат исход Сечи означил –
На Дон... На остров... На Тамань..
Пронёсся шепоток: – На остров,
Слышал я, что на Соловки.
С него уйти совсем не просто,
Там море... Волны, как быки..
И казаки с земли исконной

Погнали на конях верхом.
А впереди везли икону,
Украшенную рушником.
А следом пыль, а следом выюга,
Туманы, грозы и дожди.
Постромки рвались от натуги,
Неслось истошное: держи!..
Мелькнёт зайчишка в мелколесье,
Перебежит дорогу лось.
А казаки с полынной песней
Идут, куда им довелось.
Делились хлебом и махрою,
И анекдотами до слёз.
Впервые кто-то видел хвою,
А кто-то белый свет берёз.
Храпели кони, пар глотая,
Копытами взбивая грязь.
И синева, с небес стекая,
Казалось, в лужах растеклась.
Холодной ночью, ночью выюжной
Терялся где-то в темноте
Звон колокольчика поддужный
На государственной версте.
Снежком в просторах запылённых
Дымила кузня у ветлы.
Из клетки вывели пленённых
И заковали в кандалы.
Конвойные ругались хлётко
В закатном тлеющем огне.
И вот заполнены повозки –
Спина к спине, спина к спине.

Вновь замелькали рощи, доли,
Мосты из брёвен и доски.
Шли казаки – народ бедовый
И чудаки, и остряки.
Они пока ещё смеются,
Хотя слезу сронить пора.
Коней усталых гривы выются,
Едва поднимутся ветра.
Кнуты распарывают воздух,
Пистолы сотрясают мглу,
Где распростёрлось небо в звёздах –
Гадай, казаче, что к чему...
Казалось, что на белом свете
Одни лишь беды и обман...
И в лакированной карете
В железах ехал атаман.

IV

Из тишины рассвета,
Что напоила всех,
Возник он у кареты,
Едва утихнул смех,
Открыл с оконцем дверцу
И прошептал: – Бежим!
Цыгану ты доверься,
И мигом всё решим.
Уж наготове кони
Рвануться в даль степей...

– Оставь меня в покое! –
Раздался звон цепей.
Луна с небес светила
И каждое звено
Она позолотила,
Как в колоске зерно.
Раскуривая трубку,
Продолжил атаман:
– Всех истолочь бы в клюкву
Под ихний барабан!..
И вновь цыгану стала
Тревога сердце рвать.
Решил, во что б ни стало,
Он батьку расковать.
Цыган во тьму отпрянул
И спрятался в кустах.
Качаясь, двое пьяных
Прошли, ломая шаг.
– Чего же медлить, батько,
Ведь близится рассвет.
Тут и мои собратья
Могли б помочь в момент..
Но атаман как будто
Тех не расслышал слов
И лишь заметил мудро:
– Кто я без казаков?!
Дохнуло житом поле,
И гром присел вдали.
«То воля, то неволя» –
Шептались ковыли.
Дымок струился сизый

Сквозь тишину версты,
Конвой, как будто призрак,
Возник из темноты.
Уехала карета
И всадники за ней,
В траве, что в зной согрета,
Нашёл цыган трофей –
Обкуренную трубку,
Что искрилась в дыму.
– Всех истолочь бы в клюкву!.. –
Послышалось ему.
Цыгана степь сокрыла,
И высох росный след.
Рассвет расправил крылья,
Как птицы силуэт.
На ступицы мотая
То грязь, а то траву,
В тумане пропадая,
Идёт обоз в Москву.
Вот купола собора
Пылают, будто жар...
А вольный дух простора
Закон в цепях держал.
В глазах одни потёмки,
В душе одна тоска.
Да знает ли Потёмкин
О муках казака?!
Ведь быть того не может,
Чтоб знал и не помог!
Хотя твердят вельможи:
«Потёмкин – злой игрок!..»

Плевать на эти байки,
Мне друг Потёмкин, друг...
Тут облепила батьку
Тьма августовских мух.
Он отмахнулся с гневом
И выдохнул: – Гриць-ко!¹⁰
А облака под небом
Пылали высоко.
Был батько непривычно
Задумчив и считал,
Что Сечь подобна кличу,
Который всё сметал.
Он вспомнил, как однажды,
Разбив турецкий вал,
Гонца с депешей важной
К Потёмкину послал.
В грязи, в крови наездник
Спешил, дни торопя.
Вдруг на лесном разъезде
Предстал шатёр, слепя, –
Весь золотом расшитый..
У входа караул:
– Откеля? Не брещи ты!
Князь чуточку вздремнул!..
Потёмкин, сдвинув штору,
Окликнул казака:

¹⁰ Грицько Нечёса – так окрестили Григория Потёмкина казаки

– Клянёшься, дали шпоры
Султану под бока?
Хвалю, хвалю! Приятней
Нет вести для Дворца.
Но отчего опрятней
Не выбрали гонца?
Казак, усы поправив,
Стряхнул с жупана грязь:
– Так атаман направил,
Чтоб лепших к лепшим¹¹, князь.
Ну а меня, как видишь,
До светлости твоей.
Так, мабудь, не обидишь –
Дай чарку, да быстрее!
Потёмкин рассмеялся:
– Вот черти, казаки!
И князя не боятся,
Как сабли, языки!
Тут прикатали бочку
Игристого вина.
И песни у обочин
Журчали дотемна.
Вернувшись к атаману,
Всё доложил казак,
Без лести, без обмана –
Лишь огоньки в глазах.
За пазухой привычно
Пошарив, произнёс:
– Клинок Вам, батько, лично

¹¹ лепший – лучший

От Светлости привёз!..
Клинок дамасской стали
Сверкнул в траве густой,
И птиц крикливых стая
Вдруг стала высотой..
А кош в пыли дорожной
Из знойных рвался пут.
На стягах Матерь Божья
Им осеняла путь.
Жара стекала с неба,
И оводы, жужжа,
В коней впивались слепо,
Как острие ножа.
Заметил Кальнишевский,
Как коршун, взмыв стрелой,
Комок кричащей шерсти
Проносит над стернёй.
Тут атаману стало
Совсем не по себе,
И он, вздохнув устало,
Доверился судьбе.

V

В минуты морского отлива,
Тумана прорвав пелену,
Казацкие кони пугливо
В бегущую входят волну.
Из гальки взвиваются искры.

Подковы блестят синевой.
На сёдлах, на гривах повиснув,
Братаются люди с волной.
На плот закатали повозку,
И кто-то вскричал: – Казаки
(Заметив на море полоску),
Не это ли есть Соловки?!
Моргал Кальнишевский нервозно.
Дул ветер солёный, пыли.
Да разве такое возможно,
Чтоб грела чужая земля?!
Ведь там, за порогами, в сини
Лежит Запорожская Сечь.
За удаль её окрестили,
За саблю, разящую с плеч.
В степи затерялись могилы,
И края не видно степи.
И хватит ли жизни и силы,
Чтоб к ней доскакать, доползти.
Польнью заросший пригорок
Обнять и прижаться щекой.
И мигом почуять, как дорог
Родной батьковщины покой!
Волна налетела... И брызги
Дощатый осыпали плот:
«Природа дика и капризна,
И жив ли здесь ссыльный народ?!»
Рябой, невысокого роста,
Ехидно изрёк конвоир:
– Ну вот, атаман, и твой остров! –
И смятый поправил мундир.

Барахтаясь в пене прибоя,
Держа под уздцы лошадей,
На сушу за новой судьбою
Карабкались толпы людей.
Смотрел Кальнишевский и вроде
На миг показалось ему,
Что кто-то над островом ходит
Весь в чёрном, в кадильном дыму.
Глаза стекленели от боли,
И цепи звенели вослед.
Уже до тюремной юдоли
Остался лишь призрачный свет.
Он брёл, спотыкаясь по тверди,
Где кровь размывала вода.
Тяжёлой окованной дверью
Захлопнулся мир навсегда.
Туман расплывался белёсый,
Шумел, волновался прибой.
И капли стекали, как слёзы,
По кровле, залитой смолой.
Глухой каземат карауля,
Солдаты сквозь ливни и снег,
Сквозь беглое солнце июля
Топтались по пять человек.
С сургучной печатью Указа
Ослушаться вряд ли кто мог.
И сам заключённый ни разу
Не выходил за порог.
Лишь в праздники богослуженья
Он брёл за толпою людей
И ветер вдыхал с наслажденьем,

Как некогда волю степей.
А если случалось помыться
На озере в тёплой воде,
Угадывал посвист синицы
И клёкот орла в высоте.
Однажды, кукушку слышав,
Принялся он годы считать:
Вот сто... Сто двенадцать... Затишье –
Устала кукушка вещать.
Взглянул Кальнишевский на небо,
Как будто в открытую степь,
И с грустью подумал: «Эх, мне бы
Такую бы душу иметь!..»
Солдаты его торопили:
– Давай, атаман, поживей!..
И, камни швыряя, курили
У озера в бликах теней.
Побрёл, громыхая цепями,
В постылый давно каземат.
А цепи за камни цепляли,
И словно тянули назад.
И кровью слезились подошвы..
Висел в каземате дурман,
Обессиленный и продрогший,
Упал атаман на топчан.
Очнулся и перекрестился,
Водой ледяной освежась,
Будто сам в себя погрузился,
В запредельную веря связь.
В окладе серебряном книгу
Раскрыл он и стал размышлять:

Духовного хлеба ковригу
И в жизнь никому не понять.
Из Библии каждую строчку
Он знал, как себя, наизусть.
И днём, и особенно ночью
Псалмами развеивал грусть.
Душа кровоточила меньше,
Застыла лишь боль навсегда.
В оконце сползает крошечный
То ль сумрак морской, то ль вода.
Звучали напевно молитвы,
Стекала беззвучно слеза.
В императорском блеске свиты
Кружились опять голоса.
Но стыли кирпичные стены
В забытых давно именах.
Недолго те стены пустели,
Едва вечный узник зачах.
Не стал Кальнишевский царапать,
Ржавый гвоздь отшвырнул, смеясь...
А за дверью дожди и слякоть,
Да солдаты, что месят грязь.

VI

Теперь сказать о Соловках,
Наверное, пришло время.
Неведомо, в каких веках
Людей здесь поселилось племя.

Со временем с материка
Перебирались поселенцы.
Монахи, беглые, зека
И рыбаки, и земледельцы.
Тянулся крепостной народ
За край земли, где бьются волны,
На остров северных широт,
Где каждый был, как ветер вольный.
В скитах, землянках, в дождь и снег,
Они терпели и молились.
Шумел зелёных листьев смех,
Снежинки-бабочки кружились.
Поднялись избы тут и там,
Смолой сосновой срубы блещут.
Дымки – сигнальные флажки
Из труб то вьются, то трепещут.
И вот сам царь на Соловках
С артельной песней храм возводит.
Таскает камни на руках,
Да так, что с хрустом жилы сводит.
Звенели щепки вкривь и вкось –
Топор царя работал споро:
– Ну, как, артельщики, небось,
Кваску теперь испить бы впору?..
Резною кружкой зачерпнув
Из жбана золотистой влаги,
Царь Пётр размашисто черкнул
Слова Указа на бумаге.
Пригладил мокрые усы
И огласил на всю округу:
– Сей храм совсем не для красоты,

А чтобы поклоняться Духу!..
Во имя Господа Христа,
Чья на Голгофе кровь пролита,
Вплоть до могильного креста
Пусть вас не иссушит молитва!..
И Царь, играючи бревном,
Добавил, словом души грея:
– А церковь эту назовём
В честь Первозванного Андрея!
Из императорской казны
Возьми, диакон, сколько надо,
А проворуешься – казню
Сам без судьи и адвоката.
За мастерами нужен глаз,
Как за солдатами в походе.
Смотри, чтоб был иконостас
Не хуже, чем в ином приходе!..
До пояса разделся царь
И попросил плеснуть водицы.
И тут же шустрый пономарь
Заставил спину раскалиться.
Из кувшина морской водой
Он окатил царя со смехом.
– Ну и монах! Ну и герой!
Устроил над царём потеху!.. –
Смеялся православный люд,
Порой за животы хватаясь...
Царь побледнел: – Напрасный труд.
Ведь я давно морей скиталец.
На тело мокрое кафтан
Царь тщетно натянуть пытался,

Отбросил... И надел жупан,
Как все, да так в нём и остался.
Монахи вырыли канал
И озеро по царской схеме.
Легендой вскоре остров стал,
И тут заколосилось семя.

VII

Летом яблоки и виноград,
Огурцы и литые груши...
И расцвёл монастырский сад,
Как в молитвах мирские души.
Но недолго продлился рай –
То на шлюпках, а то на лодках
По волнам до прибрежных свай
Подвозили людей в колодцах.
И уже монастырский двор
Превратился в пункт пересыльный.
То и дело пылал костёр
На зловещей горе Секирной.
И летел колокольный звон
Над землёю и над морями.
И монахи, творя поклон,
Имя Господа повторяли.
И, молясь за кандалный люд
И дорогу их без возврата,
То душевные слёзы льют,
То поют псалмы до заката.

Придорожный дрожит бурьян
Не от ветра – от вздохов тяжких.
Старый лодочник пьян – не пьян,
Песнопеньем хмелён протяжным.
Звуки, будто мерцанье брызг
И прибрежной воды кипенье.
И тюлени под шумный визг
Кувыркаются в белой пене.
Вдруг солёная тишина
Раскололась ударом грома.
И змея сползла с валуна
И укрылась во тьме излома.
Разгорелись глубины небес,
Раскалились молнии света.
Жаль, не встретил поэта здесь,
Кто поведал бы суть момента.
Каждый росчерк в небе – судьба:
Тех в застенки, а тех в подклеты...
С гиком носится голытьба,
Догоня морские ветры.

VIII

Во всём исполняя Указ,
Солдаты, на богослуженье
С него не сводившие глаз,
Вели в боевом оцепленьи.
Слеза за слезою с ресниц
В небритые щёки катилась.

Как вдруг с запорожских границ
Степная полынь просочилась.
Привиделось это ему,
А может, и впрямь на рассвете
Сквозь холод и белую тьму
Донёс атаману брат-ветер.
Похожий на склеп каземат,
И был его номер нечётный.
Несли часовые наряд,
Хоть бдительный, но непочётный.
Приносят монахи еду,
Солдаты парашу выносят.
Один в казематном бреду –
За дверью весна или осень?
Гвоздём на кирпичной стене
Он дни провожал за оконцем,
А солнце сгорало в огне,
И волны бежали за солнцем,
Как будто хотели огонь
Накрыть океанскою силой.
В тюрьме перекатная голь –
Убийцы и воры России.
И он атаман-генерал,
Поверженный Екатериной,
Теперь, как свеча, догорал,
Склонившись над книгой старинной.
Он в Библии видел всё то,
Что было и будет с народом...
Петру Кальнишевскому – сто
Исполнилось под небосводом.
Он ждал поздравлений с утра,

Но их не случилось и к ночи.
– Совсем позабыли Петра! –
Вскричал атаман что есть мочи.
И рухнул на драный топчан,
И сердце задёргалось знобко.
По берегу шастал туман,
Как белый медведь, неторопко.
Свеча трепетала, горя,
И крест отражался злачённый.
У входа ни свет ни заря
Толпился народ обречённый.
Едва отменили развод
И вход перестал охраняться,
Он просьбу отправил в Синод,
Моля изнутри закрываться.
И цепи спилили уже,
И мог в каземат, кто захочет,
Войти с беспокойством в душе
И выслушать, что напроорочит.
И в хлад казематный, и в зной
Привык Кальнишевский молиться.
В молитвах без пищи земной
Неделями мог обходиться.
Над островом звёздный пожар
И ветры, как волны тугие.
На спинах худых каторжан
Служил атаман литургию.
И слёзы катились из глаз,
И кто-то рыдал втихомолку.
А батько, возвысив свой глас,
Акафист читал без умолку.

Тут люди столпились вокруг,
Чьи стянуты пальцы узлами.
Какой их привёл сюда дух –
Никто никогда не узнает...
Затвор закрепили, но стук
Опять и опять повторялся.
Имея недремлющий слух,
Не мог атаман притворяться.
– Ой, батько, молю, отвори, –
Услышал как просится кто-то.
– Такая тоска – хоть умри,
Мне жить без степи неохота!..
Открыл Кальнишевский и вдруг
Увидел знакомого старца:
– Да ты ли, цыган? Или дух?
Жаль, с трубкою вышло расстаться.
В траве ли ковыльной лежит,
На дне ли морском, кто подскажет?!
Зачем же не хочется жить?
Всё слышит Господь и накажет.
Взял Библию, где серебром
Играли степные рассветы.
– Мы все, безусловно, помрём,
Но души-то наши бессмертны!
На пальцы свои посмотри,
Где каждый, что заповедь Божья.
Без устали благодари
За всё, в чем помог и поможет.
Цыган головою кивал
И вдруг протянул атаману
Трофей, что в степи подобрал

В траве, напоённой дурманом.
Вспылало, подобно жнивью,
Лицо атамана из мрака, –
Узнав носогрейку свою,
От радости чуть не заплакал:
– Ой, гарний¹² подарок! А я
И думку о трубке оставил,
И если б не верность твоя,
Той думки и след бы растаял.
Вдруг ладана запах возник.
Свечой не пугаясь обжечься,
Цыган ощутил в кой-то миг
Глубокое в сердце блаженство.
Почудилось, что перед ним
Не с Библией батько, а кто-то,
И басом глаголет иным,
И дышит молитвой восхода.
Цыган же, осилив порог,
Походкой направился тихой.
Крестил его с грустью пророк
Вослед посеребряной книгой...
Вздремнул атаман и себя
Увидел в степи пастушонком,
Где солнце пылало, слепя,
А кнут был от взмаха с прищёлком.
В степи горизонт далеко,
И Петя от шороха вскрикнул –
Почуя, видать, молоко,

¹² гарний – хороший

Змея перевесилась в кринку.
С размаху прищёлкнул кнутом,
Змея подскочила и скрылась.
И кринка взлетела вверх дном,
И синь молоком озарилась.
В походе с тех пор и в бою,
За злым янычаром¹³ в погоне,
Он чувствовал удадь свою,
И стон басурманских агоний.
И сыпались искры вокруг
От скрежета сабель и звона.
Не взять казака на испуг,
Мольбы не услышать и стона.
Он с яростным гневом рубил,
Смяв полчище сабель взбешённых...
И чашу вина осушил,
Приняв со щита побеждённых.
Был горд атаман. Сквозь года
Пронёс он служение Войску,
Но смерклась казачья звезда,
А с ней отскрипели повозки.
Жжёт снег соловецкий глаза,
Слепит, оглушительно воя.
Однажды метнулся казак
К нему через цепи конвоя.
И взгляд атаман опустил –
Смельчак был решительно связан,

¹³ янычар – в султанской Турции солдат регулярной пехоты

И возглас «Ждём, батюшко, приказа!»
С тяжёлой слезой проглотил.

IX

Соловки! Соловки! Запорожская Сечь! –
Здесь могил, как свечей поминальных, не счесть.
Пусть теперь ни креста и ни камня на них –
Ощущается дух запорожцев лихих.
И не всполохи – кони по небу летят,
И не молнии – сабли казачьи блестят.
На погосте не травы протяжно поют –
Казачи о судьбе слёзы горькие льют.
Волны-годы... Нещадный тюремный режим...
Атаман Кальнишевский свой век пережил.
Есть в кремле Соловецком особенный двор,
Где Указы царя оглашал прокурор.
Там вельможа, тут вор – тени сгорбленных плеч
Да ещё казаков разорённая Сечь.
Гомонят и толкутся, и путают строй,
И взбешённо кричит нагловатый конвой.
Каземат атамана с оконцем, что склеп:
Эх, взглянуть бы на звёзд догорающих свет!..
Но и если б взобрался и встал во весь рост,
То увидел бы в дымке тюремный погост.
А быть может, и впрямь и отвёл его Бог,
Чтоб не видел кресты одичалых дорог.
Кальнишевский измаялся студным огнём –
Вся одежда от сырости тлела на нём.

Каземат распахнулся, и ветер морской
Пробежал по углам, пыль взметнув за собой:
– Выходи! – Кальнишевский в тревоге застыл.
– Царь тебя, бедолагу слепого, простил!..
Опираясь на стену, спеша изнутри,
Арестант Кальнишевский пробрался к двери.
Вот и ветер... И солнце... Но в белых глазах
Всё тот же туман и всё та же слеза.

Х

Как и все казаки – отказался от воли,
Попросил Государя дожить свои дни
В каземате, которым «любезно доволен»,
Где звучат и звучали молитвы одни.
Кто-то видел не раз, как по берегу моря
Бродит странный старик под полночной луной
То, присев на валун, зарыдает от горя,
А, быть может, от встречи с игривой волной.
Золотой на цепочке поблёскивал крестик,
Бывший узник молил, руки вздев к небесам.
Слушал старца валун, как чего-то предвестник,
И, казалось, не верил дрожащим слезам.
Как морщины, застыли угрюмые складки,
Цепким мохом оброс молчаливый валун.
Осыпали его штормовые осадки,
Его вихрь оглушал – океанский ревун.
Кальнишевский усы поправлял то и дело
И солёной на ощупь умылся водой...

И, предчувствуя миг расставания с телом,
В каземате прилёг на топчан дощаной.
С потолка, как по нитке, паук опустился
И по лысой вокруг пробежал голове.
Кальнишевскому сон безмятежный приснился –
Как бежит и бежит он по росной траве.
Тут подъехали всадники с гиком, лихие,
Казачки на кордон собрались в ранний час.
Вдруг один соскочил, трубку дал, а другие
Засмеялись: – Помрёт! Ему титьку бы враз!..
Петя храбро вдохнул клубы едкого дыма,
Но ни кашлянул даже, ни слёз не сронил.
– Ну, садись на коня! Едем, хлопче родимый,
В кош, где с вольною степью нас ветер сроднил.
Ехал Петя в седле, за луку ухватившись,
И оглядывал степь, и вбирал её дух.
День в закате тонул, алых маков напившись,
От чего всё краснел и краснел солнца круг.
Пастушку-казачку сшили форму по росту,
Дали ножны с узором и дали ремень.
Оказалось, что стать казаком так не просто!
Вот и саблю забыли в торжественный день..
Он стоял в жупане, в шароварах атласных,
В первый раз на большом на казачьем кругу
И поглядывал вверх на усатых и властных
Казачков, не дававших пощады врагу.
Турок гнали, копыта искру за искрою,
И, пистоль разрядив уплывающим вдаль,
Заклинали: – Умоетесь кровью!..
С блеском знает об этом казацкая сталь.
Били орды татар, били латников-ляхов,

Что под лавой гремящих копыт полегли.
Сколько было изорвано вражеских стягов
На святых рубежах православной земли!
Много лет ковыли ковылями сменялись,
Молодые орлы на курганах сидят..
Вот и те, кто когда-то над Петей смеялись,
Атамана теперь ловят жест или взгляд.
И недаром, когда Кальнишевскому-батюшке
Золотую медаль сам Потёмкин вручил
И божился, и клялся: – Да будь я собакой,
Если вдруг бы оставил тебя без причин!
Бриллиантовым орденом Екатерины
За победу над турками был награждён..
А российская армия вдоль Украины
Шла, нигде янычар не встречая кордон.
Казакует в степи несговорчивый ветер
И аллюром проносится по ковылям.
Кальнишевский увидел, как турок в кювете
Аж до крови, до крика в груди ковырял.
Кошевой атаман лишь кивнул головою,
И пораненный турок в повозке лежал.
Старый лекарь из коша какой-то травой
Лоб и смуглую грудь чужака остужал.
И отпаивал горько-солёным настоем..
День-другой миновал – турок сел на коня
И показывал с лихостью всем перед строем,
Как владеть мастерством отраженья огня.
В турка паклей горячей по кругу швыряли.
В турка кринки летели с кипящей смолой.
И горящую паклю копыта топтали.
Кринки вдрызг разлетались под саблей кривой.

Тут из строя казачьего выехал всадник
И воскликнул: – Да будет повержен ислам!
И, услышав полено свистящее сзади,
Увернувшись, схватил и сломал пополам.
Камни сходу ловил, отсылая обратно,
Копья саблей крушил и крошил напролёт.
Кто-то бросил петлю под коня, вероятно,
Ожидая, что всадник вот-вот упадёт.
На дыбы конь буланый откинулся вихрем
И, оскалившись, путы мгновенно разгрыз.
Тут бывалые даже, кто в шрамах, притихли,
Осознав, на какой он отважился риск.
Старики-усачи улыбались довольно,
А казак, поправляя пистоль на боку
И в угаре забыв про походы и войны,
На потёртом седле танцевал на скаку.
И сквозь обруч, пылающий огненной силой,
Ухватившись за гриву, метнулся казак.
Тут у девушки кроткой и чудо красивой
Сердце нежное сжалось тревожно в кулак,
Дав три круга в аллюр, конь припал на колени,
Всадник шапку подбросил в пыли над собой.
Была девушка та из степного селенья,
Что раскинулось где-то за светлой рекой.
Знала девушка, что по казачьим законам
Ей самой приближаться нельзя к казаку.
И молиться в лампадах безмолвным иконам
Предстояло всю жизнь на полынном веку.

XI

В степи причерноморской
Который год подряд
Землянки роет войско
И ставит пушки в ряд.
Сквозь жгучую осоку
Солдаты шли во мглу...
Теперь казачьи сотни
У царских войск в тылу.
Ещё вчера абрека
Гнал по степи казак,
Спасая от набега
Табун. Курень. Казан.
И вот пора настала
Казачество обречь,
Сечи как не бывало,
Да и была ли Сечь?
Те за Днепром пропали,
Тех приняла Кубань.
А эти зароптали,
Из ножен вынув брань.
По всей границе с Юга
Армейские посты.
Тут смех и свист, и ругань
Слышны на три версты.
Здесь мало пуль разящих
С враждебной стороны.
Здесь лихорадкой чаще
Солдаты сражены.

Однажды на рассвете
Сквозь плавни и туман,
Приладив к лодкам ветви,
Тьма вторглась басурман.
Солдаты дрались храбро,
Но стыла пушек медь.
И оборона слабла,
Как и окопов твердь.
Но вот из-за пригорка –
Лавина казаков,
Полыни запах горький
Взлетел до облаков.
Звенели сабли в стычке,
И смерть брала своё.
В предчувствии добычи
Кружилось вороньё.
Врагов переломила,
Сметая и грома,
Казацкая лавина,
Копытами гремя.
– Вот выручили, братцы! –
Хрипел солдат в слезах.
– Учись, как надо драться! –
С коня вскричал казак.
Таких, как он, в природе
Теперь и не сыскать...
Все казаки в разброде,
Скакать – не доскакать.
Закат сверкнул полоской,
Как сабли полукруг.
В степи причерноморской

Теперь солдатский дух.
Рассказывают байки,
Легенды у костра,
Какие-де рубаки
Встречались им вчера.
Поставив в козлы ружья
И табаком делясь,
Они про жён, про службу
Шутили, веселясь.
Кружил над ними коршун
В заоблачной пыли
Не в поисках ли коша,
Что запропал вдали?
И тут солдат бывалый,
Что драил ствол сукном,
Поведал в час привала,
Как был он женихом:
– Дивчина обмирала,
А я гудел, как шмель.
Погоны генерала
Пришил я на шинель.
И вновь дивчина рада
Была меня ласкать.
Я знал, что маскарада
Навряд ли избежать.
Всё шло, казалось, гладко,
Был выбран свадьбы срок,
Но каждый раз с оглядкой
Я шёл на хуторок.
Играл рососою вечер,
Жгли нити паутин,

И ветки мне навстречу
Кидались на пути.
Шестёркой запряжённый
Встал с гербом экипаж.
Светился воспалённый
Фонарь, как верный страж.
О том не вспоминать бы –
Окликнул генерал
И все мечты о свадьбе
С погонами сорвал...
Солдаты хохотали,
В слезах бросая взгляд.
Вдруг по команде встали,
И смолк разгульный гвалт.
Тут из кареты вышел
Тот самый генерал
И, ненароком вышло,
Рассказчика узнал.
А подойдя поближе,
Сказал: – Привет, жених!
По дамской части, вижу,
Ты преуспел других. –
И по плечу похлопал:
– Служи, браток, служи!
И всех в строю растрогал
Теплом своей души.
А свет закатный прыгал
На пушечных стволах.
И пахла степь ковригой
В нагретых ковылях.
Луна – дыра сквозная,

Пробитая ядром...
С орлом двуглавым знамя
Всходило над бугром.

ХП

«Казака головушку
Не берёт клинок.
Залетел соловушка
В северный острог.
Росы-слёзы катятся
Из загробной тьмы.
Как бугры, горбатятся
Узники тюрьмы...»
Слова этой песни тяжёлой
Больной затуманили мозг.
И в пламени свечи зажжённой
Чуть слышно потрескивал воск.
Хрипел Кальнишевский и бредил,
Казалось ему, по степи
Он с кошем всё едет и едет,
А солнце слепит и слепит.
Мошка с головой накрывала
В вечерний, безветренный час.
То волком душа завывала,
То лихо рвалась в перепляс.
Ржавела трава вдоль дороги,
Струилась верста с колеса.
И степь собирала истоки,
Чтоб снова уйти в небеса.

В глухом каземате читая
Чуть слышно псалтырь нараспев,
Монах, поминутно вздыхая,
Крестился, душой присмирив.
Склонился монах перед старцем
И, смерти почуяв дурман,
Он свечку задул, чтоб остался
Один на один атаман.
Чуть скрипнула дверь каземата –
Монаха окутала мгла,
Там ветер свистел бесновато,
А следом позёмка мела.
Но тут показалось монаху,
Что кто-то идёт впереди,
И он поскользнулся со страху,
И руки скрестил на груди.
А тот, кто шагал не торопко,
Вдруг глянул сурово назад.
Столкнувшись с безмолвьем пророка,
Монах поспешил в каземат.
Он свечку зажёл и отпрянул,
Назойливой мыслью гоним:
«Ужель это тот же упрямый,
Что шёл во дворе перед ним?»
Усы, что подкова, а брови,
Как сабли, блестели у глаз,
И падали капельки крови
С губы, что свинцом налилась.
Монах развернулся в испуге
И тут же вернулся с врачом:
– Сие неподвластно науке, –

Врач зябко подёрнул плечом:
Живой, а, похоже, не дышит, –
Поднёс он зеркало к губам.
– Дождёмся решения свыше
С небес, заповеданных нам.
А утром в слепом каземате,
Закрыв атаману глаза,
В застиранном, мятом халате
Разглядывал врач образа.
Казалось, что плакать нелепо,
Молиться – не стоит труда,
Ведь этому узнику хлеба
Уже не дадут никогда.

XIII

В сарае, где крысы сновали
С окрасом, что серый ковыль,
Монахи гранит шлифовали,
Вдыхая едучую пыль.
И каждый, как будто старатель,
Потел, забываясь в труде.
Доволен был сам настоятель,
Свой текст прочитав на плите.
На этой могильной бумаге
Бывают слова, да не те...
Сомненья в казацкой отваге
Посеял ханжа на плите.
Они выступали из мрака

Сквозь пыль, сквозь густую росу.
Ханжа то смеялся, то плакал,
Ехидно пуская слезу.
Хозяин святого подворья
С крестом на тщедушной груди
Стоял он с кадилом и двое
Послушников чуть позади.
Их лица молитвой омыты,
На пальцах – следы молотка...
Словами всё той же молитвы
По небу бегут облака...

XIV

Затерялась могила,
Лишь осталась плита,
Её время прибило
К храму, где лебеда.
Оттирая тряпичей
С камня липкую грязь,
Отрешённо крестился
То ли пан, то ли князь.
Набежавшим ребятам
Раздарив серебро,
Неизвестный куда-то
Скрылся, сделал добро.
То и дело крутился
Вкруг меня паренёк,
То ль хотел обратиться,

Да, смущаясь, не мог.
Шоколад из кармана
Я достал и спросил:
– Кто плитку атамана
С блеском преобразил?
Чайки, будто прощаясь,
Прокричали вдали.
Паренёк, не смущаясь,
Шоколад разломил:
– Это сродственник ихний
С Запорожья, кажись,
Приезжает, как стихнет
Комариная жизнь.
Перепаханный глиной
Убежал паренёк..
– Был ли крест над могилой? –
Я спросил у дорог.
Но дороги молчали,
Лишь осенняя грязь
В неизбывной печали
Под ногами толклась.
Напросился до снега
Церковь я сторожить,
И священник ночлега
Не забыл предложить.
Гром и град, как из пушки,
И священник простыл,
К самовару в избушку
За собой пригласил.
Был хозяин приветлив,
Да и мне был он люб,

И за чаем приметы
Толковать был не глуп.
Голос, с неба сошедший,
Через стены проник,
Будто сам Кальнишевский
Между нами возник.
Самовар раскалился,
Как беседа двоих.
Наконец я решился
И спросил в кой-то миг:
– Доводилось ли, Отче,
Слышать, как атаман
Кзакаов кличет ночью
Сквозь снега и туман,
Будто вновь собирает
Свой казачий народ?..
Отче сушки ломает,
В чай макая, жуёт.
Вдруг вздохнул и печально
Произнёс в темноту:
– Возле храма случайно
Ты не видел плиту?
Я слышал, это было
Поздней осенью в срок,
Когда небо рябило,
Вывел ссыльных стрелок.
Им тогда предстояло
Землю мёрзлую рыть,
И она застонала,
Встретив заступов прыть.
Здесь сосновых немало

Схоронили гробов.
Их земля принимала
В тёмный стынувший ров.
Ливень хлынул внезапно,
Всех загнав под навес.
И земли тяжкий запах
Расползлся окрест.
Ливень бил с такой силой,
Что могилы размыл.
Обзывал стрелок ссыльных,
Взглядом зыряка злым.
Кто-то свиток с реестром
Сунул в рваный карман...
И теперь неизвестно,
Где лежит атаман.
Так стоит, притулившись,
Возле храма, плита...
Мы на улицу вышли,
Где блуждала звезда.
– Это сам Кальнишевский, –
Отче вытер глаза.
Сняв шапчонку из шерсти,
Он молил небеса.
Разлучила нас пристань
Да шальная вода,
Но сияет пречисто
Атамана звезда.

ЭПИЛОГ

Октябрь, что осени макушка,
И всё случилось точно в срок,
Как напророчила кукушка,
И дуб последний сжёт листок.
Он четверть века в каземате
Томился тяжестью вериг.
Иисус Христос и Божья Матерь
С ним были вместе каждый миг.
И после в этом каземате,
Когда и кто бы ни сидел,
Но взором обратясь к лампаде,
Душою пасмурной светлел.
А паутина белой мглою
Свисала прямо на порог,
И каждый слышал за спиною
Сочувствующий батькин вздох.
И каждый, не колеблясь, верил,
Встречая быстротечный день,
Что Кальнишевского у двери
Маячит с булавою¹⁴ тень.
В жупане, золотом расшитом,
И с саблей грозной на боку,

¹⁴ булава - символ власти казачьих военачальников

Он был для страждущих защитой –
Молитвенником на веку.
Могила батьки неизвестна,
Но сказ бытует, что плиту
Он сдвинул над собою с места,
Встал и ушёл за синь-версту.

2011

СКАЗКИ

ГОВОРЯЩЕЕ ДУПЛО

От автора

Слово доброе – кусочек счастья,
Слово ласковое – как улыбка.
Детвора,
Читайте сказки чаще
Про Алёнушку,
Про золотую рыбку.
Змей в игольчатое влезет ушко,
Явится царевич – Сокол Ясный,
И тогда болотная лягушка
Обернётся Девицей прекрасной.
Вот жар-птицей
Спряталась в омётах
Осень,
И ветра её прогоркли.
Василисы
Мчатся в самолётах,
И глядят печально в небо волки.
Простота и выдумка!
Но разве
Лишь занятность
Для тебя приманка?
В русских сказках
Торжествует разум
И пылающее сердце Данко.

Разверните как-то в одночасье
Книжицу в знакомом переплёте...
Детвора,
Читайте сказки чаще:
Через сказки
Многое поймёте.

Лесной дедушка

Разве ты в лесу не видел
Говорящее Дупло?
Там моей подружке Лиде
Встретить сказку повезло.
Прибежала Лида к маме,
Вся в восторге от чудес,
И дубовый лист в кармане
Принесла, как пропуск в лес.
Карандашик отыскала,
Перед тем, как лечь в кровать,
Всё в тетрадку записала,
Чтобы мы могли узнать.
— Там, где травы не примяты,
Где родник с живой водой,
Жил давным-давно, когда-то,
Добрый Дедушка Лесной.
От грозы, от молний ломких
В бурю летом вспыхнул лес,
Закричали звери громко:
«Ой-ой-ой! Огонь нас съест!..»
Услыхал тот крик в избушке
Добрый Дедушка и вмиг
Он налил воды в кадушку
И пустился к ним на крик.
Запыхался и немедля,
Потушил пожар в лесу,

От беды он спас Медведя
И Енота, и Лису.
И вздохнув, сказал, что нужно
Им теперь набраться сил,
Пригласил к себе в избушку,
Чаем с мёдом угостил.
День-другой живут и рады –
Никаких тебе забот!
А малиновой услады!
А орехов – полон рот!
Приближалась злая стужа,
Ветер листья стал кружить...
Попросились звери тут же
Вместе с Дедушкою жить.
Ждать ответ пришлось недолго:
«Оставайтесь, если мил!..»
Славный Дедушка был добрый,
Но лентяев не любил.
Приучал работать Мишку,
Чтобы тот зимой не спал.
Мишка сам колот дровишки,
Пол в избушке подметал.
А Енот на коромысле
Вёдра полные носил.
Но одни лишь вздохи лисьи
Каждый слышал от Лисы:
«Ох, в ушах звенит!.. Ох, лапку
Уколола я... Больна!..»
И от Дедушки под лавку
Тут же пряталась она.
В холода своим любимцам

Добрый Дедушка помог:
Сшил он Мишке рукавицы,
А Лисе связал платок.
И Енот, обутый в лапти,
Любовался сам собой!..
Спали звери на полатях
Растрескучею зимой.
Но Лисица всё хитрила –
Дождалась весны и в ночь
Всё ж друзей уговорила
Бросить Дедушку и прочь
В лес уйти, и жить свободно,
Там взошла уже трава:
«Ты таскать не будешь воду!
Ты забудешь про дрова!..»
Долго думали, гадали,
Обсудили сто дорог,
На заре тихонько встали
И шмыгнули за порог.
Лето поит всех и кормит,
Без забот в траве лежи...
Но завывла стужа вскоре,
Ветер листья закружил.
Снег повис на ветках голых...
И сказал Медведь друзьям:
«Наступает холод, голод,
Не пойти ль в избушку нам?..»
Зашагали звери дружно.
А в лесу-то сто дорог!
Затерялась их избушка,
Где – никто сказать не мог.

С той поры, натешась вволю,
Ищут-рыщут день-деньской,
Громко кличут, жалко воют:
«Где-е-е ты, Дедушка Лесной?..»

Сказка о скупой деревне

Безмолвно шли деревья
В туманы, в снег и в грязь
По улице деревни,
Что Скрягово звалась.
Вдруг дальняя зарница
Расправила крыло,
И Дуб разговориться
Решил во всё Дупло.
Шумел, как в непогоду
Сметая синеву:
– Чтоб экономить воду,
Народ жевал листву!
Чтоб даром для кого-то
Не оказался дым,
Топить без дымохода
Тут приходилось им.
От холода в постели
И зубы не разжать,
А скряговцы хотели
В обнимку с хлебом спать.
Что света много льётся,
Тут знали испокон.
И, экономя солнце,
Не делали окон...–
Дуб перевёл дыханье,
Заслышав дятла стук:

– Они лишь в дождь пахали,
Чтоб меньше тёрся плуг,
А сеяли пшеницу,
Зерно зажав в кулак,
И, чтоб не ошибиться,
Считали каждый шаг.
Хоть час от часа слабли,
Но берегли еду,
И обували лапти
На Пасху – раз в году.
Из ложки – не из лейки –
Тут поливали сад,
Из паутин скамейки
Расхваливали в лад.
Минувший день итожа,
Молчали от тоски:
«Слова ветшают тоже –
Держите языки!..»
Поскрёб, объятый думой,
Затылок старый Дуб:
– От скупости безумной
Народ был просто глуп.
Кряхтели и дряхлели,
И, сберегая хлеб,
Лишь в полнолунье ели,
И вот один ослеп.
Везти хотели в город,
А конь едва привстал –
Ему коварный голод
Все рёбра исхлестал.

Деревня без околиц
Тонула в скуке дней,
Но Рыжий незнакомец
Вдруг появился в ней.
Весёлый и смешливый
Он расстегнул рюкзак,
Достал три ярких сливы
И съел за просто так.
Потом отрезал хлеба
И сала откусил...
Тут кто-то охнул слева,
Совсем лишившись сил.
С надеждою и мукой
Голодные тряслись...
Крестьянскою наукой
Вернул их Рыжий в жизнь.
Сначала люди злились,
А он твердил: «Друзья,
Ведь путать бережливость
Со скупостью нельзя!
Спасение – работа!» –
В дома стучал опять.
Людей, рябых от пота,
За плугом не узнать.
Морковь, картофель, свёкла
Пошли пшенице вслед.
В прорубленные окна
Небесный хлынул свет.
В трудах очнулись люди:
«Чтоб всё с лихвой иметь,

Мы только время будем
Беречь сейчас и впредь!..»–
И в торжество обеда
Сосед, сядясь за стол,
Радушно звал соседа
Отведать разносол.
А Рыжий незнакомец
Пропал за буторком,
Где грелись у околиц
Коровы с молоком,
Где на бескрайнем лете,
От скупости вдали,
Подсолнухами дети
И женщины цвели.
В просторе пели птахи,
И хочешь верь – не верь,
Но в Скрягове – ни скряги
Не встретите теперь.
Сказать забыли предки,
Куда все утекло?..–
И Дуб разводит ветки,
И не найти Дупло.

Три крапинки

В небесный час на полевой дороге,
Наморщив свой тысячелетний лоб,
Дуб рассказал историю Сороке
Простую, как растаявший сугроб.
С ветвей, срываясь, облетали листья,
В Дупле мерцала паутины мгла.
И облака, что над землёй повисли,
Прислушивались к пению Дупла:
– Однажды выйдя на лесную тропку,
Где тусклый уголёк заката тлел,
И в шляпке Божью повстречав Коровку,
Шмель Золотистый просто обомлел.
Он перестал жужжать и боязливо
Шепнул вослед из призрачных теней:
«Она и впрямь божественно красива
И это платье в крапинку на ней!
Как всё прелестно! Благородно! Тонко!
А крапинки цветут и на ветру.
Женюсь на ней! – Шмель прогудел. – Вот только
Душистый хмель на свадьбу соберу.
Пыльцы ромашки отыскать ещё бы!..» –
Шмель Золотистый крылышком взмахнул
И полетел куда-то из чащобы,
Нетерпеливый рассыпая гул.
А под навесом лопуха Жучиха
Сидела, тайной зависти полна,

На целый лес известная портниха,
Женой Шмеля мечтала стать она.
А он в ответ – ни капельки вниманья,
Ни взгляда, ни полвзгляда на неё...
В лесу готовились к приходу мая,
Жучиха тоже бросила шитьё.
О храбрости разучивая песни,
Зайчата позабыли про испуг,
И журавли, за крылья взявшись вместе,
Как будто звали солнышко на круг.
Коровка Божья, напевая тихо,
В своём дому укладывалась спать
И не заметила, как к ней Жучиха
Одним прыжком забралась под кровать
И колдовала там, и ворожила,
И проскрипела, нагоняя сон:
«Скажу, что крапинки я одолжила,
Зато каким мой будет балахон!» –
И полетела на зелёный праздник
Лесных собратьев – на медовый пир,
Где хороводили в костюмах разных
И раздавали из росы пломбир.
Кузнечики на скрипках по заказу
Показывали звуков волшебство.
Заметил Шмель три крапинки и сразу
Решил, что здесь избранница его.
Весёлый гомон и неразбериха
У всех кустов царили и дерев.
Вдруг Шмель вскричал: «Да это же Жучиха!» –
Её в кругу на танцах разглядев.

И замерли смычки на полу ноте,
Старик-Паук сердито пробасил:
«Да где же это видано в природе,
Чтоб, кто захочет, крапинки носил!» –
Как загудели тут, как загалдели,
Как зашумели на Жучиху тут:
«Какой позор! Воровка в самом деле!
Пусть у тебя теперь другие шьют!» –
Жучиха от стыда лицо прикрыла
И кинулась, куда глаза глядят...
А крапинки на землю обронила,
И все узнали, чей это наряд.
Шмель Золотистый подхватил их ловко
И где-то скрылся за поляной вмиг.
А дома Божья плакала Коровка,
Не досчитавшись крапинок своих.
Пришёл утешить добродушный Ежик,
Сам Крот в очках: «И под землёй найдем!» –
И муравей, со всех сбиваясь ножек,
Искал её пропажу днём с огнём.
Пытались что-то рассказать берёзы,
Но ничего из лепета листвы
Она не разобрал, сквозь слёзы
Вздыхала в трепетной толпе травы:
«Ах, крапинки! Что может быть дороже!»
И платице без них – мешок тряпья!
Наверное, никто мне не поможет,
Да и на праздник опоздала я!» –
Жужжанье чьё-то услышав на ветке,
Коровка Божья ойкнула всерьёз,

А это в тонкой паутинной сетке
Шмель Золотистый крапинки принёс.
Расцвёл улыбкой даже Пень плешивый...
Коровка Божья, утерев слезу,
Украденные крапинки пришила
И снова стала краше всех в лесу.
К ней обращаясь, будто бы к невесте,
Шмель Золотистый с нежностью пропел:
«Давай на празднике станцуем вместе,
Поверь, я за тобою прилетел!»
Немного и смущаясь, и краснея,
Коровка Божья вымолвила: «Да!»
И поспешил он через поле с нею
В распахнутые настезь ворота,
Где под сосной отплясывали лихо
Паук и Ёжик, Крот и Муравей,
Лишь в балахоне, будто ночь, Жучиха
Выглядывала в мир из-под ветвей.
Шмель Золотистый и Коровка Божья
Сыграли свадьбу в тереме-лесу.
И, как молва передавала позже,
Прожили в счастье не одну весну. –
Дуб шелестел, разглядывая небо,
И тут Дупло поведало звезде,
Что эту быль, а может просто небыль
Всем принесла Сорока на хвосте.

Волшебный жёлудь

Снежинки, будто мотыльки,
Порхали вокруг Дупла.
Зима их сдунула с руки
И сказку завела:
– Жгла вьюга космами волос,
Скрипел сердито снег,
Мороз за уши и за нос
Хватал прохожих всех.
Дрожали ветки за окном,
Снег стряхивая с плеч,
А в доме хлебом и теплом
С утра дышала печь.
Проснулся Петя и взглянул
В окошко на простор:
– Ну, кто так рано проложил
Лыжню на косогор? –
Едва позавтракав, он встал
На лыжи и пошёл
Туда, где лес не перестал
Синеть, как неба шёлк.
Подняв от ветра воротник,
Он крикнул в дымке дня:
– Дойду до леса напрямик,
Что чья-то мне лыжня!
И, оттолкнувшись от земли,
Он смело взял разбег...

А снег вблизи, а снег вдали
И с неба сыпет снег.
И нету дальше сил идти –
До ниточки промок.
Всего осилил полпути:
– Эх, если б кто помог! –
Трясутся руки и в ногах
Не утихает дрожь...
Скатилась лыжа вдруг в овраг,
Где спал в сугробе Ёж.
Тут Петя с горечью вздохнул
И Ёжику сказал:
– Прости, я ногу подвернул
И сам чуть не упал.
И как теперь вернусь домой?
Достану лыжу как? –
Корявый Дуб взмахнул рукой,
И опустел овраг.
Раздался кашель из Дупла,
Что инеем объят:
– Ты самый слабый из села,
Из всех друзей-ребят.
Запоминай, что говорю,
Хоть и пришёл зимой,
Тебе я жёлудь подарю –
Волшебный жёлудь мой.
Носи его с собой всегда
И ровно через год
Ко мне опять придёшь сюда
В сугробов хоровод.

– А в чём же жёлудя секрет? –
Ответа Петя ждал.
Но древний дуб, от снега сед,
Склонялся и молчал.
Домой вернувшись, Петя вдруг
Заметил, что подрос.
И бабушка решила вслух:
– Видать, помог мороз!
Сжимая жёлудь в кулаке,
Он слушал у окна,
Как дятел в снежном далеке
Лес будит ото сна.
В сугробах прятались кусты,
И солнце, будто мяч,
Скатилось в ветки с высоты,
Запуталось, хоть плачь.
Снежинки тают на ветрах,
Коснувшись рук едва...
Но снег лежалый сполз в овраг,
И расцвела трава.
Всё жёлудь в Петиной судьбе
Давно переменял...
Его держал он при себе
И набирался сил.
Теперь никто быстрее его
Задачи не решал.
В кармане жёлудь волшебство,
Казалось, излучал.
И мяч гоняя во дворе,
И оседлав коня,

Он первым был в любой игре,
Любым ветрам родня.
А если в чём-то уступал,
То, просыпаясь в ночь,
Он тайно жёлудь доставал,
Проя его помочь.
И снова дуба слышал речь,
Как шум грачиных стай:
– Чтоб силу в мускулах сберечь,
Гантели не бросай! –
Старался Петя день за днём,
И как-то в выходной
Заметил – клёны за окном
Покрылись желтизной.
Был Петя полон выюжных дум
О зимнем серебре...
А мама постирать костюм
Собралась во дворе.
Взмахнула курткой в синеву,
Вытряхивая пыль,
И жёлудь отлетел в траву,
Как небыль или быть.
Где муравьёв жила семья,
Пылал рябины куст,
Довольно хрюкнула Свинья
Под желудёвый хруст.
Тут Петя выбежал за дверь,
С ресниц смахнул слезу:
– Ах, мама, мама! Что теперь
Я расскажу в лесу?

Вот-вот оденет землю снег,
И ложки я достал... –
А визг Свины, как будто смех,
Из хлева не смолкал.
И выпал снег. И сжал мороз,
Как обручем, луну,
И лист ладошкою примёрз
К хрустальному окну.
Лес белой бородой оброс,
И Петя сам не знал,
Что лыжный пробегая кросс,
Себя тренировал.
Все перепутья и пути
Давно преодолел,
Но только к дубу подойти
Стыдился и робел.
Присев однажды отдохнуть,
Услышал за спиной:
«Дуб хочет на тебя взглянуть,
Он стал совсем больной!» –
Закаркал Ворон, и с ветвей
Вспорхнул снежинок рой.
«Давай скорей! Давай скорей!» –
Гнал ветер ледяной.
От дуба к дубу он бежал
И от дупла к дуплу –
Никто его не узнавал,
Не отвечал ему.
И Петя крикнул в тёмный лес,
И лес блеснул звездой:

– Нет у меня иных чудес
И жёлудь был простой.
А волшебство в твоей судьбе
С тех самых пор живёт,
Когда ты встретил на тропе
Сугробов хоровод.
Вдохнул вечнозелёных сил
И, выдохнув, постиг:
Пока себя не победил –
Не победишь других.
Теперь ты можешь сам вполне
Волшебный дать настрой... –
И лес застыл наедине
С небесной высотой.
То в дым листвы, то в пламя выюг,
К подножью своему
Дуб сыпет жёлуди вокруг.
Задумайся – кому?

Кукушкин домик

Занесло как-то ветром бездомным
Чьё-то пёрышко прямо в Дупло,
И оно в этом мире огромном
Ощутило земное тепло.
Отогрелось дубовым дыханьем,
У Дупла обмахнуло росу,
И не прозою вновь, а стихами
Зазвучало в весеннем лесу:
– Это было, забуду не скоро,
Когда лес ещё жил без людей.
И Кукушка на ветках простора
Пела так же, как пел Соловей.
И на праздничной в травах опушке,
На зелёных ладонях ветвей
Соловьём заливалась Кукушка,
И Кукушкой звенел Соловей.
Птичьи свадьбы и птичьи поминки –
То ли дух на земле, то ли пух,
Голоса, что нежней паутинки,
Обвивали поляну вокруг.
Звери слушали их восхищённо
Ранним утром и поздней зарёй.
И Кукушка вздыхала смущённо,
И смолкал Соловей за рекой.
Было тихо и мирно, покуда,
Пробираясь сквозь дождик и снег,

Неизвестно зачем и откуда
Появился в лесу Человек.
Лес над ним был и грозен, и тёмн,
Но ни с кем не вступая в борьбу,
Из сосновых обтёсанных брёвен
Он срубил золотую избу.
Вскоре сад зашумел за избою,
И Кукушка в нём первой была,
Вся одетая в платье рябое
Разноцветные ноты брала.
Человек произнес удивлённо:
– Ну и птица! Одну лишь тебя
Сердцем слушал бы век затаённо,
Никого ещё так не любя... –
Год от года с берёзы Кукушка
Услаждала и мысли, и слух,
Человеку с ней не было скучно,
Хоть пернатый, а всё-таки друг.
Но однажды в шиповнике где-то
Он услышал не пенье, а трель
И коленца с присвистом от ветра,
И вскружил ему голову хмель:
– Что за птица! Такого в природе
Раньше голоса я не слышал.
Серебристый и звонкий... И вроде
Я моложе душою с ним стал.
Как бы ни было грустно и тяжко,
Всякий раз этим пеньем лечусь.
Неказистая, кажется, пташка,
А поди ж ты – вся радуга чувств.

У Кукушки есть тоже свой голос,
Но его и сравнить-то смешно
С соловьиным, где ночь раскололась
И зарёй заглянула в окно. –
Услыхала Кукушка с берёзы
О себе не хвалебную речь,
И упали горючие слёзы,
Но траву не сумели зажечь.
То ли зависть Кукушку распёрла –
Пригорюнилась, сев на суку,
Песня рвётся и рвётся из горла,
А по лесу звучит лишь “ку-ку”.
Потеряла свой голос Кукушка,
И теперь не понять никому,
Что хотелось бы спеть ей подружкам,
А, быть может, и лесу всему.
Разобиделась, видно, донельзя
И, рассудком слегка помутнев,
То в душло вдруг к кому-то залезет,
То на белку обрушит свой гнев.
Никого, ничего не стыдится
И летит от гнезда до гнезда,
И на кладку чужую садится,
Чтоб яйцо подложить без следа.
То в беспамятстве скачет по веткам,
Повторяя “ку-ку” да “ку-ку”.
Соловей же за каждым рассветом
На своём распевает веку.
Время катится пылью дорожной,
Зажигая то снег, то росу...

И представить теперь невозможно
Их дуэт, как когда-то в лесу.
Человек принимал простодушно
Жизнь свою в желудёвом краю,
Но не смог приручить он Кукушку,
Не сумел подойти к Соловью.
И заслышав кукушкины всхлипы,
Чтоб себя никогда не винить,
Из обломка раскидистой липы
Эту птаху решил сотворить.
Мастерил, мастерил... Да так ловко
Передал чудом красок лесных
Тот же клювик и ту же головку,
Те же крылья от ветра резных.
Он качался, как в дымке туманной,
Слёзы счастья светились в глазах,
И Кукушке своей деревянной
Сделал домик в настенных часах.
Каждый час открываются дверцы,
Каждый час раздаётся “ку-ку”,
Будто кто-то в кукушкино сердце
Поселил и печаль, и тоску.
В этот домик по дальним опушкам,
По болотам, где змеи лежат,
Заикаясь, скликает Кукушка
Сиротливых своих кукушат.

Медвежья горка

Был у Лиды братец Федя –
С головы вопрос до пят:
– Отчего зимой медведи
По берлогам в шубах спят?
Может, испугались снега,
Или зазнобил мороз?
Может, это ветер с неба
Ослепил глаза до слёз?
Из берлог не слышно храпа,
И медведи до весны,
Опуская в бочку лапу,
Лижут мёд и видят сны.
Может, чудится им лето,
Луг и пасека, и лес...
Разве всё сравнится это
С чистым снегом до небес?
Разве можно спать всю зиму
И ногой не шевельнуть?
Мёд из бочки, как резину,
Всё тянуть, тянуть, тянуть. –
Братца выслушала Лида
И вздохнула тяжело:
– Тут придётся нам, как видно,
Отыскать в лесу Дупло.
Знаю тропку я и место
Там, где дуб с Дуплом стоит,

Одному ему известно,
Кто, зачем и сколько спит. –
И пошли они по тропке
То петляя, то кружа,
И нашли его в сторонке,
Тяжело листвой дыша.
Поклонился дубу Федя
И вопрос озвучил свой:
«В шубах отчего медведи
По берлогам спят зимой?» –
Дуб поморщился в печали
И прошамкало Дупло:
– Расскажу-ка я вначале,
Что давно произошло.
Как и все лесные звери,
И медведи ждали снег,
Их носы порозовели
От мороза и утех.
Там в снежки играли волки,
Целились друг другу в лоб.
Тут медведи с белой горки
С рёвом падали в сугроб.
Зайцы корчились от смеха,
Наблюдая, как лиса
Утопала в волнах снега
И таращила глаза.
Филин на ветвях проснулся
И веселья не поймет...
Вдруг один Медведь споткнулся
И ударился об лёд.

Застонал, заохал так, что
Всё растаяло вокруг.
Санитары сани – тачку
Прикатили во весь дух.
Год Медведь провёл в больнице,
Пил микстуру сколько мог,
Всё пытался излечиться,
Потирая правый бок.
Кажется, чуть-чуть осталось,
Кажется, что жизнь взяла,
Но болезнь не унималась
И Медведя извела.
Опечаленные жутко,
Собрались медведи в круг
И решили не на шутку
Не ходить на зовы выюг,
А искать себе берлогу,
Позабыв про снег, про лёд,
Вспоминать во сне дорогу,
Что на пасеку ведёт.
Там цветов благоуханье
Разливается, как мёд,
И небесное дыханье
Над полянами плывёт. –
Голос вещей слушал Федя
И спросил Дупло опять:
«Отчего ж не все медведи
По берлогам в зиму спят?
Я и сам, когда на лыжах
Шёл сквозь мёрзлые кусты,

И на дальних, и на ближних
Горках видел их следы.
Ну, чего они там ищут
День и ночь туда– сюда?» –
Дуб молчал. А в корневищах
Тихо тенькала вода.
И Дупло вздохнуло горько:
– Это ж надо так уметь
Столько зим искать ту горку,
Где упал их брат-медведь.
«А зачем?» – Ничуть не медля,
Задал Федя вновь вопрос.
– Чтоб найти ту горку, Федя,
Где ревел Медведь до слёз,
Чтоб сравнять её с землёю,
Чтобы больше никогда
Ни весной, ни зимою
Не случалась там беда. –
Той же тропкой шли обратно,
Сквозь листву струился снег,
И сестра спросила брата:
– Ты доволен или нет? –
Федя вдруг вздохнул устало
И принял серьёзный вид:
– Горка вовсе не пропала –
Во дворе у нас стоит. –
Тут уж рассмеялась Лида:
– Это съезд, а может, скат!
Ты ли сварщиков не видел,
Чьи очки, как ночи взгляд.

Вились, помнишь, искры-пчёлы,
И железные листы,
Изгибаясь лентой чёрной,
Горки обрели черты.
Ну, а горка та лесная
Где-то в перепутьях троп.
И медведи это зная,
В каждый тычутся сугроб.
Но не все медведи лезут
Под сугробы до весны
И шатаются по лесу,
И зовут их – шатуны.
А другие по берлогам
От зимы, спасаясь, спят.
Жалко их таких огромных
И трусливых, как зайчат. –
А Дупло, чихнув из леса,
Вслед окликнуло ребят:
– Приходите снова, если
С головы вопрос до пят. –
Шляпы приподняв навстречу,
По краям лесной тропы,
Провожали их в тот вечер
Белоснежные грибы.

Сказка о богатой и бедной земле

На просторе ветер свежий,
Утро. Птицы. Синева.
И Дупло живея, чем прежде,
Отыскало вдруг слова:
– Жили-были два соседа,
Слева – поле, справа – лес.
Поровну стекало света
Им с распахнутых небес.
Одинаково студили
Их нездешние ветра.
И дожди из туч следили
Поперёк и вдоль двора.
Наметало снега вдоволь,
Чтоб морозы не сожгли
Корни яблони медовой
И зерно в тиши земли.
Чей-то плут ржавел на взгорье,
Чей-то месяцем блестел...
На печи храпел Григорий,
И амбар его пустел.
А Игнатий спозаранку
Выходил на огород
И воронью перебранку
Разгонял жарой работ.
То лопатой, то граблями

Разговаривал с землёй,
И она цвела хлебами
И подсолнухов зарёй.
Кабачки, как поросята,
Грелись в солнечных лучах.
И выглядывал из сада
Куст с малиной на плечах.
Тут под зонтиком укропа
Загорали огурцы,
Тыква – царская особа –
Расплелась во все концы.
Лук с петрушкой на грядке,
Красна девица морковь...
Всё росло в своём порядке,
Всё – хозяйина любовь.
Глядя в огород Игната,
Думал с горечью сосед:
«У него земля богата,
У меня, как видно, нет...»
Ветер гнул к земле былинку,
Август растерял лучи,
И опять с котом в обнимку
Спал Григорий на печи.
Снились закрома пшеницы,
Кладовые овощей.
Мёд прозрачный, что струится
В самый ёмкий из ковшей,
В погребе – гора картошки
И дородная свекла...
А проснулся – хлеба крошки

Мышь таскает со стола.
За окошками крапива
Зеленела от стыда:
Не земля была ленива,
А Григорий – вот беда!
У крыльца, где Дуб когда-то
В ветках гнул земную мощь,
Листья свесились, как вата,
Дуб подгнил и рухнул в ночь.
Плут застыл, сломались вилы...
Потеряли грабли зуб...
Ветры бороны ловили,
Ждали – в поле повезут.
Вот и корочки к обеду
У Григория уж нет,
И приплёлся он к соседу
Разузнать земли секрет.
Кратким был ответ Игната:
«Эка, невидаль – вздыхать!
Чтоб земля была богата,
Поле надобно пахать!»
Усомнился в том Григорий,
Но решил проверить всё ж:
В плуг коня запряг на взгорье
И, вспахав, посеял рожь.
Что откладывал на завтра,
Всё пришлось переменить.
И когда приспела жатва,
Взялся вилы починить.
Косу выправил брусочком,

Тронул ногтем остроту
И крестьянским взмахом точным
Лень откинул за версту.
И пошла звенеть работа,
В даль просторами маня,
И рубаха – в пятнах пота,
И лицо – красней огня.
Но и Лень не отступала
И, к обеду разморив,
На Григория напала,
В тень берёзы повалив.
Сладко на ухо шептала,
Усыпляя ветерком:
«Разве в жизни дела мало,
Например, играть с котом?
Или в шубе спать на печке,
Где баюкают сверчки...»
Лень Григорию на плечи
Навалилась, хоть кричи.
Прибежал в избу, но пусто
В чугунке и на столе,
Кулачищи сжав до хруста,
Он вернулся вновь к земле.
И увидел – там, где пота
Капли падали со лба,
Рожь стеною встала плотно –
Не страшна и гроз пальба.
– Вот бы вырастить картошку, –
Произнёс Григорий вслух,
Только Лень опять подножку:

«Брось ты этот чёртов плуг!
Никогда, как у Игната,
Не бывать твоей земле,
У него она богата,
А твоя – сорняк во мгле!»
– Ах, ты, Лень, – вскричал Григорий, –
Сгинь, треклятая, с пути!..
Лень, схитрив, решила вскоре
В дом невестою войти.
И желанна, и красива,
Но едва прошло три дня,
Как хозяйка попросила
Посидеть с ней у огня.
Сел Григорий возле печки
На берёзовых дровах
И почувствовал, как свечка,
Таёт силушка в руках.
Клонит в сон... А вместо милой –
Лень-колдунья перед ним
Губы тонкие скривила,
А в глазах туман и дым.
Утром встал, а в доме тихо –
Ни жены, ни калачей..
А Игнат в полях гречиху
Сеял в бороздах лучей.
И Григорий, что есть духа,
Простонал: «Э-гей, сосед!
Знаешь, как мне от недуга
Исцелиться – дай совет!..
Приздумался Игнатий:

– Погоди, не голоси,
Помогу беду изгнать я,
Только луку принеси...
Тропка вьётся, как верёвка –
Прибежал Григорий в дом,
А в распахнутой кладовке
Шелуха одна кругом.
Приоткрыл корзины крышку,
В ней паук гнездо плетёт,
Из-за печки, будто мышку,
Тянет луковицу кот.
«Разве этого мне хватит?
Надо сеять... И быстрее!» –
Скинув шубу на полати,
Вдруг Григорий стал сильней.
Где мотыгой, а где тяпкой
Землю тёплую рыхлил.
Лук зазеленел над грядкой
Весь из перьев, но без крыл.
Лето скрылось. Птицы к югу
Разорвали неба шёлк.
И, собрав корзину лука,
Он к Игнатию пришёл.
«Это все? – спросил Игнатий, –
А морковь, а репа где?
И ещё картофель, кстати,
Мог бы выручить в беде!»
Год прошёл. К земле Григорий
Потянулся всей душой,
Не узнать его угодий

За сиротскою межой.
Урожай поспел и вскоре
На телеге вырос воз:
Всё, что вырастил Григорий,
В двор к Игнатию привёз.
И восторженного взгляда
Не скрывал уже сосед:
«Вот таким лекарством надо
И спастись впредь от бед!..»
Воротился в дом Григорий,
Все припасы разложил.
Кот, прищурясь, на заборе
Ветер в поле сторожил.
И Григорий, в небо глядя,
Вслед промолвил журавлям:
«Если жить, с землёю ладя,
Ей в богатстве быть и нам!..
Вдруг рванулся кот вприпрыжку
И мяукнул под крыльцом –
Это Лень хотела мышкой
Прошмыгнуть в знакомый дом.
Чёрно белый, как сорока,
Дым поднялся и туман...
Снова Дуб встал у порога
И вздохнул, как великан.
Подошёл Григорий к Дубу
И прислушался к Дуплу:
– Спрячь от Лени дальше шубу
И не привыкай к теплу.
А по солнечному блику

Отправляйся в поле ты..
Мудрый Дуб листал, как книгу,
Золочёные листы.
И соседи, как два брата,
Вместе в стужу, вместе в зной,
Тот не может без Игната,
Без Григория – другой.
Ну, а Лень? О ней слышали,
Что живёт, чаруя взгляд,
Там, где землю не пахали
И на печке в шубе спят.

Призрак

Загадочно Дупло молчало,
Мерцая сетью паутин.
Вдруг паучиха заскучала
И разорвала серпантин.
Дупло как будто ожидало
Минуты этой каждый день.
И снова всё перестрадало,
Где Призрака коснулась тень.
– Топтыгин как-то раз собрался
Проведать брата своего,
Он приоделся, причесался
И взял гостинцы для него.
Он шёл и днём, и в час полночный
И за плечами важно нёс
Пахучий в бочке мёд цветочный,
Покрытый плёнкою стрекоз.
В лукошке – спелая малина,
В корзинке – белые грибы...
А путь-дорога разморила,
Прилёт Топтыгин у тропы
И видит: на лесной дороге,
Где сосен золотится медь,
Зовёт его к себе в тревоге
Такой же, как и он, Медведь.
Склонял он голову, кручинясь,
Рвал шерсть, по ветру теребя.

«С ним, видно, что-то приключилось», –
Решил Топтыгин про себя.
И поспешил на зов неблизкий,
Печатая медвежий шаг,
А птичьи голоса, как брызги
Дождя июньского, в ушах.
С Топтыгиным летевший рядом,
Охрипший Ворон прокричал:
«Там, на болоте пахнет смрадом
И бродит Призрак по ночам».
Топтыгин криво улыбнулся
И, к брату продолжая путь,
На карканье не обернулся,
Хотя и помрачнел чуть-чуть.
Он шёл, насвистывая грозно,
Так, как умеет лишь Медведь,
И вдруг тропа качнулась к звёздам,
И ноги потеряли твердь.
Топтыгин оглянулся в страхе
И видит – рядом и вдали
Четвероногие и птахи
Покой меж кочек обрели.
Один ногой увяз в болоте,
Другой крыло из-под воды
Расправил, будто бы в полёте,
Да не набрать уж высоты.
Лось по рога застыл в трясине,
Они, как ветки без листвы.
Топтыгин рявкнул, что есть силы,
Чем вызвал сонный гнев Совы:

«Чего кричишь? Тут впору плакать!
Смотри, какое царство сна,
Лягушки перестали квакать,
И дремлет в камышах луна».
Топтыгин глянул виновато
И вдруг заметил на тропе
Того, похожего на брата,
Кто лапой снова звал к себе.
И он пошёл от кочки к кочке
Через болото напрямик,
А сладкий груз в дубовой бочке
Тянул на дно, где гаснет крик.
И тут брезгливая лягушка
Сказала, выпучив глаза:
«Тебе тут хватит по макушку,
Давай прыг-скок в свои леса!»
Топтыгин растерял малину,
Грибы в болотной темноте
И даже мёда половину
Пролил, таскаясь по воде.
А Ворон, что летел за следом,
Ему прокаркал сквозь туман:
«Смотри, останешься скелетом,
Ведь всё – обман! Ведь всё – обман!
Там Призрак твой... И злые ветры
С ним потешались заодно,
Так, принимая облик жертвы,
Он отправлял их всех на дно».
...Вот ряску ржавую разводом
Какой-то леший растянул,

Топтыгин вскинул бочку с мёдом
И гневно в Призрака швырнул.
И тут такое приключилось,
Такое сразу началось:
Вдруг из воды подпрыгнул чибис
И вышел из-за кочки лось.
Все, кто давно попал в болото,
И кто недавно – в этот миг
Встряхнули крылья для полёта,
Разжали лапы – прыг да прыг!
Топтыгин понял, что немного
И он бы тиною зарос,
И превратился бы в него,
Испившего болотных слёз.
Дрожали рыжие ресницы,
Внимал Топтыгин, что к чему:
Звенели благодарно птицы
И звери кланялись ему.
Какой-то лягушонок квакал
И дул в тростиночку, трубя.
«Какой же храбрый я, однако», –
Топтыгин думал про себя.
И в мыслях не успев собраться,
Едва-едва раскрыв глаза,
Родного он увидел братца,
К кому спешил через леса.
И тут же расцвело затишье,
И кто-то произнёс баском:
«Не захворал ли ты, братишка?
Чего бормочешь? И о ком?» –

– Я шёл к тебе и днём, и ночью, –
Сказал Топтыгин. – Вот прими
Пахучий в бочке мёд цветочный
И медвежонка накорми. –
Провёл он лапой за плечами
И слёзы брызнули из глаз.
– Ты чем, братишка, опечален? –
Спросил его всё тот же бас. –
Ты говоришь, принёс мне мёду,
Что крышка бочки из стрекоз,
Она и отражала воду,
Изгибы сосен и берёз.
Уж, видно, натерпелся страху,
Где топи меряет куга,
И принял тёмную корягу
Ты за лосиные рога.
И не крыло залётной птицы –
Торчит из-под воды бурьян.
Как всё могло тебе присниться?
Ведь Призрак – это лишь туман. –
«Но где же мёд, – вскричал Топтыгин, –
Пустая бочка на воде!»
А голос на воде подпрыгнул
И эхом прокатился: где-е-е?
И Ворон завсегда угрюмый,
Скрипел, как старая сосна:
«Ты ищешь мёд? Тогда подумай,
С чего бы жёлтая луна?!»
Закат перебирал малину,
А росы – белые грибы,

Природы дивную картину
Топтыгин разглядел с тропы.
И это всё давалось даром,
Как свежий воздух, шум сосны...
Брат хлопотал над самоваром,
Его жена пекла блины.
Поев и отодвинув кресло,
Вдруг медвежонок заявил:
«То не туман, а я из леса
Вас лапой, дяденька, манил!»
Все рассмеялись. Вот так Призрак!
Где сон, где явь – не разберёшь.
Из блюдца сладкий чай разбрызгав,
Топтыгин хохотал: «Да-а-ёшь!»
Брат повернул в комод ключик,
Достал подзорную трубу:
«А это, брат, тебе, чтоб лучше
Нас видел, сидя на дубу».
Простившись с братовой берлогой,
Прижал Топтыгин дар к груди,
Летевший Ворон над дорогой
Прокаркал: «Доброго пути!»
И с грустью тайною вздыхая,
Топтыгин видел, как вослед
Уже три призрака махали
Ему в берёзовый рассвет.

Илья

В каждом дубе кольца есть,
Это лет прожитых кольца,
Но бывает, что не счесть
И Дуплу их в блеске солнца.
Как историй, что немало
Всякое кольцо таит.
А Дупло не задремало,
Просто тихо говорит:
– Шёл Илья к себе в деревню,
Шёл один сквозь мрачный лес,
И тянули ввысь деревья
Ветки-руки до небес.
Шёл, о корни спотыкался,
А пугливые кусты
Всё шептали: «Ох, попался», –
Из тревожной темноты.
На сосне луна заснула –
Ни жива и ни мертва,
Оком озеро блеснуло,
И заухала сова.
Шёл Илья и озирался,
Всё казалось, что за ним
По тропинке кто-то крался,
Как туман неуловим.
Вдруг, глазам своим не веря,
Различил Илья во мгле

И ни птицу, и ни зверя,
И ни конника в седле.
Меж берёз тропа змеится,
Пень трава обволокла,
Темнокосая Девица,
Как хозяйка, у стола.
А на пне с листвою схожи,
Карты радугой горят,
И Девица, лес тревожа,
Зазывает всех подряд:
«Эй, сюда, кто не боится,
Подходите погадать!» –
И свернул Илья к Девице:
– Ну-ка скинь, чего мне ждать? –
«Погадать-то погадаю,
Только прежде разреши –
В “дурака” с тобой сыграю
На помин твоей души».
Возле пня Илья уселся,
Где Девица в нитях бус:
«Человеческое сердце –
Это как червонный туз», –
Так пропела ворожея,
И задумался Илья:
– Неужели, неужели
Не замечу я вранья! –
Мысли вмиг отяжелели,
И застыл он, чуть дыша:
– Неужели, неужели
Пропадёт моя душа! –

Раздала Девица карты
На взаимный интерес:
«Ну, играй, Илья, пока ты
Не познал моих чудес!» –
А сама движеньем ловким
Подменила карты вмиг,
И, на пень поставив локти,
Опустила в длани лик.
Карты пёстрые затёрты –
Где обман? Где чудеса?!
У Ильи лишь три шестёрки,
У Девицы три туза.
– Что за фокус? Что за шутки, –
Не поймет Илья никак, –
Да в своём ли я рассудке!
А ведь был играть мастак. –
Тут в растрёпанной колоде
Поменяли масти цвет –
У Ильи по сердцу бродит
Тенью карточный валет.
Не даётся в руки карта –
То не это, то не та,
А Девица хитровато
Улыбалась неспроста.
А Девица, вскинув руки,
Враз поймала воробья,
И послышалось в округе:
«Вот, Илья, душа твоя!» –
Воробей чирикал грустно,
Тихо крыльями шуршал.

– Что, в груди, наверно, пусто?» –
Тот же голос вопрошал.
И Девнца усмехнулась,
Ослепив сияньем глаз,
Всё в момент перевернулось
У Ильи в груди тотчас.
Он за пазуху рукою,
А оттуда соловей
Серебристою рекою
Раззвенелся меж ветвей.
Карты вмиг преобразились –
И вальты, и короли,
Меж собой договорились
И к Илье вдруг перешли.
И увидел он, как злится,
Как чернеет, будто смоль,
Супротив него Девнца,
Чьи глаза белей, чем соль.
Так она бесовским взглядом
Обжигала души тех,
Кто садился с нею рядом
В вихре карточных утех.
Соловей клевал росинки
На берёзовой листве,
А Илья сидел красивый –
Хмель волос на голове.
И, привстав, заметил смело,
Чтоб смирить Девницы прыть:
– Ты в воробушка хотела
Мою душу обратить,

Чтобы после надсмехаться,
В пух и перья разнести
То бесценное богатство
В человеческой груди.
Чтоб не петь мне, а чирикать,
И не пить с листа росу,
Но ведь красная черника
Не встречается в лесу! –
И от этих слов Девица
Зашипела, как змея,
Но успел перекреститься
На зловещий взгляд Илья.
Поняла змея-Девица,
Что несладко будет ей
С теми, в чьей душе гнездится
Звонкий русский соловей.
Зашагал Илья по лесу,
По тропиночке своей –
Соловей в груди распелся
И на ветке соловей.
Каждый звук имеет запах,
Как и каждый запах – звук,
И сосна в зелёных лапах
Держит трели звонкий круг. –
А Дупло проснулось с песней –
В пересвисте соловья –
И подумало, а если
Это всё-таки Илья!

Маскарад

Дождь утих. И травы блещут,
И в листве светлым-светло,
И Дупло на дубе вещем
Новой сказкой обросло:
—Я Дупло. Я знаю многих,
Даже тех, кого теперь
На тропинках и дорогах
Никакой не встретит зверь.
То случилось не со мною,
Может, где-то за рекой
То ли нынешней зимою,
То ли прошлою зимой.
В мёрзлый час Медведь подумал
И берлогу для себя
Под густым могучим дубом
Оборудовал, любя.
В ней поставил стол и стулья,
И кушетку в уголок,
Бочку мёда от простуды
И ещё овса мешок.
Это ежели прихватит
Вдруг желудок незначай...
И в коричневом халате
Пригласил друзей на чай.
Все пришли под Новогодье
И уселись за столом.

И при всём честном народе
Речь Медведь повел баском:
«Благодарствую сердечно,
Что собрались в званный час.
От стрельбы бесчеловечной
Многих нет теперь из нас.
Нет Пантеры, нет и Тигра,
Да и Зайца след простыл», –
И в берлоге стало тихо,
Будто дух земной застыл.
Вдруг в какое-то мгновенье
Дверь открылась, и Лиса,
Пасть раскрыв от удивленья,
Простонала: «Чудес-а-а». –
Волк поскрёб затылок лапой:
«Ну и Тигр! Ну, даёт!» –
Только Крот слепой и слабый
Фыркнул: «Запах, да не тот!» –
И тесня всех понемногу,
И Медведя выгнав прочь,
Тигр отвоевал берлогу
И остался в ней на ночь.
Гости горестно вздыхали,
Обсуждая, как изгнать
Одичавшего нахала
И кого на помощь звать.
И ни рёва, и ни рыка
Не слышал никто в лесу,
Лишь Медведь под дверью хныкал,
Уронив на снег слезу.

В стороне притихли звери,
Наблюдая, как Медведь
Лапою стучится в двери,
Умоляя отпереть:
«Как не стыдно, полосатый,
Ведь берлога не твоя!» –
Рёва зимнего раскаты
Растревожили края.
Неожиданно подпрыгнув,
Вдруг Медведь свалился с ног:
Заяц храбро спину выгнув,
Сиганул через порог
И пошёл торить дорогу
Меж заснеженных деревьев...
Звери кинулись в берлогу
И застыли, онемев:
На полу валялась шкура,
Самоцветы вместо глаз...
«Это просто на смех курам
Разыграл Зайчишка нас!»
Прослезился Волк от смеха,
А Лисица, вся дрожа,
Наглоталась столько снега,
Что упала, чуть дыша.
Крот без капельки зазнайства
Прошептал, поднявшись в рост:
«Это я узнал в нём Зайца
И схватил его за хвост». –
Но никто и не расслышал
Голос бедного Крота,

Лишь в углу шептались мыши:
«Ах, какая темнота!»
Крот, обиженный, всё реже
Появляться стал на свет
И ходами землю режет,
Будто ищет Зайца след.
Роет, чтобы извиниться
За раскрытый маскарад,
Или хочет объясниться
В том, чему и сам не рад.
Там, где Крот на свет выходит,
Жмутся холмики земли...
Вот и силы на исходе,
И трудней дышать в пыли.
И на Зайца след похожий
День растаял за бугром,
Крот не знал, что Заяц тоже
Не один в лесу родном...
Нет Медведя. Но в берлоге
Каждый раз под Новый год
Ждёт зайчишку на пороге
Бедный Крот... Всё ждёт и ждёт...

Паутина

Эту сказку о ковре
Дуб придумал с паутиной,
Что приклеилась к коре
Нитью белою и длинной.
Пережил несчётно лет,
В ветках силушка дремала,
Дуб – свидетель разных бед,
Разных радостей немало.
Вот и эту до поры
Он забыл, а, может, просто
Приберёт для детворы –
Для дубков-подростков.
То морозы, то тепло –
Жизни вечная картина.
И припомнило Дупло,
Что пропела паутина:
– В древнем царстве ткали все –
От крестьянки до царицы,
И ковры в живой красе
Озаряли людям лица.
При лучине, при свечах
Ткали чудные узоры.
Вот ковёр – сосна в лучах,
Вот другой – степные зори.
И у каждого цена,
Что хозяева давали,

Чем с утра и до темна
На базаре торговали.
И ковры в разгаре дня
Разлетались, будто птицы.
«Кто искуснее меня? –
Призадумалась царица. –
Кажется, мои ковры
От других ничем не хуже,
Но никто до сей поры
Взглядом их не удосужил».
В чём загадка, в чём секрет?
Объяснить никто не может.
А загадки нет, как нет,
Просто зависть сердце гложет.
И всё чаще рвётся нить,
Краски кажутся тусклее,
Кроме некого винить,
Как тоску да горечь с нею.
Тут внезапно ураган
Прилетел из-за границы
И, кружась, вложил в карман
Тайный свиток для царицы.
Подошла она к окну
И присела на скамейку,
Разобрала лишь одну
Строчку чёрную, как змейку:
«Чтобы быть тебе одной
Мастерицею без срока,
Ты болотною водой
Брызни ночью на дорогу».

Поразмыслив так и сяк,
Вдруг припомнила царица,
Что в темнице на костях
Ворон на цепи томится.
«Привести его сюда! –
Топнула царица ножкой,
Как болотная вода,
Зелень плещется в окошке. –
Слушай, Ворон, мой приказ,
А не то, лишишься жизни,
На путях ткачих тот час
Ты водой болотной брызни».
Пуще ночи почернел
Ворон от воды болотной
И все тропы облетел,
Все дороги в мгле бесплотной.
Он спешил едва живой –
Крылья-то ослабли!
Рассыпая за собой
Колдовские капли.
Минул день, другой за ним,
Вот и третий на исходе.
То ли Ворон приболел,
То ли нет чудес в болоте?!
Над ковром своим опять
У окна сидит царица,
Видит – дети погулять
Вышли и давай резвиться.
Царский сын в лугах скакал,
Конным предавался играм,

Вдруг упал и в паука
Тут же превратился мигом.
Дочка царская сачком
Пёстрых бабочек ловила
И, подпрыгнув, каблучком
В травах каплю раздавила.
Той болотной капли дух
Был скорей похож на скверну:
В паутины белый круг
Сразу заключил царевну.
И, цепляясь за сучок,
Нить звенит, звенит напевно,
В центре круга паучок,
А точней – сама царевна.
Шли крестьянки по траве,
Песни дружно распевали,
О болотном колдовстве
Ничего они не знали.
На базар несли ковры,
Да такой живой расцветки,
Что ещё до сей поры
Не знавали наши предки.
«Ну-ка Ворона сюда!» –
Грозно молвила царица.
Где же взять его, когда
Померла давно та птица.
А царица всё сильней
Бьёт, стучит ногами:
«Кто вернёт моих детей,
Ставших пауками?!»

Так кружил за годом год,
Во дворце шептали
То знахарок хоровод,
То колдуньи их сменяли.
Но никто помочь не смог –
Ни свои, ни заграница,
Царь от горя занемог,
И совсем слегла царица.
Толпы баб и мужиков
Шли, опять сбивая лапти,
Превращаясь в пауков,
Наступив едва на капли.
От дороги до реки
И от берега до леса
Разбежались пауки
И плетут свои завесы.
Днём в трудах, в трудах в ночи,
Круглый год в работе
Царства древнего ткачи,
Пауки живут в природе.
И теперь не разберёшь,
Где царевич, где царица.
Время паутины – дрожь
Снова тянется напевно.
Гладил юные дубки
Старый Дуб, ветвями жились:
– Говорят, что пауки
Так на свете появились.
Не пеняют на судьбу
И ни на кого не злятся,

А пробравшись в дом, в избу,
В тёмных уголках ютятся.
Но хозяйка обойдёт
Пылесосом каждый угол,
Паук глазом не моргнёт,
Будто вовсе не испуган.
Говорят, паук – к письму,
А в лесу, где в ветках просинь,
Тянет он свою тесьму
Сквозь туманы прямо в осень.
Дуб шумел: – Ну, что за люд!
Вроде бы живут в согласье,
Одного лишь не поймут –
Встреча с пауками – счастье!
Вот царевич в серебре,
В блеске золота – царевна.
Вы в узорах, на ковре
Разглядите их, наверно.
Как и тысячи других,
Что на капли наступали
И в один единый миг
Сразу пауками стали.
Это сказка или нет?
Я ведь жёлудем зелёным
Был, когда мой брат-сосед
Рассказал всё это клёнам.
А теперь уже старик –
По стволу то мох, то плесень.
И давно уже отвык
И от сказов, и от песен.

Было это, иль могло
Быть? И что теперь осталось?! –
И беззубое Дупло
В тёмный лес расхохоталось..

Белка и змея

Кто верил, кто не верил –
Забросив все дела,
Собрались как-то звери
У древнего Дупла.
Расселись чинно волки,
Медведи разлеглись,
И росомахи чёлки
Расчёсывать взялись.
А в зареве заката,
Трусливые до пят,
Ушастые зайчата
Из-за травы глядят.
На всех ветвях сороки
Трещат: “Скорей! Скорей!”
Дорогой без дороги
Спешит толпа зверей.
А у Дупла синица,
Чей нос, как карандаш,
Строчит, как небылицу,
В блокнотик репортаж.
“Лесной газеты” вести
Читают вся и все:
В норе – барсук невесте
И глухари – в овсе.
Читал и лось лосятам,
Лисёнышам – лиса,

И даже лягушатам –
На кочке стрекоза.
И вот она, страница,
Без тени, без прикрас
Записанный синицей,
Волнующий рассказ:
– Давненько это было, –
Промолвило Дупло, –
Когда листвой и цветом
Весь лес заволокло,
В ромашковом берете
Опушка на виду,
Где шаловливый ветер
Цветок клонил к цветку,
Вдруг рассекая градом,
Ударил ливень зло,
Змея, что грелась рядом,
Переползла в Дупло.
Да так в нём и осталась,
Свернувшись, спит кольцом,
А Белка вкруг металась:
«Забрались воры в дом!
Куда девать припасы –
Орехи и грибы!
Ой, в стужу не пропасть бы,
Когда трещат дубы».
Изгнать Змею под силу
Не каждому дано:
Кого бы ни просила,
Помочь бы рады. Но

Сжимала и душила
Змея кого не лень,
И страхом окружила
В лесу любую тень.
То с камышами вровень
Застынет в час ночной,
То обратится в корень
И ляжет под сосной,
То, извиваясь грозно
И высунув язык,
Дырявит птичьи гнёзда
Под воробьиный крик.
И плачет, плачет Белка,
И лапкой трёт глаза.
«Пошто грустишь, соседка?» –
Спросила вдруг Оса.
И в голосе с мольбою
Ей Белка говорит:
«Не справлюсь я с бедою –
В Дупле Змея сидит!
Медведя укусила
И волка прогнала,
Кого бы ни просила,
Бежали от Дупла.
Сзывала всех в округе,
Тревоги не тая,
Но даже дятла стуки
Не слышала Змея». –
«Я прогоню! Немедля!» –
Разгневалась Оса,

Могучие медведи
Потушили глаза,
Сороки мигом смолкли,
Из гнёзд роняя пух,
И изумлённо волки
Раскрыли пасти вдруг.
И, поводя ушами
И распустив усы,
Зайчата чуть дышали
Под рокотом Осы.
Берёза и осина
Шептались на краю:
«Да разве ей под силу
Перебороть Змею!»
Роса блестела мелко...
И заждалась тепла
Заплаканная Белка
На ветке у Дупла.
«Прогонит? Неужели?» –
Пролепетал лопух,
Казалось, в напряженье
Всё замерло вокруг.
И, разрывая в клочья
Июльское тепло,
Негаснущие точки
Осыпали Дупло.
Как искры от пожара,
От бури грозовой,
В змею вонзая жало,
Гудел осиный рой.

Змея терпела долго,
Пока в какой-то миг
От боли вся не взмокла
И зашипела в крик,
Стремясь к болотной топи,
Попала в колею,
Медведь ногою топнул
И раздавил Змею.
Заката даль померкла,
И ночь подобралась,
И радостная Белка
В Дупло перебралась,
И на прощанье осы
Пропели ей наказ:
«Не лей напрасно слёзы,
Зови на помощь нас!»
А утром зайцы вместе
Сошлись у дуба в круг:
«Прости нас, Белка, если
Мы потеряли дух...»
Медведи, волки, лоси
Кричали через лес
В одно многоголосье:
«Да кто б на дуб залез!»
А Белочка с орехом
Сквозь ветра синеву
Вдруг серебристым смехом
Осыпала траву,
И выступили росы,
И каждая из них

Светилась, будто слёзы
Зайчишек и зайчих.
Ломая буреломы,
Бежали кто куда –
Медведи, будто громы,
Рыдая от стыда,
Цепляя лес рогами,
Лось мчался над землей,
Себя в душе ругая
За страх перед Змеёй:
«Какие-то жужжалки
Змею прогнали прочь», –
Всем было очень жалко,
Что не смогли помочь.
Исписана страница,
Истёрся карандаш,
Закончила Синица
Газетный репортаж,
Но тут сорока сверху
Вскричала что есть сил:
«То не Змею, а ветку
Топтыгин раздавил».
Змея, сжимаясь в кольца,
Вмиг Белку обвила,
Взглянув в Дупло-оконце,
Синица обмерла –
Над Белкою узлами
Сплетала смерть Змея:
«Сейчас, сейчас узнаешь,
Что значит жизнь твоя!»

Такое не приснится!
К Змее метнувшись, враз
Разгневалась Синица
И клюнула ей в глаз,
Потом в другой. И тут же
Ослепшая Змея
Шарахнулась наружу
Сама уж не своя.
Телеграфисты-дятлы
Стучали через лес,
Что Белки враг заклятый –
Змеиный дух исчез.
Дупло дышало бегло,
Гудело вниз и вверх:
«Всех приглашает Белка
На праздничный орех!
Слетались дятлы, осы,
Пришли медведь и волк,
И зайцы без расспросов
Устроились в рядок.
Шептались звери близко,
Катая слов росу:
«Синица-журналистка
Храбрее всех в лесу!»
Она же – клювом тонким
Орешек рассекла
И голосочком звонким
Тихонько изрекла:
«Привет, лесные звери!
Собрались мы и вот

Нам не страшны ни змеи,
Ни призрак из болот!
А что стряслось наемдни,
Так это не беда!
Оса сильнее медведя –
Бывало ли когда?!
В “Лесной газете” в среду
Есть ребус на досуг»
...И вот сосед соседу
Уже читает вслух.
Никто не догадался,
Что в тишине Дупла
Змеиный хвост остался,
Что Белка извлекла
И бросила к подножью
В высокую траву.
Дупло вздохнуло с дрожью:
– Живу! Живу! Живу!
Синица, сев на ветку,
Звенит, подняв крыло:
«Спасли не только Белку,
Но и само Дупло!»
Сквозь дебри-непролазы
Из каждого угла
Мы вновь услышим сказы
Замшелого Дупла.
Коры наморщив складки,
Дуб силы сжал свои,
И выдохнул остатки
Змеиной чешуи.

Опять листву, как книгу,
Дуб пролистал не раз
И вот нашёл интригу,
А прощя – новый сказ.

Чертовщина

Время листьями мело,
Каждый лист – мгновенье...
И поведало Дупло
Чудо-сновиденье:
– Как-то ночью под луной
По траве шуршащей
С чёрной сумкой за спиной
Вышел Чёрт из чащи.
Сел на пень и развязал
Сумку лапой дюжей,
Блеском золота глаза
Ослепило тут же.
«Я теперь как захочу, –
Чёрт решил, – то сразу
Пост любой заполучу,
Злату нет отказу».
Первым делом Чёрт спилил
Над ушами рожки,
Хвост цветочками обвил
И надел сапожки.
И отправился к Лисе,
Что служила рядом,
В фирме «Ёлочка», где все
Отovarивались на дом:
Тот – продуктами семью,
Та – на кухню утварь...

«Что-то я не узнаю
Вас, милейший сударь.
Шляпа, тросточка, костюм –
Не припомню даже...»
Чёрт, довольный, сел на стул
И промолвил важно:
«Да, понять немудрено,
В этих дебрях звери
Лишь в своё глядят окно
Да, быть может, в двери.
А вот я»... – И Чёрт раскрыл
На прилавке сумку.
Но Лису не удивил,
Не лишил рассудка.
Из-под радуги бровей
Глянула колюче:
«На реке песок белей
И к тому ж сыпуче».
И поняв, что тут ему
Ничего не светит,
Что в любом лесном дому
Ласкою не встретят,
Чёрт рванулся по тропе
Напрямик к Медведю:
«Вот, всё золото тебе
И ни грамма меди.
А взамен тебя прошу:
Дай указ прислуге,
Что лишь я руковожу
Норами в округе».

Сумку пнул Медведь ногой,
Хоть и звался добрым:
«Ты возьми подарок свой,
Он ведь несъедобный.
Я узнал тебя, браток,
Ты, как люди, тоже
Ценишь золотой песок
До безумной дрожи.
А лесной народ живёт,
Разбираясь всё же,
Хотя золото и мёд
Только цветом схожи.
Подкупить меня хотел,
Чтоб добиться чина, –
Тут Медведь как загудел –
Что за чертовщина!»
Сумку Чёрт схватил и прочь
Покатился с кручи,
А в глазах то день, то ночь –
Ёлки хлещут жгуче.
Сумки порваны бока
И летят без счёта
Искры жёлтого песка
По следам за Чёртом.
То в тайге, то на скале –
Так подобно чуду –
Появились на земле
Самородки всюду.
Так вот Чёрт вселился в дух,
Порождая зависть,

И чертей всё шире круг,
Что людьми лишь звались.
Вот он, скрытный человек,
Облачившись в робу,
Ищет жёлтый пересверк,
Да побольше чтобы.
Дымом лес заволокло –
И кусты, и травы –
И усталое Дупло
Молвило картаво:
– Жгут искатели костры,
Прямо катастрофа. –
Дуб шуршанием листвы
То вздыхал, То охал.
И окликнуло Дупло,
Волка бег замедля:
– Скулы горько мне светло,
Позови Медведя.
Все сюда! Тут день за днём
Люди роют что-то...
Вот возник Медведь с дубьём
Из-за поворота.
Следом Волк – зубами щёлк,
А за ним вся стая.
И пустились наутёк
Люди, всё бросая.
С этих дней Медведь и Волк
Думают, что черти
Ищут золотой песок,
Что звездой очерчен.

И увидев на плечах
У людей лопаты,
Звери нагоняют страх
Рёвом перекатным.
Люди в ужасе бегут,
Но назавтра снова
В руки заступы берут
В пляске ветра злого.
Ветер в просеке гудит,
Листья всех расцветок,
Чёрт на дереве сидит
Где-то между веток.
Тут в Дупло влетел листок
Золотой окраски,
И на этом час истёк
Полуночной сказки.

Лесной дедушка и разбойники

Ещё не каждая прочитана строка
Птиц перелётных в поднебесной сини.
Ещё не всякий шорох ветерка
Разгадан на тоскующей равнине.
Ещё не каждую тропинку, что окрест
Дуб разглядел верхушкою могучей.
То облака мешали, то норд-вест,
То за туманом дождь, то снег колючий.
А летом молния расправила крыло,
И, ослепив деревья напоследок,
Вдруг самоцветы кинула в Дупло
И скрылась где-то за развилкой веток.
Дупло мерцало разноцветьем день и ночь,
Чтоб никому в лесу не заблудиться,
Чтоб всякому хоть чем-то да помочь
Будь то медведь, мышонок или птица.
Усталый нищий в полдень в тень листвы прилёт,
И развязал суму, где, кроме хлеба,
Ему остались только запахи дорог,
Да муравей, что заметался слепо.
Он взял и выпустил на волю муравья,
Куснул горбушку, что сжигали ветры.
И тут, невесть откуда ярче, чем заря,
В суму упали камни-самоцветы.
Скатилась нищему за пазуху слеза,

И сердце, как листок затрепетало.
А из Дупла угрюмый, как гроза,
Раздался голос, как уже бывало:
– Всё случилось не сегодня,
Здесь, а может быть, нигде,
Ни при сумрачной погоде,
Ни при солнечном дожде.
Шли разбойники по лесу,
Чьи улыбки, как ножи.
Был им нужен до зарезу
Клад, затерянный в глуши.
Перерыли выше, ниже
Землю в поиске монет.
И глядят, какой-то нищий
Держит камень-самоцвет.
Обступили тесным кругом,
Каждый взглядами сверлил:
«Вот так нищий! Где под дубом
Ты сокровища зарыл?» –
И куражились, пытая,
И смеялись, что есть сил.
И земную пыль глотая,
Нищий тихо голосил:
«Ой, за что такие муки!» –
А разбойники стремглав
Нищему стянули руки,
К дубу крепко привязав.
Лишь суму ему под ноги
Разложили в кой-то миг,
Пусть, мол, набросают Боги

Самоцветов дорогих,
Ну а сами за пригорок –
И глядят из-за травы.
Вдруг в суму упал осколок
Из огня, из синевы.
Заиграли самоцветы,
Каждый радость излучал..
«Как делить мы будем это?» –
Круг разбойников вскричал.
Предлагал один на части
Раздробить и разделить,
Предлагал другой на счастье
Только руку приложить,
Ну, а третий поразмыслил
И бесшумно по росе
Самоцветы-листья выстлал
В ночь, когда храпели все.
Самоцвет же настоящий
Завернул в рубахи клок
И пустился с ним сквозь чащу
По оврагам наутёк.
Пробудившись от ночлега,
Из разбойников никто
Не узрел его побега
И не ведал про то.
Ветром сдуло самоцветы,
Как мираж, что душу грел:
«Ну-ка нищего к ответу!» –
Чей-то голос прохрипел.
И пытали, и кололи

В грудь и плечи до тех пор,
Пока нищему от боли
Слёзы не затмили взор.
А затем в разливах света
Он, не вытерпев угроз,
Рассказал, кто самоцветы
И в какую даль унёс.
И разбойники сквозь листья,
Сквозь траву, что выше ног,
Подгоняемые мыслью,
Побежали на восток.
Всё казалось им, что где-то
Там, за ближним бугорком,
Заиграют самоцветы
Золотом и серебром.
Снова солнце закатилось,
Как большой багровый круг,
В чаще точка засветилась,
А за ней десятки вдруг.
То бледней они, то ярче,
То красней, то зеленой.
«Самоцветы не иначе!
Эй! Сюда, братва, смелей!
Вот он клад, что мы искали,
Только руку протяни... –
А из чащи пасть оскалив,
Вышел Волк – в глазах огни,
Из кустов другой крадётся,
Третий в ельнике завыл. –
Удирать, видать, придется!» –

Предводитель приуныл.
И разбойники с ножами,
Не оставив и следа,
Будто кто-то их ужалил,
Разбежались кто куда.
Зайцы путы развязали,
Что стянул разбойник злой,
Тут же пленника узнали:
«Это ж Дедушка Лесной!» –
И, забыв про самоцветы,
Что доселе были с ним,
Он одним давал советы,
Обещал помочь другим,
И зверями окружённый,
Как друзьями в дождь и зной,
Зашагал под шум зелёный
Добрый Дедушка Лесной.
Чтоб смирить зверюшек шкоду,
Чтоб чему-то научить,
Он открыл лесную школу
Там, где свет земной журчит.
На полянке у избышки
Первый свой провёл урок
И зайчишкам простодушным
Объяснил, что значит Волк.
И раскрыв тропинок карты,
Лесной Дедушка изрёк:
«Вот оставил след сохатый,
Этот – кровожадный Волк».
Изучали зайцы зорко

Волчьи лапы вновь и вновь,
А потом в избушке звонко
Пели песни про морковь.
Но однажды в дверь избушки
Постучался кто-то вдруг,
Лесной Дедушка радушно
Отворил: «Входи, наш друг!» –
И ничуть не удивился,
Будто ведал наперёд
О разбойнике, что скрылся
И опять сюда придёт.
«Вот, возьмите самоцветы». –
И разбойник разложил
В ярких фантиках конфеты
И в безмолвии застыл.
День сиял в окне просторном
И слышалось в сених:
«Будет белочкам-сластёнам
Что развесить на ветвях». –
«Где же, где же самоцветы?!» –
И разбойник нож извлёк.
«Это были лишь конфеты», –
Лесной Дедушка изрёк.
Плача горькими слезами,
Убежал разбойник в лес,
Там, где ветры растерзали
Не одну ветлу окрест.
На полянах в шишках ёлка
И в конфетах, и в снегу,
И танцуют Заяц с Волком

И Медведь с Лисой в кругу.
Побелели, как берёзы,
Все деревья от пурги,
Лишь чернеют, как занозы,
Прутья, пугая шаги.
В это время за дровами
В лес крестьянин заглянул,
К ёлке чудной за дарами
Только руку протянул,
Тут же инеем покрылся
От бровей до бороды.
И тулуп засеребрился
Светом северной звезды.
Эта новость птицей лёгкой
Облетела каждый дом.
И застыл под пышной ёлкой
Дед Мороз с большим мешком.
Пели вьюги. Выли ветры.
И морозом пахла ель.
И играли самоцветы –
То снежинки, то капель.
Дуб скрутил верёвки туже
На коре под блеск небес.
И Дупло умолкло тут же,
Лишь снежком блеснул норд-вест.

Лесная школа

1

Поздним вечером однажды
Говорящее Дупло
Поделилось вестью важной
С птицей Пёстрое Крыло.
У неё глаза, как угли,
Клюв изогнут, как крючок.
Так в лесу, бывает, ухнет,
Что оглохнет и Сверчок.
Но на этот раз без звука
Птица слушала Дупло.
Шелестел листвою с юга
Ветер мирно и тепло:
– Лесной Дедушка Никола
(Знали так его дубы)
Прикрепил табличку «Школа»
На дверях своей избы.
В первый класс пришли зайчата
И лисята, и змеи
Желтопузые внучата,
Извиваясь, приползли.
Барсучата перевалку
Вслед за ёжиком пришли,
А волчата через балку
Еле ноги волокли.
Не хотелось им учиться,
А хотелось сытно жить,

Как тому не удручиться,
Как об этом не тужить?
Лесной Дедушка вначале
Объяснил, чтоб знали впредь,
Что за палки за плечами
Люди носят, сея смерть,
А из них и дым, и пламя,
Пули догоняют цель.
И свистят над головами
С сентября и по апрель.
Пуля на пчелу похожа,
Но невидима для глаз
И кусает, жалит тоже
И лишает жизни враз.
Вдруг зайчонок поднял лапу
И спросил: «А как зовут
Тех, кто братика и папу
Выждал на тропинке тут?»
Тяжело вздохнул Никола –
Добрый Дедушка лесной:
«Для того открылась школа,
Чтобы знать вам кто чужой!
От кого и как скрываться,
От кого куда бежать,
Чтоб с огнём не повстречаться
И капканов избежать.
Человек – его фигуры
Нет опаснее в лесу,
Он со всех сдирает шкуры,
Бьёт и Волка, и Лису!»

Был Медведь тугой на ухо –
Еле слышал разговор,
Но решил, что хватит духа
Человеку дать отпор.
Тропка в лес спешит кривая
И Медведь берёт разбег.
«Знаю, знаю, где скрывает
Пчёл зловредных Человек...»
В три прыжка достиг поляны,
Там, где ульев хоровод,
Там, где в прорези – карманы
Собирают пчёлы мёд.
Но Медведь того не ведал.
Сбросил крышку, мёд лизнул
И как будто пообедал.
Вдруг на солнце рой сверкнул.
И мотая головою,
Весь искусанный до пят
То хрипя, то грозно воя,
Всё Медведь крушил подряд.
Проскочил через орешник,
Бултыхнулся в речку он,
Окунулся в ней поспешно
И почувствовал – спасён!
И в траве обсохнув жаркой,
Он побрёл тесьмой тропы
И до осени пожарной
Удил рыбу, ел грибы.
Отыскал свою берлогу
И всю зиму прохрапел,

А очнувшись понемногу,
Вновь учиться захотел.
Обошёл «Лесную школу»,
Но не встретил никого,
Добрый Дедушка Никола
Лишь приветствовал его.
Он обнял его за плечи
И с улыбкой произнёс:
«Здравствуй, Миша! Вот так встреча!
Где ты был? Иль что стряслось?!»
Лесной Дедушка на счастье
Знал язык зверей и птиц
И со всеми мог общаться,
Будто ветер, без границ.
А Медведь баском геройским
Рассказал ему о том,
Как он с «пчёлами» боролся,
Что лесной тревожат дом.
Усмехнулся тут Никола
И вздохнул: «А знаний – нуль,
Если б посещал ты школу –
Отличил бы пчёл от пуль».
От стыда Медведь сквозь чащу
Побежал на крутояр,
А Ворона вслед хрипяще
Прокричала: «Эх, школяр-р!..»
Лесной Дедушка Никола
Без работы не скучал:
И открыл пернатым школу,
Где дозору обучал.

Перестуком, пересвистом
Всех зверей оповещать:
Кто крадётся утром мглистым,
Чтоб заставить лес страдать.
Лишь Медведь, подкарауля
Вывоз пасеки в июль,
Всё громит, как прежде ульи,
И бежит от вредных «пуль».
А они гудящей тучей,
А они в сто тысяч жал
Обжигают нос колочё,
Не боясь зубов оскал.
Пчёлы блещут, как из меди,
Улей пушкою гремит...
Видя это, все медведи
Стали пасеки громить.
И теперь, как и наместни,
Пчеловоды слёзы льют:
«Нету спасу от медведя –
Всюду лапы достают!..»

2

Лес молчал. Но час от часа
В ветках свет догадок брезжил:
Изменился шаг рассказа,
Но сюжет остался прежним.
Тут Дупло надуло щёки,
Будто дух переводило.
И в коре глаза, как щёлки,
С тёмной чащи не сводило.

А Ворона брови хмуря,
Возмущалась: «Глянь, поди-ка,
Это всё от бескультурья,
От неграмотности дикой».
Лось, кивая головою,
Соглашался с ней и молвил:
«Я ведь с кровью пулевою
Помню брата в треске молний.
Хорошо, что разъяснили
Нам в лесной зелёной школе,
Как вести при встрече с ними
И в чащобе, и на поле».
Вспоминали школу снова,
Как прощались с нею горько...
«Слава Дедушке лесному!» –
Лось трубил – трубил с пригорка.
Лишь Медведь про то не слышал
И в малиннике кружился,
И остался глупым Мишей,
Потому что не учился.
Букваря в глаза не видел,
И совсем не ведал счёта,
А смотрел на всех в обиде,
Будто все виновны в чём-то.
Добрый Дедушка Никола
Что-то ладил под сосною.
Говорят, «Лесная школа»
Вновь откроется весною.
Перекатывался ёжик
С этой вестью по оврагам

И с листвою шептался дождик:
«В школу! В школу! Дружным шагом!»
Ожидали все, и сразу
И немного и немало –
Продолжение рассказа,
Но Дупло вдруг задремало.
Бегло бабочки порхали
От него то вверх, то книзу,
Будто светлое дыхание,
Будто дождик в листьях брызнул.
И запахло дуб-корою,
И птенцы, покинув гнёзда,
Под небесною тропею
Устремились к ранним звёздам.
А у Дедушки Николы
Новый класс, как предсказали...
И глядели окна школы
В небо светлыми глазами.

Концерт дедушки Николы

1

Звенят и трепещут листвою
Деревья, как дней вороха,
Дупло обросло бородою
Из тёмно-зелёного мха.
Дупло загудело, а может,
То ветер коснулся ветвей:
– Гляжу и гляжу, и, похоже,
Не вижу подобных затей,
Что было тогда предо мною,
Чему мой свидетельский глаз.
И всё, что случилось – не скрою,
Послушайте сказ-пересказ.
Тумана скрывающая завесу,
Сквозь дождик, и грозы, и зной
Мотается Заяц по лесу
С корзинкой афиш за спиной.
То к ветке приладит над тропкой,
То к дряхлому пню у болот...
И снова сквозь чащу торопко
Спешит в перепутьях забот.
На ёлках их держат иголки,
Живица-смола на сосне.
И мордами тычутся волки,
Читая, как будто во сне:

«Концерт состоится у речки,
В седьмом от полудня часу.
Сонату “Серебряный вечер”
Исполнит Никола в лесу».
Собрались и звери, и птицы,
Уселись в траве, на ветвях,
Сказала ехидно Лисица:
«Тут, видно, и звуки в репьях!»
Но к берегу вышел Никола,
Рукою провёл по волнам,
И волны, как гусли, просторно
Запели созвучно ветрам.
Душа разомлела у Волка,
Он стал, показалось, добрей.
Обняв молодого Козлёнка,
Шептал: «Нету шерсти родней!»
На клёне заметив Тетёрку,
Схватила за сердце Лиса:
«Красоткой была моя тётка –
От Вас же туманит глаза!»
А гусли речные звучали,
И сыпался дождик на лес,
И радуга встала над елью,
Как арфа с бездонных небес.
Живым самоцветьем играя,
И ель стала местом утех,
По веткам зелёным шагая,
Поднялся Никола наверх.
Он, радугу-арфу лаская
То левой, то правой рукой,

Хотел, чтобы звери в оскале
Забыли про кровь и разбой.
И звери, как будто почуя
Дыхание звуков с небес,
Плясали и пели, ликуя,
Не думая, кто кого съест.
От радости Ёж кувыркался,
Змея проглотила язык,
И с ней танцевать не боялся
Мышонок, что в травах возник.
И крыльями Суслика глядя,
Жил Сыч вождельнем одним:
«Зови меня попросту – дядя,
Кем был я собратьям твоим».
Взбираясь друг другу на спину,
Лягушки готовили трюк
И лапы, как будто резину,
Тянули, смыкая их в круг.
Шуршались, клубились стрекозы,
Мерцая закатным огнём.
И пели задумчиво козы
О чём-то козлином своём.
На “бис” вызывали их лоси,
Копытами в землю стуча,
На вечере в разногололье
Все пели, рыча и урча.
И даже Ворона на ветке,
Качаясь под ветром речным,
Казалось ей, голосом редким
Закаркала братьям лесным.

И тут, молчаливый от веку,
Сосну торопливо долбя,
Вдруг Дятел вскричал: “Ку-ка-ре-ку”,
Чем всех удивил и себя.
Вот так раскрывались таланты
Под звуками арфы с небес.
И не было лучшей награды
Николе, чем радостный лес.
Спустился Никола на землю
И в рощице белых невест
Коснулся берёзок, чтоб зелень
Листвы зазвучала окрест.
Грачи в чёрных фраках молчали,
Но вот по мгновению, враз,
Их крылья поднялись смычками,
И грянул “Берёзовый вальс”.
В нём вихря кружат отголоски
И отблеск небесных светил...
Никола для каждой берёзки
Особый настрой подарил.
Увидели все, как по взгоркам,
По волнам, от ветра седым,
По травам, шершавым и горьким,
Клубится мелодии дым.
Гудели над травами пчёлы,
Как струн перепев-перезвон.
Никола вздохнул облегчённо,
Решив, что управился он.
Однако не всё получилось,
Знать, музыкой всех не завлечь...—

Дупло сиротливо скривилось,
И, сбившись, продолжило речь.

2

– Да, печальнее заката,
Чем у этой сказки, нет.
И вечерняя соната,
Как в листве заблудший свет.
Свет скользит, не спотыкаясь,
Там, где вовсе не пройти,
То на зверя натыкаясь,
То на птицу на пути.
Вот, видать, изголодавшись,
И зайчонка прихватив,
Волк, в колючий куст забравшись,
Старый повторил мотив.
Наострили уши тут же
Звери, скалясь меж собой,
Появились крови лужи,
И опять пошёл разбой.
И Никола, удручённо
Подперев щеку рукой,
Загрустил, опять о чём-то,
Потеряв в душе покой.
Он надеялся и верил
С первой ноты до седьмой –
Будут жить лесные звери
Все единою семьёй.
Подошёл Енот к Николе
И свою утёр слезу:

«Никакого нет покоя
От грызущихся в лесу».
Тут Никола обернулся
И узрел, как мимо них
Рыжий хвост в траве метнулся,
Кто-то вскрикнул и затих.
«Не до музыки им, видно,
Коль принялись за своё...»
Было горько и обидно
За разбойное житьё.
Но таков закон природы –
Вьживает, кто сильней,
И ни гусли, и ни ноты
Не спасут в лесу зверей.
А Никола, где бы ни был,
Рассыпал мелодий звон
И оставил арфу в небе
И на речке гусли волн,
Чтоб зайчонок, пробегая
Мимо тоненьких берёз,
Бойко хвостиком играя,
Звуки белые разнёс.
Чтоб Орёл или Орлица,
Поднимаясь в высоту,
В радуге могли гнездиться,
Окрыляя красоту.
Чтоб по волнам быстротечным,
Как по струнам гусяра,
Стайки рыб играли в речке
Перебором серебра.

Но ни звери и ни птицы
Через времени росу
Не сумели научиться
Музыкальности в лесу.
Тут, пожалуй, не до смеха,
Если вдуматься всерьёз... –
Лишь Дупло разносит эхо
Речки. Радуги. Берёз.

Медведь – строитель

Всякий лес имеет уши
И немало всяких глаз.
И с полудня отдохнувши,
Повело Дупло рассказ.
Не про ржавое болото,
Не про то, кем Заяц был...
Всё Дупло в росинках пота –
Ох, уж эта небыль-быль!
– В день который, в год который
Всё случилось у ручья,
Где Медведь открыл контору
По строительству жилья.
У пенёчка Ёжик-писарь
Так старательно сопел,
Что составил целый список
Тех, кто дом иметь хотел.
Первым значилась Лисица:
«Нужен дом мне в три окна,
Чтоб похож был на светлицу
И жила я в нём одна!»
Волк от имени всей стаи
Заявил: «А дом для нас
Надо так в лесу поставить,
Чтоб скрывал от метких глаз».
Отодвинул Лось рогами
Тучу чёрную с небес:

«Нам бы дом, чтоб забежали
Мы в него, как под навес».
«Но и мы не лыком шиты, –
Вдруг Зайчонок пропищал. –
Каждый след у нас рассчитан,
Чтобы домик всех вмещал».
Белка спрыгнула на землю
И, орешек кинув в рот,
Заявила: «Не приемлю
Я ни этот дом, ни тот.
Нужен дом мне, чтоб Куница
Не тревожила мне сны,
Чтобы в нём могли храниться
И припасы до весны».
Почесал Медведь за ухом
Так, что выдержал едва:
«Вот задача! Просто кругом
От проектов голова.
Где найти таких умельцев,
Чтоб могли пилить – строгать?»
Ёж с Медведем стали вместе
Мастеров в лесу искать.
Где-то сучья затрещали,
Тень метнулась стороной,
Ёж с Медведем закричали:
«Бурундук, приятель, стой!»
Объяснили, в чём причина –
Ищем, дескать, мастеров,
Кто проекты изучил бы
И сумел построить кров.

Одному – навес, не боле,
А другому – теремок.
Ну, а третьему, чтоб с бою
Взять его никто не смог.
Бурундук вздохнул: «Эх, братцы,
Я помог бы, да дела,
Мне б с норою разобраться,
Чтоб вода не залила.
Вы к Бобрам бы обратились –
Дачи их по речке вниз...»
Но Бобры, как сговорились:
«Сами стройте, коль взялись!»
Ёж с Медведем, горько хныча,
Поплелись во мрак теней,
Но Сова, призывно кыча,
Их окликнула с ветвей:
«Подождите, подождите!
Обойдите весь район –
Знал и знает каждый житель
Труд усердных муравьёв.
Им лишь, видимо, под силу
Всё построить и успеть...»
«За совет тебе спасибо, –
Поклонился ей Медведь. –
Как же мы не догадались,
Не подумали о них!» –
Ёж с Медведем рассмеялись,
Предвкушая встречи миг.
Муравьёв нашли не сразу,
Спотыкаясь в синеве,

Ёж с Медведем все заказы
Разложили на траве.
Пробежав по разным схемам,
Самый мудрый Муравей
Произнёс: «Возьмёмся все мы
И всего за пару дней!»
Удивились Ёж с Медведем,
Распознав об их делах:
«Мы поведаем немедля
О чудесных мастерах!»
Первым встретился Волчонок
И, качая головой,
В муравьиности учёной
Усомнился: «Ой-ой-ой!
Как они бревно поднимут?
Как поставят целый сруб?»
Лось, обратно тучу двинув,
Обронил печально с губ:
«Если будет вновь ненастье –
Небо в тучах до краёв –
Нам надеяться напрасно
И на мудрых муравьёв».
День-другой скатился шаром
С неба прямо по ветвям,
Ёж с Медведем дружным шагом
Поспешили к муравьям,
И совсем не до улыбок
Стало им, когда своё
Из соломинок, былинок
Вдруг увидели жильё:

«Эй, толстяк, подвинь-ка лапу,
А не то разрушишь дом».
Наклонясь, Медведь заплакал
Над трудягой Муравьём:
«Это ты с толпой собратьев
Всё построил точно в срок,
Жаль, вот только не взобраться
Мне на крохотный порог».
Фыркнул Ёж: «И без иголок
Ни с каких не влезть сторон».
Закачался между ёлок
Муравьиный террикон,
Собрались в контору звери,
Каждый требует своё.
Лезут в окна, лезут в двери:
«Где жильё?..Жильё?..Жильё?..»
Чтил Барсук лесную строгость
И сказал, как прокурор:
«В этот дом, к примеру, коготь
Лишь поместится в упор.
Эх, вы, горе-инженеры!
Чья, признайтесь, тут вина:
Перепутали размеры
Муравья и Кабана!»
Белобокие Сороки
Растрещались меж ветвей:
«Пусть, бывало, в гнездах мокли –
Всё же нету их теплей!»
И, забыв про сон, про пищу,
От рассвета до звезды

Каждый зверь своё жилище
Стал хвалить на все лады:
«Где хочу, там и построю!
Где понравится – живу!»
Был Медведь совсем расстроен,
Услыхав зверей молву.
Наклонилось небо низко,
Тучи в стадо собрались.
И составленные списки
Вместе с ветром унеслись.
Писарь-Ёж пропал куда-то,
И проектов след простыл,
Возмутился Лось рогатый:
«Буду жить как прежде жил!»
И другие звери тоже
Закивали. И Медведь,
На глазах стыдясь, похоже,
Стал буреть, буреть, буреть.
Не случилось происшествий
С ним подобных никогда,
И от прежней серой шерсти
Не осталось и следа.
Ёж при встрече с ним таится,
Будто в чём-то виноват,
И Медведь Ежа боится
За строительный разлад.
Лес живёт, как жил доселе
И, видать, совсем не вдруг
Ни одной норы на север,
И гнездовья лишь на юг.

О строительной конторе,
О трудягах-муравьях
И Медведь забыл, который
Бурым стал в лесных краях. –
Старый Дуб при лунном свете
Ветку вскинул, а под ней:
– Я, Дупло, всему свидетель,
Самых первых желудей.
Вот и этот сказ когда-то
Мне услышать довелось...–
И Дупло в огне заката
Заискрилось блеском рос.

Ёжик – иглотерапевт

Утром Дуб проснулся рано,
Щебет птиц неулвим.
Видит, звери из бурьяна
Собираются под ним.
Волк хромой. Медведь плешивый
И Кабан, сломавший клык...
Все спросить Дупло решили –
И звучал то рёв, то рык.
Искривляя пасть натужно,
Волк глаза таращил зло.
Догадавшись, что им нужно,
Призадумалось Дупло.
Лес листвою живой трепещет
В брызгах света и тепла,
Голос сказочный и вещей
Вдруг донёлся из Дупла:
– Жил да был в лесу когда-то
Ёжик-иглотерапевт.
Всех подряд лечил бесплатно,
Принимал в любой момент.
Отлежав бока в берлоге,
На приём пришёл Медведь:
«Ноют лапы, ноют ноги,
Как бы мне не помереть!»
Осмотрел Медведя Ёжик
И сказал: «Ложись-ка, друг!

Я сейчас иголок дождик
Пропущу сквозь твой недуг».
И, в клубок свернувшись тут же,
Ёжик иглы испытал,
А Медведь взревел натужно –
Так, что лес затрепетал.
Где поменьше, где подольше
Время иглам отводил,
На боку и на подошве
Точки жизни пробудил.
Всё лесное население
Знало: Ёжик не берёт
Ничего за исцеленье
И советы наперёд.
Но Медведь решил иначе,
Долго мысли не крутил
И с какой-то ближней дачи
Бочку мёда прикатил.
Через день пришла Лисица,
Умолая: «Помоги!
Что со мной, скажи, творится –
Всё в глазах круги, круги...»
Фыркнул Ёжик: «Это нервы,
Говорили тебе, брось,
Ведь в курятнике, наверно,
Ты опять незванный гость».
«Каюсь, каюсь, воровала –
Знают псы и петухи –
И иголок будет мало
Сосчитать мои грехи...»

Ёжик тут же тон сменил:
«Ну, не плачь, не плачь, сестрица, –
И в нору засеменял. –
Здесь придётся повозиться».
Отыскал иглу потолще
И вонзил Лисице в хвост:
«Ой-ой-ой! Не буду больше –
У меня отныне пост».
Принесли беднягу Зайца
От испуга исцелить.
Ему в уши Ёжик взялся
Иглы разные вводить.
Ёжик так над ним старался,
Что, видать, на этот счёт
Лягушонок рассмеялся:
«Смелость из носу течёт!»
От стыда, стряхнув иголки,
Заяц скрылся в полутьму.
Рыжий Суслик на пригорке
Лишь присвистнул вслед ему.
Дятел с ветки приземлился,
Клювом щёлкнул и изрёк:
«Может, я перетрудился –
Головою занемог.
То сосну, а то берёзу
Шелушил и в снег, и в зной...»
«Тут не избежать наркоза...»
Ёжик в перья влез иглой,
Три минуты, и готово –
Дятел вновь долбит кору

И клянётся: «Вот-те слово,
Червяков поднаберу!»
Фыркнул Ёжик: «Все вы что-то
Не возьмёте себе в толк:
Помогать – моя забота,
Будь-то Заяц или Волк.
Чудодейственные силы
От природы мне даны,
Без мучительных усилий
Все друзья исцелены».
И по тропкам, и без тропок,
В мелколесье и в глуши
Тот, кто смел, и тот, кто робок,
Веселились от души.
Глянул Ёжик – нету, вроде,
У его норы больных
И вздремнуть решил в расчёте
На один какой-то миг.
Захрапел колючий житель,
А Ехидна тут как тут:
«Чем не Ёжик я, скажите,
И мои иголки жгут».
...Ждать больных пришлось недолго,
Волк явился и скулит:
«Как я зуб ни рвал, ни дёргал –
А по-прежнему болит...»
Церемониться не стала
С ним Ехидна: «Пасть открой!»
До загровка вмиг достала
Через пасть своей иглой,

Рухнул Волк – ни слёз, ни вздоха.
У Ехидны вывод свой:
«Иглы переносит плохо,
Не нашла я зуб больной».
Тут к Ехидне Лось рогатый
Обратился из кустов:
«Где-то пуля под лопаткой
Замедляет бег шагов. –
На колени опустился
Лось с болячкой в спине, –
Мне недавно сон приснился,
Что помогут иглы мне».
Приздумалась Ехидна:
«Как бы мне не навредить!»
И глаза прищурив хитро,
Стала иглами водить,
А потом, собравши силы,
Разбежавшись со всех ног,
Три иглы ему вонзила
Между рёбер в левый бок.
Лось вскочил, дрожа всей кожей,
Стук копыт, как гром в грозу:
«Ты не лекарь!.. Ты, похоже,
Как двуногие в лесу!»
И свалился между мхами...
А от речки во весь дух,
Вся играючи мехами,
Прибежала Выдра вдруг.
«Ах, простите-извините,
Я простыла на воде.

Поскорее помогите,
А иначе быть беде». —
Выдра плакала, и кашель
Заглушить бы бурю смог.
«Ты больна – точнее не скажешь». —
И Ехидны голос смолк.
Растерялась, но, фасоня,
Задрала утиный нос...
Вылез Ёжик и спросонья
Не поймёт, что тут стряслось.
Воробей чирикнул смело
Про Ехидну и про то,
Как она лечить посмела,
Не соображая – что.
Захотелось славы, видно,
Ну, а слава-то без крыл,
Глянул Ёжик, а Ехидны
Под кустом и след простыл.
Не раздумывая, сразу,
Ёжик к Лосю поспешил
И иглою, как заразу,
Злую пулю удалил.
«Вот спасибо, друг, спасибо», —
Лось, очнувшись, произнёс
И огромный словно глыба,
Над землёй поднялся в рост.
И забыв про все напасти
В злобе пены, как мазут,
Ковыряясь в волчьей пасти,
Обезболил Ёжик зуб.

Снял иголками простуду
Выдре, а она в ответ:
«Я теперь на речке буду
Славить твой авторитет».
Листья-дни слетали с веток...
Ёжик слёт в канун жары.
И решил, что напоследок
Надо выйти из норы.
Еле-еле выполз к свету,
Видит, топает Медведь:
«Помоги, терпенья нету
Боль мою перетерпеть».
Но Медведь протопал мимо,
Да и Лось вдруг удивил:
Пронесся рога, как вилы,
Чуть его не раздавил.
Будто тень, за кем-то крался
Волк, оскалив пасть к борьбе,
И целителю проклацал:
«Я здоров! Чего тебе?»
Ёжик фыркнул от досады,
Равнодушием раним.
Вдруг Лиса, как из засады,
Появилась перед ним.
От испуга Ёжик тут же
Превратился в острый шар:
«Ах, беда, пропал мой ужин! –
Охватил Лисицу жар.
Предвкушая сытный вечер,
С алчным блеском хитрых глаз

Ёжика толкнула к речке, –
Сам раскроешься сейчас!»
Ёжик волн хлебнул немало,
Но в одной такой волне
Рядом Выдра проплывала:
«Эй, садись на спину мне!»
Ёжик плыл, держась за Выдру,
А Лиса на берегу:
«Я тебе все иглы вырву,
Я тебя и съесть могу!»
Сквозь камыш в утиных перьях,
Сквозь лягушачьи глаза
Выдра на соседний берег
Ёжика перевезла.
Ёжик лёг в траву и горько
Зарыдал в земной тиши:
«Я лечил...Менял иголки...
А они...За что? Скажи!
Боль была невыносима,
Но ещё страшней того –
Иглы потеряли силу,
А быть может, волшебство.
По тропинкам и по рекам
Вскоре разошлась молва –
Стал обычным Ёжик-лекарь,
А легенда всё жива.
У ежовых нор поныне
Квартируют от тревог
И Медведь, чьи ноги ныли,
И рогатый Лось, и Волк,

А вчера слышали, вроде,
Кто-то иглами в лесу
Снова лечит, и уходит
Вся болезнь в одном часу.
И Дупло, вдыхая лето,
Прошептало из ветвей:
– Ветры выдули бесследно
Всё из памяти моей. –
Лес молчал. И только Дятел
На сосне, что было сил,
Как безумное заклятье,
Многоточие твердил.

Как лес и его обитатели обрели свой цвет

Смеркалось... И Дупло в лесу
Дремоту одолев,
Считая звёзды, как росу,
Гудело нараспев:
– Давным-давно, с какой поры
Забыл Дуб-властелин,
Что на деревьях цвет коры
Когда-то был един. –
И долго мучалось Дупло
Во сне и наяву,
И разбудить едва смогло
Глухих морщин молву:
– Собрались как-то на бугре
Деревья всех пород,
Не различить их по коре
Сквозь листьев хоровод.
Листвы узорчатый наряд,
В прожилках тихий свет.
И деревца толпой стоят,
Сойдясь, как на совет.
Договорились, шелестя,
Что каждое найдёт
Свой цвет под радугой дождя
Иль в звёзд круговорот.

Оповестить решили лес
И лучше не смогли
Найти глашатая окрест,
Чей клич слышать вдали:
«Кукушка справится одна,
Сомненья в этом нет...»
И вот уже спешит она
По веткам ветру вслед.

1

Метель металась в январе.
И деревце к весне,
Рассвет встречая на бутре,
Привыкло к белизне.
Свои царапины мороз
Оставил там и тут.
Её с тех пор, как повелось,
Берёзою зовут.
Себя невестой ощутив,
Берёза расцвела
И свой трепещущий мотив
В косички заплела.
Под нею прячутся грибы,
И в шелесте ветвей
Под нею в час людской гульбы
Нет места веселей.
Июльским солнцем раскалён
Гудит высокий бор.
И подпирает мощь колонн
В заоблачный простор.

От ветра или от жары
В мерцающем луче
Покрылся медью цвет коры
На стройном кедраче.
С иголок капельки дождя
Слетают вниз к тропе...
Созреют в шишках погода
Орешки в скорлупе.
Но шишки вскоре упадут
В траву и на песок,
Их белки тут же разнесут
В укромный уголок.
Однажды в непогожий день,
Как будто вся в золе,
От тучи серенькая тень
Скользнула по земле.
Приметив дерево, неспроста
По всей коре ствола
Она с пугливого листа
Свой цвет перелила.
А в небе гром устал терпеть,
И дерево затряслось:
«Осиной будешь ты теперь!» –
По лесу разнеслось.
Она, от радости дрожа,
Шептала: “Че-пу-ха!
Ведь у меня одной душа,
А у других – труха!”
Плескался дерзкий ветерок
Пахучею травой,

А на опушке сена стог
Дышал туманной мглой.
Вдруг светом ягод зарябил
Лес, будто блеском рос.
А исходил он от рябин –
Вот так прозвал их Дрозд.
И эти деревца не смог
Сломать и ураган:
Клонил он их то вниз, то вбок,
Но лишь сгибался стан.
А рядом ветви опустив
В зелёной бахrome,
Густые ели, в зной застыв,
Мечтали о зиме.
Тянулись ели в небосвод,
Туда, где млечный свет.
Покрыл серебряный налёт
Их дивный силуэт.
Тут птицы весело поют
И раннею весной
Гнездовья на ветвях не вьют,
Храня убор лесной.
То солнце в небе, то луна,
То облака с дождём...
В лесу звенела тишина
Сыпучим комарьём.
Из года в год, из века в век
Свой цвет все обрели –
И те, что вытянулись вверх,
И те, что вширь росли.

– Мои морщины – шрамы лет, –
Заметило Душло. –
И Дуб в них наглухо одет,
Буранам всем назло.
Мой Дуб – могучий исполин –
Радужный к пенью птиц,
Хранитель сказок и былин
И всяких небылиц.
В нём доброта и волшебство
Корнями вглубь ушли,
С землёю ощутив родство,
Дуб принял цвет земли.

2

Бродили звери по земле,
А масть у всех одна,
Что на Лисе, что на Змее
Она, как ночь, темна.
И стали звери замечать,
Куда ни забредут,
Что все деревья излучать
Цвета не устают.
Со всех тропинок и дорог
Под красный зонт гриба
Из нор, оврагов и берлог
Сошлась зверей гурьба.
Всех волновал один вопрос:
Откуда разный цвет?
И кто-то с грустью произнес:
«Эх, вызнать бы секрет!

Но как же нам его найти,
В какой податься край?
Цвет, может, где-то на пути
Окрасит невзначай».
Бельчонок вдруг прильнул к сосне
И рыжий цвет обрёл.
Глазёнки радости полны
И хвост, как куст, расцвёл.
Метнулся Заяц в березняк
И, видно, неспроста
Оттуда выскочил беляк
От носа до хвоста.
Среди сородичей своих
Гордился белизной...
Тут чёрный Волк – и тот притих,
На что казался злой.
Медведь от зависти рычал
И грыз какой-то сук.
И сам того не замечал,
Как изменился вдруг.
И принял тот же цвет коры,
Которую он грыз...
Змея шипела от жары
В цветах болотных брызг.
С разводами на голове,
Пугая день и ночь,
Ползла неслышно по траве,
Шипя: «Кому помочь?»
Накинул Ёж в иголках плащ,
Что ельник подарил:

«Меня кусали все, хоть плачь,
Теперь я – туча игл».
Поодаль шёл безрогий Лось
И где-то под сосной
Корягу встретить довелось
Ему в глуши лесной.
Её копытом подцепив
И вскинув над собой,
Лось громогласно протрубив,
Поднялся над тропой.
С корягою над головой
Лось поглядел в родник:
«Вот это да! Венец земной
Меня и лес роднит».
А после ливня как-то раз,
Когда весь лес блистал,
Кабан споткнулся прямо в грязь
И так чумазым стал.
Огонь в лесу – лишь только тронь –
В ветвях за бликом блик.
Лиса шмыгнула сквозь огонь
И порьжела вмиг.
Дымился лес. И тот, кто спал,
Проснувшись, заорал.
В летящий пепел Волк попал
И пепла цвет вобрал.
Случайно, может, или нет
Со временем в лесу
Все звери обрели свой цвет,
Кто в стужу, кто в грозу.

Как и тогда, так и сейчас,
Рыча или трубя,
Они, встречаясь, каждый раз
Дивятся на себя. –
Устало ухнуло Дупло,
Как Филин на заре.
И лес наполнило тепло
В туманном серебре.

Смышлёный лягушонок

Болото трясинной урчало,
Дымил комаров перезвон.
Дупло то о чём-то молчало,
То что-то бубнило сквозь сон.
При том, а, быть может, при этом
Услышали, кто захотел:
– Был случай скандальный тем летом,
Когда жаворонок запел.
В сиреновом модном платочке
Увидела Утка вблизи,
Как прыгала с кочки на кочку
Лягушка, купаясь в грязи.
И квакала, квакая, злилась
Да так, что тревожился лес.
И Утка, вздыхая, взмолилась:
«И как тебе не надоест!»
Лягушка, надувшись, плаксиво
Сказала, картавя в ответ:
«Треклятые кочки в трясине ...
Им счёту, наверное, нет».
Качаясь в болотном дурмане,
Шепталась осока-трава.
И прыгали в белом тумане
Лягушки “ква-ква” да “ква-ква”.
Так, прыгая с кочки на кочку
Над тёмным разливом воды,

Лягушки, казалось, хохочут,
От смеха надув животы.
В проёмах вода отражала
Стрекоз, что мелькали шурша.
Решила надменная Жаба
С болота прогнать лягушат.
Так, чтобы дремать до рассвета
Ей в сладостных снах без тревог,
Чтоб квакать никто до обеда
И после обеда не мог.
Окликнула Жаба однажды
Лягушек пузатый народ:
«Измучилась Цапля от жажды
И плачет все дни напролёт...
Наверно, простыла, бедняга,
И шею не в силах согнуть!
Тумана белёсая влага
Окутала ноги и грудь».
«Но квак ей окажешь услугу?
Как кваплю поднять в высоту?»
«Взбирайтесь на спину друг другу,
А воду держите во рту!» –
И Жаба, предавшись обману,
Чтоб снять с пучеглазых испуг,
Лягушкам, как по барабану,
Стучала по пузу: тук-тук.
Над сетью раскинутой тины
Звенит комариная рать.
Лягушек скользящие спины
Не в силах собратьев держать.

Едва возвели пирамиду,
Как тут же рассыпались вмиг.
И враз потеряли из виду
Ту птицу, что ростом с тростник.
А Жаба на зыбкой трясине
Смеялась над ними, дразня:
«Квак, видится, что не по силам
Вам эта затея, друзья!»
И здесь Лягушонок какой-то,
Согнув над водою камыш,
Взлетел над туманом и ойкнул,
И с ним пригорюнилась тишь.
Надел камышонок ракушку,
И Жаба, восторг не тая,
Толкнула другую Лягушку:
«Теперь очерёдность твоя».
Лягушка утратила смелость,
Но стоило Жабе взглянуть,
Как разом и ей захотелось
На крыльях под солнцем вздремнуть.
Цветут над водою кувшинки,
Свои отражая цвета,
И светятся в листьях прожилки,
Как будто застыла вода.
Собрались старушки-квакушки,
Судачат про то и про сё:
«Куда подевались подружки?
Квакой-то обман, да и всё!»
Тумана волокна закрыли
Мелькнувший на небе просвет:

«Там греет их Цапля на крыльях, –
Послышался Жабы ответ. –
На крыльях тепло и уютно,
И солнышко льёт с высоты,
И ждёт она каждое утро
Вас с каплей целебной воды».

2

О, эта нежданная весть
Тотчас облетела болото.
И каждый пытался пролезть
Поближе – услышать хоть что-то.
И вот из лягушек толпа
Уже собралась возле Жабы:
«В воде так немного тепла
И нам бы погреться хотя бы!»
И голосом Цапли во мгле
Прыщавая Жаба пропела:
«Скорей, лягушата, ко мне!
На крыльях давно потеплело».
Но тут из-под тины густой
Вдруг выглянул Селезень сизый:
«Куда, Лягушонок, постой,
Смотри, не лишиться бы жизни...»
Заслышав такие слова,
Упал с высоты Лягушонок
И вымолвил еле “ква-ква”,
Паденьем своим оглушённый.
Очнулся и видит вблизи,
Как скачут болотные блохи,

Как прутья в зелёной грязи
Торчат голенастые ноги.
Туман поднимался, как дым,
Где всё неземное скрывалось,
И в этом тумане над ним
Знакомое “ква” оборвалось.
И брызгами день ослепив,
Где ряски зелёная латка,
Упала, его зацепив,
Кривая лягушечья лапка.
Смекнул Лягушонок тогда,
Что Цапля собратьев глотает.
«Беда! – Закричал он, – беда!
Нас Жаба на смерть посылает!»
И снова послышался хруст,
И жалкое “ква” через силу.
Едва не лишившийся чувств,
Упал Лягушонок в трясины,
Тараща в напряге глаза
И тину скрутив, что есть духу,
Он Цапле так ноги связал,
Что сам подивился, как туго.
«Доколе же можно терпеть
И страшного клюва пугаться!
Эй, Цапля, попробуй теперь
За мной по болоту угнаться!»
«Ах, ты, пучеглазый урод,
Тебе ли с ней меряться силой?!» –
Раскрыв в возмущении рот,
Забулькала Жаба в трясине.

Шарахнулась Цапля в кусты,
А ноги-то спуганы были,
Упав, нахлебалась воды,
И перья во мгле зарябили.
Из клюва один за другим
Спешили на свет лягушата
И с радостным смехом своим
Скакали по кочкам куда-то.
Спасённых лягушек квартет
Старался, аж брызгали капли.
Подруги узнав силуэт,
Со скрипом заплакали цапли:
«Как жить без болота теперь,
Когда Лягушонок лукавый
Ведёт себя хуже, чем зверь,
А с виду смешной и плюгавый».
В напастях себя отстоять
Училось живое в природе.
Так цапли решили стоять
Одною ногою в болоте.
Болотное сгнило родство
В картавом безудержном споре,
Не помня совсем ничего,
Лягушки и жабы в раздоре. —
Но как-то нахмурился день,
И облако с каплей явилось...
И кепкой листвы набекрень
Дупло от ненастья прикрывлось.

Медведь – почтальон

Ветер в сумрак ворвался, как пламень,
И росой кору обожгло.
Вновь листва прошумела, как память,
И откликнулось сказкой Дупло:
– Это было в то чудное время,
Когда звери умели писать,
И сосновые иглы, как перья,
Приходилось по лесу искать.
Звери часто друг другу писали –
Каждый был сам себе почтальон.
А потом адресата искали,
И так было в лесу испокон.
Суетились то утром, то ночью,
Создавая в лесу кутерьму.
И тогда догадались, что почту
Разносить надлежит одному.
По листочку раздали с берёзы,
Дабы каждый отметил на нём,
Кто б ответственно мог и серьёзно
Быть разносчиком ночью и днём.
Звёздный свет над землёю рассыпал
Серебристую тайну свою...
Кто-то Белочку шустрюю выбрал,
Кто-то Зайца, а кто-то Змею.
Все листочки под вечер немедля
Подытожила стайка пичуг:

«Почтальоном избрали Медведя,
Чтобы груз был любой по плечу».
Двери почты открылись в берлоге,
Восседая в очках за столом,
Был Медведь и учтивым, и строгим,
Сортируя письмо за письмом.
Вот послание Волку от брата,
Что живёт за оврагом крутым.
Вот посылка, которую надо
В срок доставить лисятам больным...
Он из лыка почтовую сумку
Сплёл. Закинув её за плечо,
К Дятлу вышел по дробному стуку,
Чтобы тот телеграмму прочёл,
Что пришла из соседнего леса –
Там спилили последнюю ель –
Вот и ищут пернатые место,
Где бы щебет звенели и трель.
Дятел тут же послал приглашенье.
А Медведь, расшибая пеньки,
Утопая в бурьяне по шею,
Через лес поспешил напрямки.
У барсучьей норы торопливо
Проштампованный вынул конверт:
«Ожидаются речки разливы –
Уходите подальше от бед».
Так сородичи им написали,
Что в верховьях по речке живут.
«Ну, решайте – вы сами с усами,
А меня ещё лешие ждут».

Пробирался Медведь сквозь чащобу,
Ощущая всей шкурою боль:
«Эх, доставить зайчатам ещё бы
Очень важную бандероль».
Леших в ельнике не оказалось,
Да и зайцы ушли за травой.
И Медведю одно лишь осталось –
Возвращаться понуро домой:
«Завтра всех непременно застану,
Только с первым лучом поднимусь...»
И шагая по лесу устало,
Повторял адреса наизусть.
Брёл Медведь и берёзовой лампы
Где-то видел негаснущий свет...
Дверь берлоги открыл и заплакал –
Лапы ныли, спасения нет.
Он прилёт на дубовой кровати,
Чей-то голос шептал перед сном:
«Ах, как штемпель блестит на халате,
И на кепке блестит серебром...»
Тут в берлогу пробравшись без стука,
Леший руки в заклятье скрестил.
И, наверное, сам от испуга
За спиною Медведя застыл.
Был у Лешего нос сучковатый,
Уши круглые, будто грибы.
Как болотца, глаза мутноваты,
Как пиявки – две жирных губы.
Думал Леший, что зря он обижен,
И считал справедливей всего:

Так как знает всех жителей ближе,
Почтальоном быть – дело его.
Леший вспомнил о няньке-колдунье
И о взоре туманном её,
Глубоко погрузившись в раздумье,
Он придумал коварство своё.
Так решился в медвежью породу
Он пчелиное жало вонзить,
Чтобы тягу извечную к мёду
Было некому впредь излечить.
И не видел никто, и не слышал,
Как загадочный Леший во мгле,
Из берлоги таинственно вышел
И растаял в туманном тепле.
Встал Медведь и напился водицы,
И подумал: «А, может быть, мне
Перестать, наконец-то, возиться
С этой сумкой на трущем ремне?»
Покачнулся на согнутых лапах,
Потянулся... Расслабился всласть...
И мгновенно почувствовал запах,
Заимевший над мыслями власть.
Сладкий запах душистого мёда
Исходил от посылки в углу.
И Медведь весь в испаринах пота
Растянулся без чувств на полу.
А очнувшись в мерцании света,
Со стыда покраснел оттого,
Что лисята, измучившись где-то,
Исцеления ждут своего.

В сумку сунув посылку лисятам
И закинув за плечи ремни,
Поспешил по тропинке куда-то,
Где водились плутовки одни.
Притомился и сел на пригорке,
А из ящичка сладостный дух.
Облизнулся Медведь, да и только,
И затопал, пугая пичуг.
На рассвете прилѣг у опушки,
А во сне тот же запах опять:
Ведь посылка-то вместо подушки,
Тут и пчѣлы слетелись жужжать.
И Медведь, спохватившись, дал дѣру,
Пчѣлы тучей взметнулись, как дым.
Он бежал так, что, кажется, впору,
Только Лосю угнаться за ним.
Закружился в кустах можжевела –
Ни тропинки, ни даже следа...
Сумка с ношею отяжелела...
Мѣду хочется как никогда:
«Может быть, ничего не случится,
И никто не заметит в дому,
Будет чем и лисятам лечиться,
Если я лишь на лапу возьму».
Крышку вскрыл он дрожащим мизинцем:
Лес услышал, как гвозди скрипят...
И на лапе весь мѣд уместился,
Что в посылке лежал для лисят.
В пасть засунул мохнатую лапу –
Так Медведь не был счастлив давно!

Мёд тянулся и медленно капал,
И на брюхе искрилось пятно.
Миновав можжевельник и кочки,
Прислонился к берёзке спиной:
«Хорошо быть разносчиком почты,
Всякий рад от общенья со мной.
Я могу рассказать про малину,
Про родник с огоньком голубым...
Только, как объяснить мне причину
Ту, что мёд не доставил больным?»
И Медведь загрустил и захныкал:
Сумка вдруг оказалась пустой.
Кто-то письма последние выкрал,
Неужели сорочий разбой?!
А сороки тем временем в роще,
Что вблизи зеленела холмом,
На своём языке, на сорочьем,
Обсуждали письмо за письмом.
И рванулся Медведь без тропинок,
Без дорог по чащобе лесной.
Чья-то сила его торопила,
И ревел он в слезах сам не свой.
Поджидали его у берлоги
Ёж угрюмый и злая Лиса:
«Где мой мёд? За лисят я в тревоге –
Говорят, он творит чудеса!..»
Ёж поддакнул и тоже с вопросом:
«Где депеша, которую жду? –
И разгневанно, фыркая носом,
Проворчал: – Завтра снова приду!»

Тут, ступая бесшумно и робко,
Подошёл к ним молоденький Лось.
И сказал, извиняясь, негромко:
«Телеграммы моей не нашлось?»
И блеснув на пришедших очками,
Пробурчал недовольный Медведь:
«Тяжело мне... Попробуйте сами,
Чтобы в срок и повсюду успеть».
Каждый верил: Медведь будет близким,
И любому поможет в беде...
Вдруг Лиса заприметила искры
Капель мёда в его бороде.
И упала без памяти в травы,
Лишь успев прокричать на весь лес:
«Ах, негодник! Кто дал тебе право
Всё лекарство пчелиное съесть!»
Ёж напомнил ему про депешу,
Телеграмму востребовал Лось.
«Нам не нужен такой, лучше Леший!» –
Из звериной толпы донеслось.
Барсуки и куницы, и волки
Обступили Медведя, что тьма.
И хихикнул Хорёк из-под ёлки:
«Много шерсти, да мало ума!»
И посыпались вновь предложенья:
Кто Енота, а кто-то Дрозда...
Не приняв никакого решенья,
Под луной разбрелись кто куда.
Стала почта обычной берлогой,
Спит Медведь и в метель, и в грозу.

Лес остался без почты надолго,
А быть может... Всё может в лесу. –
И Дупло, обжигаясь росой,
Приумолкло, наверно, устав.
И глядело с какой-то тоскою
На почтовую сумку в кустах.

**Указатель поэтических книг
А.А. Богдановича**

- Красная земля.** – М.: Московский рабочий, 1972.
Отрада. – М.: Советская Россия, 1973.
Праздник пахаря. – М.: Советский писатель, 1977.
Именем хлеба. – М.: Современник, 1978.
Серебряная память. – М.: Воениздат, 1979.
Кубанка. – М.: Б-чка ж-ла «Советский воин», 1980.
Пожелание. – М.: Молодая гвардия, 1981.
Возвращение птиц. – М.: Современник, 1983.
Стихи. – М.: Советский писатель, 1984.
Зерно любви. – Краснодар: 1985.
Вечер в далёких полях. – М.: Советская Россия, 1987.
Дикая яблоня. – М.: Московский рабочий, 1989.
Спасибо вам, люди. – М.: Воениздат, 1991.
Под взглядом небес. – М.: Шаг, 1996.
Избранное. Т. 1. – М.: Современный писатель, 2000.
Философия пространства. – М.: МГО СП России, 2001.
Говорящее дуло: Сказки. – М.: Советский писатель, 2004.
Миф одиночества. – М.: Советский писатель, 2007.
Золотые цепи атамана. – М.: Вече, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

«Читатель мой! Я в этой книге...» 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Я – простой служитель слова...» 7

«Ты ждал от яблони плодов...» 8

Соловьи 9

Кольцо 10

Говорили ему... 11

Миф одиночества 12

Дар 14

«Синева над землёй, синева...» 16

Фортуна 17

«Не смею, Господи, просить...» 19

Любовь Коперника 20

Провидение 21

Трубач 22

Покаяние любви 24

«Глаза – осенняя усталость...» 26

Молитва 27

Гнездо 28

Наташка 30

И всё же 32

Венчальное 33

Помните, люди! 34

Письмо 35

Искушение 37

Землячке 38

«Степь, как птица,

чуткая-пречуткая...» 39

Тёзка	40
Морское	42
Ответ	43
Элегия	44
Любимым	45
«Небо тучами рябило...»	46
«Этих слов отголоски...»	47
Просьба	48
«Вернись в Ахуны...»	49
Дарья	51
Незабудка	53
Баба Шура	54
Приезжий	56
«Золотые корни сосен...»	59
«Лета красного макушка...»	60
Подкова	61
Закат	64
Последний	66
Черты	67
Тихий свет	68
Жигулинский пруд	70
Реквием	73
«Есть день, когда весной в саду...»	74
Прятки	75
«Я прощаюсь с самим собой...»	76
Монах	77
Ангел	79
Неизъяснимое	80
«В переднем углу образа...»	82
Жить на свете	83
Чудотворцы	84
Предзнаменование	87
Гипноз	88

Баллада о Михее	89
Наездница	92
Посреди России	94
Степной мираж	95
Овраг	97
«Ты принял хлеб за истину...»	98
Косогор	99
Огонь	100
Костёр	101
Откровение	102
В снегах	103
Обойдись	105
«Машина по снежному срезу...»	106
Доля	108
Березол	109
Сморчки	111
Прутик ивы	113
«Небо синью озёрной играло...»	115
«Я жаворонку крикнул...»	117
Пугачёв	118
Могила Пересвета	119
«Страна ещё не знала революций...» ...	121
Ольгинское	122
«Кукушка вчера куковала...»	124
Лебедята	125
Коньки	126
Дети 41-го	128
«В белом мае на Кубани...»	129
Путнику	131
Футбол	132
Философия пространства	134
Сосед	135
Ничего	137

Пока ранимы	138
Путь к звёздам	139
Посланец	141
Десантник	142
Сон	144
Струна	145
Верёвочка	146
«Всего-то жить осталось...»	147
«Вблизи дыхания ключа...»	148
Парадокс	149
Валенки	150
Сума	151
Согласие	152
Отзовись!	153
«Николо-Угрешские стены...»	154
«Только Бог ещё, быть может, выше...» ..	155
Измерение	156
В лесу	158
Вербное	159
Привычка	160
Моя любовь	161
Шахматово	162
Гониболь	163
Гадюка	164
Север	165
Черёмуховые холода	167
«В Москве...»	168
Предчувствие	169
Из поля в степь	170
Балерина	171
«Девчонка мнёт в руках цветов...»	173
Город	174
Отпускник	175

«Мои стихи – мои молитвы...»	177
Кафедральный собор	178
Мост	180
Вишня	182
Тарханы	184
Болдино	186
«Она стояла при дороге...»	187
Чудная	188
Спутники	190
Стожары	191
Свидание	193
Конфета	195
Небесное	196
Стардом	197
Трамвайный вагон	199
«Камень древний, как эпоха...»	200
Разговор	201
Верность	203
Жизнь	204
Обида	206
«И в душе, и в поле чисто...»	207
Богатство	208
Тот день	210
Самообман	212
Мёд	213
Пророк	215
Прозрение	217
Росток	218
«О, моя доверчивая родина...»	220
А над ним	222

ПОЭМА

Золотые цепи атамана 223

ГОВОРЯЩЕЕ ДУПЛО. Сказки 275

От автора 277

Лесной дедушка 279

Сказка о скупой деревне 283

Три крапинки 287

Волшебный жёлудь 291

Кукушкин домик 297

Медвежья горка 301

Сказка о богатой и бедной земле 306

Призрак 314

Илья 320

Маскарад 325

Паутина 329

Белка и змея 336

Чертовщина 345

Лесной дедушка и разбойники 350

Лесная школа 357

Концерт дедушки Николы 364

Медведь – строитель 371

Ёжик – иглотерапевт 378

Как лес и его обитатели

обрели свой цвет 387

Смышлёный лягушонок 395

Медведь – почтальон 401

Указатель поэтических книг 409

**Анатолий Александрович
БОГДАНОВИЧ**

Избранное
Том 2

Редакция, компьютерный
набор и корректура
Н.А. Решетняк

Художник
Е.Я. Потапов

Вёрстка
Е.А. Сенчагова

Сдано в набор
Подписано в печать
Формат 70x100^{1/32}
Бумага офсетная. Гарнитура Гарамонд.
Тираж